

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2015 г., том 22, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Адоньева И.Г. Репрезентация историко-правовых исследований в русской журнальной прессе второй половины XIX в.	5
Родигина Н.Н. «Героический сотник», «женщина-Герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в.	10
Лбова Е.М. Проблемы издания и распространения русской книги в Париже в 1920–1930-е гг.	15
Лизунова И.В., Альшевская О.Н. Модернизация издательского дела России: институциональные изменения рубежа XX–XXI вв.	19
Гончарук И.А. Развитие дальневосточного книгоиздания и книжной торговли на рубеже XX – начала XXI в.	25
Иванов В.Г. Канон vs андеграунд: об алгоритме перемен в литературно-художественном книгоиздании России конца XX – начала XXI в.	29
Трояк И.С. Краеведческие издания Дальнего Востока России в начале XXI в.: традиции и новации	33
Чернышова Н.К. Православное книгоиздание современной Сибири: формирование источниковой базы исследования	38

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Трофимов А.В. Модернизационная парадигма российской истории XX в. (по страницам «Уральского исторического вестника»)	43
Худяков Ю.С. Восстания татарских этнических групп в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг.	48
Севастьянов И.М. Организация старообрядческих училищ при Московской старообрядческой общине Рогожского кладбища в 1905–1907 гг.	52
Кухаренко А.А. Историография деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси	58
Храмцов А.Б. Участие органов городского самоуправления в общественно-политической жизни Сибири (1905–1917 гг.): историография проблемы	62
Шумилова Э.Е. Демографическая ситуация в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг.	68
Юрлов П.В. Феномен государственной торговли в Сибири в начале нэпа (1921–1923 гг.)	73
Савицкий И.М. Экологическая обстановка в Западной Сибири в связи с испытанием ядерного оружия на Новоземельском полигоне	78
Карпов В.П. Новая индустриализация Тюменского Севера: возможности и риски	83

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ведерников В.В. Сузунская медь и монета в 1766–1848 гг.	88
Никаноров И.Н. О взаимоотношениях федосеевцев и филипповцев в первой половине XIX в.	93
Кальбекова М.Ч. Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны	98
Никитина С.Е. Трансформации культуры русских арктических старожилов Якутии	102
Куперштох Н.А. Рец. на кн.: Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.	106
Шелегина О.Н., Ерохина Е.А. Рец. на кн.: Костюм народов Поволжья: Каталог / сост. М.А. Овчарова. Новосибирск, 2014. 98 с.: ил.)	108
Мазур Л.Н. Рец. на кн.: Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914 – 1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.	109

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 23.03.15. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 51.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2015, vol. 22, N 1

CONTENTS

BOOK CULTURE

Adonyeva I.G. Representation of Historical-Legal Research in the Russian Magazines of the Second Half of the XIX Century	5
Rodigina N.N. «Heroic Sotnik», «Woman-Herostratus» and Others: Images of Travelers from Siberia to the Capital in the Weekly Magazines of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries	10
Lbova E.M. Problems of Publication and Distribution of Russian Books in Paris in the 1920s-1930s	15
Lizunova, I. V., Alshevskaya O. N. The Publishing Business Modernization in Russia: Institutional Changes at the Turn of the XX-XXI Centuries	19
Goncharuk I.A. The Development of the Far Eastern Book Publishing and Trade at the Turn of the XX – Early XXI Centuries	25
Ivanov V.G. Canon Vs Underground: Changing Algorithm in Fiction Book Publishing in Russia in the Late XX – Early XXI Centuries	29
Troyak I. S. Local History Editions of the Russian Far East in the Early XXI Century: Traditions and Innovations	33
Chernyshova N.K. The orthodox Publishing in Modern Siberia: Forming the Source Base of Research	38

PROBLEMS OF HISTORY

Trofimov A.V. Modernization Paradigm of the Russian History in the XX Century (Reviewing the “Ural Historical Herald”)	43
Hudyakov Yu.S. Revolts of the Tatar Ethnic groups in Western Siberia at the End of the 1620s – the Beginning of the 1630s	48
Sevastyanov I.M. Organization of Old Believers’ Specialized Schools in Moscow Old-Believers’ Community of the Rogozhsky Cemetery in 1905-1907	52
Kukharenko A.A. The Historiography of the Peasant Land Bank Activity in Belarus	58
Khramtsov A. B. Participation of Municipal Governments in the Social and Political Life of Siberia (1905-1917): Historiography of the Problem	62
Shumilova E.E. The Demographic Situation in the Cities of Western Siberia in 1914-1917	68
Yurlov P.V. The State Trade Phenomenon in Siberia at the Beginning of the New Economic Policy (1921-1923)	73
Savitsky I.M. The Environmental Situation in Western Siberia in Connection with the Nuclear Weapons Testing at the Novozemelsky Nuclear Site	78
Karpov V.P. New Industrialization of the Tyumen North: Opportunities and Risks	83

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Vedernikov V.V. Suzun Copper and Coins in 1766–1848	88
Nikanorov I.N. On Relationships of Fedoseevtsy and Filippovtsy in the First Half of the XIX Century	93
Kalybekova M.Ch. Deportation of the People to Kazakhstan during the Second World War	98
Nikitina S.Ye. Cultural Transformation of the Russian Old-Settlers in the Arctic Areas of Yakutia	102
Kuperstokh N.A. Rec. ad op.: Shelegina O.N. The World of Museums in Siberia: History and Current Trends In Development (Muzeynyy Mir Sibiri: Istorii I Sovremennyye Tendentsii Razvitiya). Ed. by V.A.Lamin, M.V. Shilovskiy. Novosibirsk: The Publishing House of SB RAS, 2014. 396 p.	106
Shelegina O.N., Erokhina E.A. Rec. ad op.: Costumes of the Peoples of the Volga Region: A Catalogue (Kostyum narodov Povolzhya: Katalog). Comp.by M.A.Ovcharova. Novosibirsk, 2014. 98 p.:ill.	108
Mazur L.N. Rec. ad op.: Rynkov V.M., Ilyinykh V.A. Decade of Turmoil: Agriculture of Siberia in 1914-1924. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS, 2013. 344 p.	109

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
[HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA]**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

Editorial address: 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SB RAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 947(571)+340.01(09)

И.Г. АДОНЬЕВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Инесса Геннадьевна Адоньева, канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет (НГТУ),
630073, Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20
e-mail: adoinessa@yandex.ru

В статье рассматриваются основные черты репрезентации итогов историко-юридических исследований, выполненных во второй половине XIX в. Базовыми концептами являются история интеллектуальной культуры и книжная культура как ее составляющая. Установлено, что труды, посвященные истории права, одновременно были представлены в виде монографий, разделов в сборниках статей и отдельных статей в «толстых» журналах. Доказано, что большая часть этих работ принадлежала выпускникам и сотрудникам Московского университета, которые были связаны профессиональными и дружескими отношениями с М.Н. Катковым, публиковались в «Русском вестнике» и пользовались услугами типографии «Катков и К°». В статье сделан вывод о том, что книжная культура и периодическая печать являлись важными составляющими интеллектуальной культуры рассматриваемого периода. Они способствовали репрезентации академических историко-правовых знаний, знакомили образованное общество с достижениями научной юриспруденции.

Ключевые слова: интеллектуальная культура, книжная культура, «толстые» журналы, историко-правовые исследования, монография, сборник статей.

I.G. ADONYEVA

REPRESENTATION OF HISTORICAL-LEGAL RESEARCH IN THE RUSSIAN MAGAZINES OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Inessa Gennadyevna Adonyeva,
Candidate of historical Sciences, Docent
Novosibirsk State Technical University (NSTU),
Prospekt K. Marksa, 20, Novosibirsk, 630073
e-mail: adoinessa@yandex.ru

The article characterizes representation of results of historical-legal research in the second half of the XIX – early XX centuries. A wide range of sources is used. The basic concepts are the history of intellectual culture and book culture as its component. Intellectual culture is understood as cumulative mental and verbal resources of society that creates and uses ideas putting them into circulation among its contemporaries through various means of communication. Scientific and journalistic works by A.N. Afanasyev, A.G. Brickner, A.D. Gradovsky, I.I. Dityatin, V.N. Leshkov, A.V. Lokhvitsky, K.P. Pobedonostsev, N.V. Reutsky, B.N. Chicherin, P.K. Shchebalsky have been analyzed. It is noted that works on historical-legal topics were published by the leading experts in this area in the so-called “fat” magazines, which were the means of scientific knowledge dissemination. The article reveals specifics of publishing individual monographs and collected scientific papers the texts first appeared in press and then were published as separate editions turning into a part of book culture. Besides, in some cases publications in magazines could give authors an opportunity to continue their monographic studies.

Most of the papers belonged to the Moscow University graduates and scholars, who were colleagues and friends with M.N. Katkov. They used the services of the printing house «Katkov and K°» and published their works in «The Russian Herald». The author concludes that the book culture and

periodicals were an important component of intellectual culture of the period under review. They contributed to representation of academic historical-legal knowledge by introducing achievements of scientific jurisprudence to educated society.

Key words: intellectual culture, book culture, «fat» magazines, historical-legal research, monograph, collected papers.

«Толстые журналы», или «журналы обычного русского типа», во второй половине XIX – начале XX в. играли ключевую роль в распространении научных знаний. В условиях модернизации Российской империи серьезно возросла роль права как регулятора социальных отношений. Данным обстоятельством был обусловлен всплеск интереса к юриспруденции как со стороны государства, нуждавшегося в квалифицированных кадрах, так и со стороны образованного общества, испытывавшего потребность в знаниях об обновляющейся сфере жизни, приобретающей все большее значение для каждого человека. Указанные факторы привели к интенсивному развитию юридического образования и науки, а также репрезентации результатов исследований в периодической печати.

В связи с этим актуальным становится понимание того, каким образом осуществлялся «переход» той или иной идеи из мира ученых к образованному обществу Российской империи; необходимо также выяснить, что именно авторы стремились представить на страницах журналов, а что оставить в рамках диссертаций или монографий. Изучение особенностей авторского корпуса различных изданий, специфики репрезентации тех или иных сюжетов занимает серьезное место в современных работах гуманитарного направления [1; 2]. Научная и личная биографии деятелей отечественной науки XIX в., развитие исторической школы права неоднократно привлекали внимание исследователей [3; 4]. Однако учеными не актуализировалась проблема репрезентации итогов профессиональных изысканий их героев. Данный вопрос частично разрешен М.П. Мохначевой, рассмотревшей в том числе историко-правовые тексты, опубликованные на страницах «Журнала Министерства народного просвещения». Они были квалифицированы как выдержанные в строго научном и научно-публицистическом жанрах [5, с. 236–237]. Поэтому задачей настоящей работы является анализ историко-правовых трудов второй половины XIX в. с точки зрения их репрезентации в журнальной прессе.

Выбор историко-юридических работ в качестве объекта обусловлен тем, что история права была наиболее развитой отраслью научной юриспруденции в рассматриваемый период. Ее значимость определялась приоритетом государственно-исторической школы, объединившей в деле изучения прошлого отечественной юстиции историков и юристов. Основными источниками являются статьи, опубликованные в журналах «Русский вестник» и «Русская мысль» – изданиях, адресованных образованному обществу. Не менее значимы отдельно изданные труды авторов – сотрудников указанных изданий. Хронологические рамки ограничиваются периодом 1855–1905 гг.: от начала правления Александра II и актуализации в печати юридических

вопросов до начала Первой русской революции, изменившей правовые реалии Российской империи.

Основой для решения поставленной задачи является история интеллектуальной культуры, понимаемая как совокупный ментальный и вербальный фонд общества, которое создает и использует идеи, запускает их в обращение среди современников с помощью различных средств коммуникации. Одним из вариантов осмысления интеллектуальной культуры является анализ научных идей, интеллектуальной деятельности и поддерживающих ее институтов [6, с. 7–8]. Кроме того, рассмотрение проблемы невозможно без привлечения теоретических разработок из области книговедения. Историко-правовые произведения были частью книжной культуры Российской империи. Адекватным настоящей работе является предложенное Г.М. Казаковой культурологическое понимание книжной культуры как целостной саморазвивающейся системы – части общей культуры, которая включает в себя человека как объекта и субъекта культуры одновременно, его специфическую деятельность по производству, распространению и потреблению всего связанного с книгой / документом, а также многоосновное предметное бытие книги / документа – материальное, духовное и художественно-образное [7, с. 72]. Наиболее ярким примером взаимосвязи книжной культуры и журнальной прессы с позиций обозначенного подхода является первоначальная публикация в периодике произведений, ставших классикой русской литературы [8, с. 86]. Аналогичный путь часто проходили ученые труды. Авторы научных работ по истории права определяли судьбу своих текстов, предлагая их читателю включенными в более широкий контекст «толстого» журнала и как труд, существующий отдельно. Установлено десять авторов, исследования которых представлены одновременно в двух формах.

Большинство опубликованных в журналах статей (циклов статей) являлись частью исследования автора и имели отдельно вышедший печатный аналог. Однако, как правило, сначала появлялась публикация в прессе, а затем, спустя несколько месяцев или лет, издавались монография или сборник статей. Авторами были чаще всего состоявшиеся ученые. Исследователи во введении или вступительном слове старались прокомментировать причины появления отдельно изданного труда, особенно если это касалось сборника статей. Так, Б.Н. Чичерин воспользовался этой возможностью, чтобы ответить на вопросы оппонентов по поводу своей концепции происхождения и эволюции русской сельской общины, а также представить читателям доработанный вариант статьи «Несвободные состояния в древней России» [9, с. 7–9]. Возможно, еще одной причиной являлись технические недоразумения, связанные с опубликованием в первых номерах «Русского вестника» статьи о сельской общине, а также дальнейшее ох-

лаждение в отношениях Б.Н. Чичерина и М.Н. Каткова [10, с. 266–267; 11; 12; 13; 14]. А.Д. Градовский объяснял издание сборника своих статей так: «Мне пришло на мысль издать почти все, потому что статьи и этюды мои касались разных вопросов, которыми в сфере мысли и в сфере политики живет наше общество» [15, с. 1]. В этот сборник вошла ранее опубликованная в «Русском вестнике» статья «Исторический очерк учреждения генерал-губернаторов в России» [16; 17]. Очевидно, адресатом отдельной книги была та же читательская аудитория, что и у «толстых» журналов. Докторская диссертация Градовского в 1868 г. была опубликована в виде как монографии, так и серии статей [18; 19; 20]. К.П. Победоносцев не стремился подчеркнуть значимость публикации своих трудов в качестве книги. Он ограничился кратким вступительным словом о том, что был избран почетным членом Московского общества истории и древностей российских. Это и стало для него мотивом «собрать напечатанные прежде в журналах труды свои по истории русских учреждений и издать отдельной книжкой в той мысли, что предмет, до которого касаются предполагаемые статьи, не утратил еще интереса» [21, с. 1]. Статьи Победоносцева были связаны с особенностями отечественной юстиции XVIII в. [22; 23; 24]. Сходный путь прошла работа историка А.Г. Брикнера «Мнения Посошкова», где автор детально рассмотрел правовые воззрения своего героя [25; 26]. Следует отметить, что практически все авторы, печатавшиеся в «Русском вестнике», публиковали свои труды в типографии М.Н. Каткова. Появление такой «двойной» публикации вызвано, вероятно, как коммерческими соображениями издателей, так и потребностями образованного общества. Так, в 1895 г. был посмертно издан сборник ранее опубликованных статей И.И. Дитяткина [27; 28; 29]. На обложке указано, что вырученные от продажи средства будут направлены на установление памятника усопшему и благотворительные цели, связанные с его именем.

П.К. Щербальский акцентировал внимание читателей на том, что его «Политическая система Петра III» (подробно излагавшая тонкости международных соглашений XVIII в., ставших серьезным фактором в биографии императора), отличается от напечатанной в «Русском вестнике» более обширными приложениями, которые было неудобно публиковать в журнале [30, с. 1; 31; 32]. Приложения включали ряд законодательных актов, не вошедших в Полное собрание законов. К сожалению, как отмечал сам автор, данное исследование стало последним крупным научным трудом – началась его административная карьера в Польше. Причем аналитическую работу, посвященную рассмотрению государственно-правовых последствий реформ Петра I, выполненную в глубоко апологетическом ключе по отношению к императору, Щербальский опубликовал только на страницах «Русского вестника» [31]. Его отдельные издания, раскрывавшие биографию и деятельность «работника на троне», ориентированы на массового читателя, неискушенного в тонкостях функционирования Боярской думы и Сената.

Этнограф и фольклорист, кандидат прав Московского университета А.Н. Афанасьев опубликовал в «Русском вестнике» главу своей будущей монографии, посвященной сатирическим журналам эпохи Екатерины II [33]. Избрание фрагмента, где рассматривались дискуссии вокруг судебных чиновников, в 1857 г. было обусловлено обсуждением будущей реформы правосудия. Афанасьев словно стремился подчеркнуть значимость современной ему эпохи через актуализацию прошлого: «Блистательное царствование Екатерины II, столько замечательное во всех отношениях, известно и своим благотворным влиянием на развитие отечественной литературы и журналистики. Успехи общественной жизни отразились и на серьезном содержании многих литературных произведений, и на благородном их направлении» [34, с. 1]. Судебный следователь Московского окружного суда Н.В. Реутский объяснил, как его интерес к вопросам религиозных правонарушений эволюционировал от практического к научному. Автор указал, что с введением Судебных уставов значительно повысилась раскрываемость по делам о преступлениях против веры. Необходимость понимания данного явления и ознакомления с ним коллег привела к глубокому его изучению [35, с. 1]. Однако публикация в «Русском вестнике» главы из монографии (через 11 лет после ее выхода) выглядит как рассказ из прошлого религиозной секты и повествование об успешной борьбе с ней московской полиции. Отсутствие в статье теоретической части сделало данный фрагмент любопытным только с точки зрения изложения фактического материала о мировоззрении уклонившихся от православия, методах привлечения новых adeptов, способах расследования таких дел в дореформенной России [36].

Опубликованные в «Русском вестнике» статьи профессор Московского университета В.Н. Лешкова и А.В. Лохвицкого объединяют два признака. Во-первых, история права для них была предметом пристального внимания на начальном этапе научной карьеры, в дальнейшем они посвятили себя полицейскому и уголовному праву. Во-вторых, представленные ими на страницах «Русского вестника» историко-правовые тексты не нашли отражения в рамках монографии или сборника статей, однако являлись продолжением предшествующих изысканий. В.Н. Лешков в своей диссертации идеализировал общественный и правовой строй допетровской Руси [37]. Эту мысль он продолжил в журнальных статьях, где фактически обвинял Петра I в разрушении стабильного правопорядка, основанного на выборности судей; установлении крепостного права в результате первой ревизии населения и разрушении института частной собственности [38; 39].

Труд А.В. Лохвицкого «Очерки церковной администрации древней России» получил воплощение только в виде серии статей [40; 41]. Однако, как и в предыдущем случае, это было продолжение исследования им права допетровской России, которое он начал с изучения регулирования института плена [42]. То, что данная работа о церковной администрации не была издана отдельно, объясняется сменой научных

интересов автора: он был отправлен в командировку для изучения уголовной юстиции европейских государств, и уголовное право стало в дальнейшем основным предметом его изысканий.

Репрезентация в «толстых» журналах результатов научных исследований, посвященных прошлому отечественной юстиции, способствовала их дальнейшей публикации в виде отдельного издания, что делало их частью книжной культуры. Для отдельных авторов научная публицистика являлась возможностью представить продолжение монографий. В основном эти работы принадлежали выпускникам и сотрудникам Московского университета, которые были связаны профессиональными и дружескими отношениями с М.Н. Катковым, публиковались в «Русском вестнике» и пользовались услугами типографии «Катков и К^о» (хотя по ряду причин книги могли печататься в других местах). У шести из десяти авторов журнальные публикации предшествовали выходу сборника статей. У двоих (В.Н. Лешкова и А.В. Лохвицкого) научная публицистика способствовала продолжению исследовательской работы по историко-правовой тематике. Глава из монографии Н.В. Реутского (фактически единственного из изучаемого круга авторов, профессионально не связанного с научной работой) была напечатана значительно позже книги. Тексты А.Д. Градовского появлялись на страницах «Русского вестника» и до, и после издания его трудов в качестве монографии или сборника статей. Своеобразным продолжением традиции отдельной публикации уже вышедших в прессе трудов стало издание в конце XIX в. сборника трудов И.И. Дитятин, принадлежавшего к петербургской научной школе и публиковавшегося в либеральной прессе. Таким образом, книжная культура и периодическая печать являлись важными составляющими интеллектуальной культуры рассматриваемого периода. Они способствовали репрезентации академических историко-правовых знаний, знакомили образованное общество с достижениями научной юриспруденции. То, что «книга шла за журналом», позволяет говорить о сложившейся общей тенденции первоначальной публикации в прессе, а затем ее издания в виде книги, т. е. изменение материальной формы текста сопровождалось минимальными содержательными дополнениями или, чаще всего, таковых не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родигина Н.Н. Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 76–81.
2. Морозова [Бессонова] Н.Н. Роль местной администрации в формировании авторского корпуса «Губернских ведомостей» Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 28–29.
3. Куницын А.С. Б.Н. Чичерин как поборник идеи естественного права // Государство и право. 2010. № 11. С. 87–95.
4. Нуреева С.В. К.П. Победоносцев о духовной основе государства и права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 11–19.
5. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М.: Изд-во РГГУ, 1999. Кн. 1. 383 с.
6. Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
7. Казакова Г.М. О содержании и качественных границах понятия книжной культуры // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2012. № 2. С. 71–73.
8. Попов В.А., Велигонова И.В. Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М.Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х – 1880-е гг.). М., 2014. 208 с.
9. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. 401 с.
10. Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с.
11. Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. № 1. С. 373–397.
12. Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Русский вестник. 1857. № 2, кн. 2. С. 649–694.
13. Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Русский вестник. 1857. № 3, кн. 1. С. 5–80.
14. Чичерин Б.Н. Несвободные состояния в древней России // Русский вестник. 1856. № 4. С. 185–258.
15. Градовский А.Д. Политика, история и администрация. М., 1871. 513 с.
16. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторов в России // Русский вестник. 1869. № 11. С. 5–31.
17. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторов в России // Русский вестник. 1869. № 12. С. 396–413.
18. Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб.: Печатня В. Головина. Т. 1: Введение. Уезд Московского государства. 522 с.
19. Градовский А.Д. Государство и провинция // Русский вестник. 1868. № 1. С. 177–238.
20. Градовский А.Д. Государство и провинция // Русский вестник. 1868. № 2. С. 362–403.
21. Победоносцев К.П. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876. 352 с.
22. Победоносцев К.П. Анекдоты из XVIII столетия. Убийство Жуковых // Русский вестник. 1860. № 12. С. 462–501.
23. Победоносцев К.П. Заметки по истории крепостного права в России // Русский вестник. 1858. № 6, кн. 1. С. 209–248.
24. Победоносцев К.П. Заметки по истории крепостного права в России // Русский вестник. 1858. № 6, кн. 2. С. 459–508.
25. Брикнер А.Г. Мнение Посошкова о судопроизводстве и законодательстве // Русский вестник. 1879. № 6. С. 491–529.
26. Брикнер А.Г. Мнения Посошкова. М.: Унив. типогр. (М.Н. Катков), 1879. 161 с.
27. Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. 612 с.
28. Дитятин И.И. Из истории русского законодательства XVII–XVIII столетий // Русская мысль. 1888. № 1. С. 87–112.
29. Дитятин И.И. Из истории русского законодательства XVII–XVIII столетий // Русская мысль. 1888. № 2. С. 98–132.
30. Щербальский П.К. Политическая система Петра III. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1870. 184 с.
31. Щербальский П.К. О России, какую ее оставил Петр I // Русский вестник. 1858. № 1, кн. 1. С. 5–54.
32. Щербальский П.К. Политическая система Петра III // Русский вестник. 1868. № 10. С. 502–531.
33. Афанасьев А.Н. Черты русских нравов в XVIII столетии. Приказные и судьи // Русский вестник. 1857. № 8, кн. 2. С. 623–644.
34. Афанасьев А.Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. М., 1859. 284 с.
35. Реутский Н.В. Божьи люди и скопцы. Историческое исследование. Из достоверных источников и подлинных бумаг. М., 1872. 230 с.

36. Реутский Н.В. Московские «божьи люди» во второй половине XVIII и в XIX столетии // Русский вестник. 1882. № 5. С. 5–80.

37. Лешков А.В. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М.: Унив. типогр., 1858. 612 с.

38. Лешков А.В. Имущественные и личные права по указам Петра Великого // Русский вестник. 1861. № 12. С. 393–415.

39. Лешков А.В. Черты управления в России по указам XVIII в. (1725–1726 гг.) // Русский вестник. 1863. № 7. С. 168–191.

40. Лохвицкий А.В. Очерк церковной администрации в древней России // Русский вестник. 1857. № 1, кн. 1. С. 209–273.

41. Лохвицкий А.В. Очерк церковной администрации в древней России // Русский вестник. 1857. № 1, кн. 2. С. 210–270.

42. Лохвицкий А.В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI и XVII вв.). М.: Унив. типогр., 1855. 107 с.

REFERENCES

1. Rodigina N.N. The Journal «Vsemirnaya Illyustratsia» (World in Pictures) and Representations of Siberia on Its Pages. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2013, no 1, pp. 76–81. (In Russ.)

2. Morozova [Bessonova] N.N. The Role of Local Administration in Formation of Author's Corps of the «Provincial Gazette» of Western Siberia. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2009, no 2, pp. 28–29. (In Russ.)

3. Kunitsyn A.S. B.N. Chicherin as an advocate of the idea of natural law. *Gosudarstvo i pravo*. 2010, no 11, pp. 87–95. (In Russ.)

4. Nureeva S.V. K.P. Pobedonostsev on a Spiritual Basis of State and Law. *Aktualnyye problemy rossiysskogo prava*. 2012, no 2, pp. 11–19. (In Russ.)

5. Mohnacheva M.P. Journalism and history. In two books. М.: RSGU, 1999, Book 1, 383 p. (In Russ.)

6. Repina L.P. Intellectual culture as a subject of study. *Idey i lyudi: intellektualnaya kultura Evropy v Novoe vremya / pod red. L.P. Repinoy*. М.: Akvilon, 2014, 848 p. (In Russ.)

7. Kazakova G.M. About the content and quality borders of the concept of book culture. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2012, no 2, pp. 71–73. (In Russ.)

8. Popov V.A., Veligonova I.V. When Word Commands Empire. Periodicals M. Katkov and new technologies on public policy reforming Russia (mid 1850s – 1880s). М., 2014. 208 p.

9. Chicherin B.N. Experiments on the History of Russian Law. М., 1858, 401 p.

10. Chicherin B.N. Memories. In two separate volumes. М.: Publisher name Sabashnikovyyh, 2010, v. 1, 496 p. (In Russ.)

11. Chicherin B.N. An Overview of the Historical Development of Rural Communities in Russia. *Russkiy vestnik*. 1856, no 1, pp. 373–397. (In Russ.)

12. Chicherin B.N. Spiritual and Treaty Ratification Grand and Appanage Princes. *Russkiy vestnik*. 1857, no 2, Book 2, pp. 649–694.

13. Chicherin B.N. Spiritual and Treaty Ratification Grand and Appanage Princes. *Russkiy vestnik*. 1857, no 3, Book 1, pp. 5–80. (In Russ.)

14. Chicherin B.N. Proprietary Status in Ancient Russia. *Russkiy vestnik*. 1856, no 4, pp. 185–258. (In Russ.)

15. Gradovsky A.D. Politics, History and Administration. М., 1871, 513 p. (In Russ.)

16. Gradovsky A.D. Historical Sketch of the Institution of Governor Generals in Russia. *Russkiy vestnik*. 1869, no 11, pp. 5–31. (In Russ.)

17. Gradovsky A.D. Historical Sketch of the Institution of Governor Generals in Russia. *Russkiy vestnik*. 1869, no 12, pp. 396–413. (In Russ.)

18. Gradovsky A.D. The History of Local Government in Russia. Vol. 1: Introduction. The District of the Moscow State. SPb.: The Printing House of V. Golovin, 522 p. (In Russ.)

19. Gradovsky A.D. State and Province. *Russkiy vestnik*. 1868, no 1, pp. 177–238. (In Russ.)

20. Gradovsky A.D. State and Province. *Russkiy vestnik*. 1868, no 2, pp. 362–403. (In Russ.)

21. Pobedonostzev K.P. Historical Research and Articles. SPb., 1876, 352 p. (In Russ.)

22. Pobedonostzev K.P. Anecdotes of the Eighteenth Century. Murder Zukovs. *Russkiy vestnik*. 1860, no 12, pp. 462–501. (In Russ.)

23. Pobedonostzev K.P. Notes on the History of Serfdom in Russia. *Russkiy vestnik*. 1858, no 6, Book 1, pp. 209–248. (In Russ.)

24. Pobedonostzev K.P. Notes on the History of Serfdom in Russia. *Russkiy vestnik*. 1858, no 6, Book 2, pp. 459–508. (In Russ.)

25. Briknar A.G. Opinion Pososhkov about Justice and the Law. *Russkiy vestnik*. 1879, no 6, pp. 491–529. (In Russ.)

26. Briknar A.G. Opinions Pososhkov. М.: Univ. printing house (M.N. Katkov), 1879, 161 p. (In Russ.)

27. Dityatin I.I. Articles on the History of Russian Law. SPb., 1895, 612 p. (In Russ.)

28. Dityatin I.I. From the History of Russian Law XVII–XVIII centuries. *Russkaya mysl*. 1888, no 1, pp. 87–112. (In Russ.)

29. Dityatin I.I. From the History of Russian Law XVII–XVIII centuries. *Russkaya mysl*. 1888, no 2, pp. 98–132. (In Russ.)

30. Schebalsky P.C. The Political System of Peter III. М.: Univ. printing house (M.N. Katkov), 1870, 184 p. (In Russ.)

31. Schebalsky P.C. About Russia, what it Left Peter I. *Russkiy vestnik*. 1858, no 1, Book 1, pp. 5–54. (In Russ.)

32. Schebalsky P.C. The Political System of Peter III. *Russkiy vestnik*. 1868, no 10, pp. 502–531. (In Russ.)

33. Afanasyev A.N. Features of Russian Customs in the Eighteenth Century. Clerks and Judges. *Russkiy vestnik*. 1857, no 8, Book 2, pp. 623–644. (In Russ.)

34. Afanasyev A.N. Russian Satirical Journals, 1769–1774. М., 1859, 284 p. (In Russ.)

35. Reutsky N.V. God's people and eunuchs. Historical research. From reliable sources and original papers. М., 1872, 230 p. (In Russ.)

36. Reutsky N.V. Moscow «God's People» in the second half of the XVIII and XIX century. *Russkiy vestnik*. 1882, no 5, pp. 5–80. (In Russ.)

37. Leshkov V.N. The Russian People and the State. History of the Russian Public Law up to the XVIII century. М.: Univ. printing house, 1858, 612 p. (In Russ.)

38. Leshkov V.N. Property and Personal Rights by Orders of Peter the Great. *Russkiy vestnik*. 1861, no 12, pp. 393–415. (In Russ.)

39. Leshkov V.N. Features of Governance in Russia According to the Decrees of the XVIII century (1725–1726 gg.). *Russkiy vestnik*. 1863, no 7, pp. 168–191. (In Russ.)

40. Lohvitsky A.V. Essay on Church Administration in Ancient Russia. *Russkiy vestnik*. 1857, no 1, Book 1, pp. 209–273. (In Russ.)

41. Lohvitsky A.V. Essay on Church Administration in Ancient Russia. *Russkiy vestnik*. 1857, no 1, Book 2, pp. 210–270. (In Russ.)

42. Lohvitsky A.V. About Captives on Ancient Russian Law (XV, XVI and XVII centuries). М.: Univ. printing house, 1855, 107 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.12.2014

УДК 94(47+571)+930.2

Н.Н. РОДИГИНА

**«ГЕРОИЧЕСКИЙ СОТНИК», «ЖЕНЩИНА-ГЕРОСТРАТ» И ДРУГИЕ:
ОБРАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ИЗ СИБИРИ В СТОЛИЦУ
В ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ ЖУРНАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Наталья Николаевна Родигина,
д-р ист. наук, профессор
Новосибирский государственный педагогический университет
630126, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28;
ст. науч. сотрудник
Тобольской комплексной научной станции УрО РАН
626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15
e-mail: natrodigina@list.ru

В статье охарактеризована реакция массовых еженедельных изданий («Нива», «Родина», «Огонек» и др.) на путешествия из Сибири в Санкт-Петербург во второй половине XIX – начале XX в. Показаны причины популярности в еженедельных журналах текстов о путешествиях из отдаленных регионов в столицу Российской империи. Проанализированы публикации о путешествиях Д.Н. Пешкова, А.К. Черныякова, А.Г. Кудашевой и др. Выявлены слова-маркеры, при помощи которых конструировались для читателей образы путешественников; выделены характерные черты журнального дискурса о путешествиях из Сибири и повторяющиеся структурные элементы «рассказов» о путешествиях. Показана эволюция отношения журналов к «походам» и поездкам из Сибири в столицу Российской империи.

Ключевые слова: история Сибири, периодическая печать второй половины XIX – начала XX вв., образы путешественников.

N.N. RODIGINA

**«HEROIC SOTNIK», «WOM AN HEROSTRATUS» AND OTHERS:
IMAGES OF TRAVELLERS FROM SIBERIA TO THE CAPITAL IN THE WEEKLY
MAGAZINE S OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Natalia Nikolaevna Rodigina,
Doctor of historical Sciences, Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, Novosibirsk, Viluiskaya St., 28, Russia;
Senior Researcher,
Tobol'sk complex scientific station UB RAS
626152, Tobol'sk, Academician Yuri Osipov St, 15
e-mail: natrodigina@list.ru

The aim of this article is to characterize publications on journeys from Siberia to Saint-Petersburg on the pages of the popular weekly magazines («Niva», «Rodina», «Ogonek» etc.). The article analyzes specifics of thematic discourse about travelers from Siberia in the Russian periodical press of the second half of XIX – early XX centuries. This discourse appeared on the pages of several magazines for mass reading and originally had several functions: educational (stories about the new, unknown areas and exotic peoples), didactic (fostering respect for the brave, hardy and resourceful travelers), identificational (forming the national and regional identity through comparison with the most prominent compatriots). As travels from Siberia became more and more commercialized this discourse correlated with other thematic discourses dealing with controlling function of periodical press, the nature of heroism and criteria of usefulness to the nation and society. This complex of publications includes travelogues describing fictional journeys and information reports, articles about traveling and the photographs taken by travelers. A lack of travelers' essays and notes can be probably explained by their low literary socialization. Within this discourse the relevant images of the travelers and their journeys were constructed. In the late XIX century the following words-markers dominated: «brave», «courageous», «hardy», «strong». In the early XX century such definitions as «tourist», «athlete», «entrepreneur», «Herostratus» were added showing that the emotional perception of traveling changed from enthusiastic to neutral or critical.

Key words: history of Siberia, periodical press of the second half of the XIX – early XX centuries, images of travels.

Важными показателями современного общества традиционно считаются рост территориальной мобильности населения, динамичное развитие средств массовой информации, формирование национального и регионального самосознания. Названные процессы связывает между собой практика путешествий и одновременно рост популярности литературы путешествий, превратившей сам факт путешествия в значимое коммуникативное событие культурной жизни нового и новейшего времени.

Если путешествия в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. достаточно давно являются объектом пристального внимания историков и литературоведов, то путешествия из региона в Европейскую Россию и их репрезентации в периодической печати крайне редко привлекают внимание исследователей. Между тем их изучение не только расширит существующие знания об образах Сибири в общественном сознании, но и детализирует представления о «героях» и событиях «сибирской жизни», актуальных для русской прессы, которая ориентируется на массового читателя.

Кратко остановлюсь на характеристике тех работ, которые помогли мне осмыслить феномен отражения путешествий из Сибири в русских еженедельниках изучаемой эпохи. Н.П. Матхановой проанализированы путевые записки о Сибири XIX в. как разновидности произведений мемуарного жанра, выявлена специфика путевых записей сибиряков, обоснована их видовая классификация [1; 2]. Н.В. Жиликовой определена специфика путевого очерка как одного из жанров сибирской периодики, выделены его основные сюжетные элементы [3], что позволяет выделить особенности освещения темы путешествий в сибирских и столичных периодических изданиях, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. Автор в числе первых обратила внимание на феномен путешествий из Сибири на примере романа К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места» [4].

Работы К.В. Анисимова, И.А. Айзиковой, Н.В. Ивановой и других, посвященные литературным путешествиям в Сибирь, дают возможность охарактеризовать контекст актуализации жанра травелога в русской культуре изучаемой эпохи, выяснить причины интереса русских писателей к региону, вычленив комплекс «сибирских тем», волновавших литераторов [5; 6; 7; 8].

Публикации М.П. Алексеева, Т.В. Воропаевой, Л.Б. Ус и других авторов о путевых заметках иностранцев о Сибири дают основание для сравнения репрезентаций региона в текстах отечественных и зарубежных путешественников, способствуют формированию представлений о мотивах и маршрутах путешествий, помогают уточнить реакцию на них русской публики [9; 10; 11]. Таким образом, существующая исследовательская традиция изучения путешествий в Сибирь (и по территории края) позволяет охарактеризовать информационное поле, в рамках которого функционировали тексты о путешествиях из региона, понять, какие события, явления, персонажи русской жизни соотносились современниками с восточной окраиной, какие

мифы, стереотипы и метафоры ассоциировались с ней и отражались в литературе путешествий.

В статье ставится задача – охарактеризовать публикации о путешествиях из Сибири в Санкт-Петербург в популярных еженедельниках («Нива», «Родина», «Огонек» и др.), выявить образы путешественников из региона на их страницах.

В качестве источников я привлекла разножанровые тексты о таких путешествиях и фотографии путешественников, опубликованные на страницах еженедельных журналов «Воскресение», «Всемирная иллюстрация», «Звезда», «Огонек», «Родина», «Сибирские вопросы». Большая часть востребованных мною журналов (за исключением областнических «Сибирских вопросов») ориентирована на «средний слой» читательской аудитории, включая купцов, мещан, мелких и средних чиновников, провинциальную интеллигенцию. На мой взгляд, наиболее удачную характеристику социокультурного облика читателей «тонких журналов» и их познавательных потребностей дал А.И. Рейтблат: «Получив “среднее” образование (уездное или духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и т. п.), они привыкли искать ответы на возникающие вопросы в книге, однако краткосрочность обучения обусловила тот факт, что “научная” картина мира была усвоена ими не полностью, мировоззрение их было фрагментарно и сохраняло многие элементы и традиции обыденных представлений. Отсюда, с одной стороны, стремление к получению разнообразных сведений, а с другой – тяга не к систематичности этих знаний, а к сенсационности, интересности, завлекательности получаемой информации» [12]. Последнее обстоятельство представляется особенно значимым, так как именно оно объясняет стремление еженедельников заинтриговать своих читателей, удивить их необычной информацией о нетривиальных поступках чем-либо «замечательных» людей. Интерес таких изданий к восточной провинции объясняется не только «модой на Сибирь», связанной со строительством железной дороги, аграрными миграциями в регион, путешествиями великих князей и известных чиновников, широко освещавшимися в названных журналах, но и противоречивой, отчасти экзотической репутацией края в массовом сознании.

Пожалуй, одним из первых путешествий из Сибири в Европейскую Россию, получившим большой резонанс среди современников и потомков, стало «хождение» Прасковьи Луполовой к императору Александру I с просьбой помиловать отца, отбывавшего ссылку в Ишиме Тобольской губернии. Как известно, она стала прототипом для целой серии литературных произведений [13; 14; 15], некоторые из них публиковались и в иллюстрированных еженедельниках второй половины XIX в. [16]. По всей видимости, под влиянием популярной пьесы Н.А. Полевого «Параша-сибирячка», воображением беллетриста Е.А. Салиаса-де-Турнемира была создана литературная героиня Маремьяна Грезкина (или Марьяша-сибирячка), после смерти отца отправившаяся пешком к жениху из Владивостока в

Санкт-Петербург. Подписчики журнала «Родина» три с половиной месяца в 1896 г. сопереживали злоключениям храброй, но не очень счастливой девушки, героически преодолевшей не только огромные расстояния и суровые морозы, но и встречу с разбойниками [17].

Наряду с художественными текстами о вымышленных путешествиях из Сибири журналы публиковали информационные сообщения, публицистические статьи о реальных поездках из зауральской провинции в столицу империи. В числе вызвавших наибольший ажиотаж на страницах периодических изданий можно назвать путешествие верхом сотника Амурского казачьего полка, выпускника Иркутского юнкерского училища Дмитрия Николаевича Пешкова. В 1889 г., под влиянием известия о конной поездке М.В. Асеева из Лубен в Париж, Пешков решил отправиться на коне Серко из Благовещенска в Санкт-Петербург, чтобы испытать себя и доказать преимущества азиатских лошадей монгольской породы перед скакунами европейских пород. Его путешествие продолжалось 193 дня и широко освещалось еженедельными изданиями «для всех». Журналы «Воскресение», «Всемирная иллюстрация», «Звезда» поместили сведения о биографии сибиряка, его фотографии вместе с любимым конем, информацию о самом путешествии [18; 19; 20; 21]. Фотографии, призванные сформировать эффект максимальной достоверности события и «приблизить» его к читателю, сопровождались «говорящими» подписями: «героическое путешествие», «выдающийся сотник», «отважный путешественник», преодолевший «ужасные» климатические условия. Особое внимание уделялось обстоятельствам торжественной встречи путешественника в Петербурге и признанию важности его поступка членами императорской семьи. Встреча с наследником престола и другими членами императорской фамилии номинировалась в рамках характерного для правления Александра III сценария власти как встреча русского царя – «отца отечества» с одним из достойнейших сыновей, продемонстрировавшим лучшие качества русского казачества.

Признание со стороны власти (Д.Н. Пешков был зачислен в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, был представлен к ордену св. Анны III ст.) [22] и большой резонанс путешествия в периодической печати породили у современников стремление последовать его примеру. Спустя год, в июне 1891 г., журнал «Воскресение», редактировавшийся В.П. Мещерским, сообщил о пешеходном путешествии из Владивостока в Санкт-Петербург подпоручика Бахмутова, преодолевшего этот огромный путь со своей собакой за год и шестнадцать дней. Автор журнальной хроники сетовал на то, что «встреча этого “спортсмена” не отличалась ни торжественностью, ни даже радушием. Никто из сотоварищей Бахмутова по оружию не вышел к нему на встречу, встречал его исключительно простой народ, собравшийся толпами на дебаркадере Николаевской железной дороги и перед вокзалом» [23].

Американские исследователи К. Джемисон и К. Кэмпбелл выделили следующие признаки события, важного для СМИ: наличие главного героя, вокруг ко-

торого развивается сюжет; драматургия события, конфликт интересов; событие должно содержать активное действие, чтобы привлекать внимание читателя; новизна события и степень отклонения от общепринятых норм; возможность привязки события к темам, которые в данный момент разрабатываются СМИ [24, с. 188–189]. Можно предположить, что сдержанная реакция еженедельников на путешествие Бахмутова определялась отсутствием двух последних характеристик – новизны и актуальности.

Тема героических спортсмен-путешественников из Сибири вновь была актуализирована осенью 1901 г. сообщением о велосипедной поездке из Иркутска в Санкт-Петербург командора Иркутского комитета Общества велосипедистов-туристов («Туринг-клуба») А.К. Чернякова. Как и в рассказах о путешествиях Пешкова, Бахмутова, в журнальных текстах о поступке «смелого велосипедиста» подчеркивались суровые условия путешествия (жаркое лето в Барабинской степи), неприветливое отношение местного населения (велосипедиста принимали за антихриста и пугались ацетиленового фонаря на велосипеде), внимание при этом акцентировалось на встрече с «королем» сибирской тайги – медведем. Анонимный автор журнала «Родина», отметив, что целью путешествия было составление дорожника маршрута для велотуристов, иронизировал: «Цель, несомненно, прекрасная, но дело в том, что, ознакомившись с будущим дорожником, туристы едва ли захотят последовать примеру смелого велосипедиста и совершить такую прогулку, которая обещает уж слишком много сильных впечатлений» [25]. Можно говорить о том, что изначально пафосный героический дискурс об отважных путешественниках из Сибири по мере увеличения числа путешественников и постепенного превращения таких турне в достаточно обыденную практику приобретает иронические черты.

В начале XX в. внимание периодической печати, в том числе еженедельных изданий, привлекает коммерциализация такого рода путешествий. Так, в сообщениях о поездке жителя Енисейска Красноярской губернии на волках в северную столицу (1909–1910 гг.) уже практически не упоминаются путевые трудности, но зато говорится о выступлениях путешественника с прирученными им волками перед жителями населенных пунктов, встречавшихся по маршруту путешествия [26]. Особенно ярко это иллюстрирует реакция еженедельников на поездку верхом вдовы войскового старшины Оренбургского казачьего войска А.Г. Кудашевой из Харбина до столицы через территорию Сибири. Как писали многочисленные центральные и сибирские газеты, главной целью поездки было доказательство верности государю-императору не только со стороны казаков, но и казачек. Очевидно, примером для путешественницы была поездка Д.Н. Пешкова. Об этом свидетельствует и утрирование своей принадлежности к казачеству (хотя до поездки Кудашева работала счетоводом на Восточно-Китайской железной дороге), и план подарка коня Монголика, при помощи которого она смогла преодолеть значительную часть территории страны, импера-

тору Николаю II (а по некоторым сообщениям периодических изданий – наследнику престола). Между тем автор рубрики «Очерки сибирской жизни» областнического еженедельника «Сибирские вопросы» сомневался в искренности декларирувавшихся казачкой мотивов и считал неприемлемым требование местных властей к сибирским крестьянам о сопровождении ее «от селения до селения» [27]. Журнал поместил даже специальную статью под красноречивым названием «Женщина-Герострат», которую посвятил мотивам путешествий такого рода, и выразил свое отношение к ним [28]. По мнению неустановленного мною автора, жизнь представляет женщинам много способов «войти в историю» по-настоящему героическими поступками. В качестве примера он упоминал об английской сестре милосердия К. Марсден, которая посещала селения прокаженных в Якутской области в 1891–1892 гг. Автор едко критиковал коммерческую составляющую «рекламного проекта» А.Г. Кудашевой. Он, в частности, писал: «Почтенная туристка уже заранее позаботилась извлечь доходы из своей будущей славы. Для этого она, прежде всего, завела себе секретаря и рекламера Л.В. Игнатовича, рассылающего во все редакции повременных изданий условия помещения известий об отважной путешественнице: за помещение снимков – 5 рублей, за печатную строчку “в виду обширной материальной стоимости рейда, крайней рискованности и трудности путешествия – 3 коп.”» [29, с. 84].

Итак, можно выделить следующие черты, характерные для тематического дискурса о путешественниках из Сибири русской периодической печати второй половины XIX – начала XX в.

1. Данный дискурс возник на страницах изданий для массового читателя и первоначально выполнял просветительские (рассказы о новых, малоизвестных территориях, этнографических народах), дидактические (воспитание уважения к смелым, выносливым и находчивым путешественникам), идентификационные (формирование национального и регионального самосознания на примере соотнесения себя с лучшими земляками и соотечественниками) функции. Однако по мере коммерциализации такого рода путешествий и использования их для саморекламы он стал соотноситься с тематическими дискурсами о контролирующей функции периодической печати, о природе героизма и критериях полезности для общества.

2. Анализируемая совокупность публикаций представлена художественными текстами о вымышленных путешествиях и информационными сообщениями, отдельными публицистическими статьями, фотографиями о реальных поездках. Отсутствие путевых очерков, заметок самих путешественников объясняется, вероятно, невысокой литературной социализацией самих путешественников.

3. В рамках названного дискурса конструировались и соответствующие образы путешественников и путешествий. В конце XIX в. доминировали следующие слова-маркеры: «смелый», «отважный», «храбрый», «выносливый». В начале XX в. к этим но-

минациям добавляются «турист», «спортсмен», «предприниматель», «Герострат», что свидетельствует и об эволюции эмоционально-оценочного восприятия самих путешествий – от восторженной к нейтральной или критической. Примечательно, что героями публикаций и фотографий являлись не только сами путешественники, но их спутники – кони (Серко у Д.Н. Пешкова, Монгол у А.Г. Герасимовой), собаки (Фараба у Герасимовой и безымянный пес у Бахмутова), ручные волки (у И. Репечко). Можно предположить, что упоминание о питомцах должно было вызвать симпатию и любопытство читателей.

4. Можно выделить несколько сюжетных элементов, характерных для журнальных «рассказов» о путешествиях: принятие решения (как правило, с патристическими целями); преодоление трудностей пути (чрезмерно холодная сибирская зима или слишком жаркое сибирское лето; бездорожье; встречи с местными жителями, порой принимавшими путешественников за жандармов или антихристов; усталость как следствие большой протяженности пути и др.); торжественная встреча в Санкт-Петербурге представителями высшей власти и «простым народом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 76–85.
2. *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика второй половины XIX в.: корпус, разновидности, жанры // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 21–25.
3. *Жиликова Н.В.* Дорожные мотивы в «Сибирской газете» // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Памяти Ю.С. Постнова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. С. 125–138.
4. *Жиликова Н.В.* Рождение романа: путешествие из Сибири в Петербург (К.М. Станюкович «Не столь отдаленные места») // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. С. 44–53.
5. *Анисимов К.В.* «Нельзя быть генерал-губернатором поневоле». Инспекционная поездка М.М. Сперанского в Сибирь: Особенности рецепции и художественного воспроизведения в текстах региональной словесности XIX века // Литература Урала: История и современность: сб. стат. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. С. 167–181.
6. *Анисимов К.В.* Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. С. 20–30.
7. *Айзикова И.А.* К вопросу о жанровом своеобразии путевых заметок о переселенцах («Переселенцы и новые места. Путевые заметки» В.Л. Дедлова и «В далекие края. Путевые наброски и картины» К.М. Станюковича) // Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 167–189.
8. *Иванова Н.В.* «Литературные путешествия в Сибирь»: поэтика «Писем с берегов Лены» Н.С. Щукина и «Писем из Сибири» П.А. Словова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Рус. филология. 2010. № 1. С. 186–192.
9. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ, 1941. 609 с.
10. *Воропаева Т.В.* Население Сибири как объект описания в путевых записках иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в. // История и историография Сибири в иссле-

довательском и образовательном контекстах. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 61–71.

11. Ус Л.Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Сова, 2005. 240 с.

12. Элерт А.Х. Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г.Ф. Миллера // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 44–47.

13. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 448 с.

14. Коттен М.С. Елисавета Л., или Нешастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие. М., 1807.

15. Местр де К. Юная сибирячка. СПб.: Тип. И. Селезнева, 1845.

16. Драматические сочинения Н.А. Полевого из русской истории. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1902.

17. Полевой Н.А. Параша Сибирячка (отрывок) // Нива. 1896. № 16. С. 378–379.

18. Салиас Е.А. Ваня: (Марьяша-Сибирячка) // Родина. 1896. № 1. С. 3–6; № 2. С. 51–54; № 3. С. 91–94; № 4. С. 131–134; № 5. С. 171–180; № 6. С. 211–222; № 7. С. 251–262; № 8. С. 291–294; № 9. С. 331–342; № 10. С. 371–382; № 11. С. 411–414; № 12. С. 452–460; № 13. С. 501–510; № 14. С. 539–548.

19. Кавалерийская поездка сотника Д.Н. Пешкова из Благовещенска в Петербург [с портретом] // Всемирная иллюстрация. 1890. № 1108. С. 265–266.

20. Дмитрий Николаевич Пешков // Воскресение. 1890. № 25. С. 767.

21. Дневник событий [с фот.] // Звезда. 1890. № 21. С. 467.

22. Сотник Д.Н. Пешков [Изоматериал]: сотник Д.Н. Пешков на своем «Сером»: (рис.) // Звезда. 1890. № 22. С. 476.

23. Наградное дело сотника Пешкова / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В.М. Безотосного // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 366–375.

24. Хроника // Воскресение. 1891. № 25. С. 776–777.

25. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. проект, 2006. 448 с.

26. Смелый велосипедист [с фот.] // Родина. 1901. № 42. С. 22.

27. На волках из Сибири в Санкт-Петербург // Огонек. 1910. № 36. С. 16.

28. Л. К. Очерки сибирской жизни // Сиб. вопросы. 1910. № 36. С. 25–27.

29. Женщина – «Герострат» // Сиб. вопросы. 1910. № 40/41. С. 83–86.

REFERENCES

1. Matkhanova N.P. The Siberian memoirs of the XIX century. Novosibirsk: Publ. house: SO RAN, 2010, pp. 76–85. (In Russ.)

2. Matkhanova N.P. The Siberian memoirs the second half of the XIX century: body, variety, genres. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2007, no 3, pp. 21–25. (In Russ.)

3. Zhiliakova N.V. Traveling motives in «The Siberian newspaper». *Sibir. Literatura. Kritika. Zhurnalistika*. Pamyati Y.S. Postnova. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2002, pp. 125–138. (In Russ.)

4. Zhiliakova N.V. The birth of novel: the journey from Siberia to Saint-Petersburg (K.M. Stanjukovich «Not so distant places»). *Sibirskiy tekst v russkoy kulture*. Tomsk: Sibirika, 2002, pp. 44–53. (In Russ.)

5. Anisimov K.V. «It is impossible to be a Governor-unwillingly». The revision trip of M.M. Speranskii to Siberia: the specific of reception and art reproduction in the regional literature of the XIX century. *Literatura Urala: Istoriya i sovremennost*: sb. statey. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2006, pp. 167–181. (In Russ.)

6. Anisimov K.V. Traveling: about a genre's component of the Siberian text. *Sibirskiy tekst v russkoy kulture*. Tomsk: Sibirika, 2002, pp. 20–30. (In Russ.)

7. Ajzikova I.A. To the question of the uniqueness of the genre of travel writing about migrants («Migrants and new places. Itineraries» by V.L. Dedlov and «In distant lands. Itineraries and pictures» by K.M. Stanjukovich). *Ayzikova I.A., Makarova E.A. Tema pereseleniya v Sibir v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-h gg.: problema dialoga*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009, pp. 167–189. (In Russ.)

8. Ivanova N.V. «Literary trips to Siberia»: the poetics of «Letters from shores of Lena» by N.S. Shhukin and «Letters from Siberia» P.A. Slovtsov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Ser. Russkaja filologija. 2010, no 1, pp. 186–192. (In Russ.)

9. Alekseev M.P. Siberia in the letters of travellers and writers of Western Europe: Introduction, texts and comments. 2nd ed. Irkutsk: OGIz, 1941, 609 p. (In Russ.)

10. Voropaeva T.V. Population of Siberia as an object of description in travelogues of foreign travellers of second half of the XIX – the beginning of the XX century. *Istoriya i istoriografiya Sibiri v issledovatel'skom i obrazovatel'nom kontekstah*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014, pp. 61–71. (In Russ.)

11. Us L.B. International scholars' contacts in Siberia (the end of the XIX – the beginning of the XX century). Novosibirsk: Sovva, 2005, 240 p. (In Russ.)

12. Jelert A.H. A Journey around the north-east Siberia as a critical phase in the expedition of G.F. Miller. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2012, no 4, pp. 44–47. (In Russ.)

13. Rejtblat A.I. From Bowa to Balmont and others works on the historical sociology of Russian literature. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 448 p. (In Russ.)

14. Kotten M.S. Elisaveta L., or adversities of a family, which was exiled to Siberia and returned back: A true accident. M., 1807. (In Russ.)

15. Mestr de K. An Young Sibeian. S.-P.: Print. house I. Selezneva, 1845. (In Russ.)

16. The drama works of N.A. Polevoi in Russian history. S.-P.: Print. house M.P. Frolovoi, 1902. (In Russ.)

17. Polevoi N.A. Parasha Sibiriachka (excerpt). *Niva*. 1896, no 16, pp. 378–379. (In Russ.)

18. Salias E.A. Vania: (Marisha-Sibiriachka). *Rodina*. 1896, no 1, pp. 3–6; no 2, pp. 51–54; no 3, pp. 91–94; no 4, pp. 131–134; no 5, pp. 171–180; no 6, pp. 211–222; no 7, pp. 251–262; no 8, pp. 291–294; no 9, pp. 331–342; no 10, pp. 371–382; no 11, pp. 411–414; no 12, pp. 452–460; no 13, pp. 501–510; no 14, pp. 539–548. (In Russ.)

19. Cavalry ride of sotnik D.N. Peshkov from Blagoveshchensk to St. Petersburg [with the portrait]. *Vsemirnaia illjustratsia*. 1890, no 1108, pp. 265–266. (In Russ.)

20. Dmitrii Nikolaevich Peshkov. *Voskresenie*. 1890, no 25, pp. 767. (In Russ.)

21. A diary of events [with photos]. *Zvezda*. 1890, no 21, pp. 467. (In Russ.)

22. Sotnik D.N. Peshkov [Photos]: sotnik D.N. Peshkov on his horse «Grey»: (pic.). *Zvezda*. 1890, no 22, pp. 476. (In Russ.)

23. A Reward of sotnik Peshkov / Publ. V.M. Bezotosnyj. *The Russian Archives: History of the Fatherland in the testimonies and documents XVIII–XX centuries*: Almanac. M.: Studio TRITE: Ros. Archive, 1995, pp. 366–375. (In Russ.)

24. Chronicle. *Voskresenie*. 1891, no 25, pp. 776–777. (In Russ.)

25. Kirillova N.B. Media Culture: from modern to postmodern. M.: Acad. project, 2006, 448 p. (In Russ.)

26. A Brave cyclist [with photos]. *Rodina*. 1901, no 42, pp. 22. (In Russ.)

27. From Siberia to Saint-Petersburg by wolfs. *Ogonek*. 1910, no 36, pp. 16. (In Russ.)

28. L.K. Essays about Siberian life. *Sibirskie voprosy*. 1910, no 36, pp. 25–27. (In Russ.)

29. Woman – «Herostratus». *Sibirskie voprosy*. 1910, no 40/41, pp. 83–86. (In Russ.)

Статья принята редакцией 29.12.2014

УДК 655.4/.5:002.2(=161.1)(44-25)(091)''192/193''

Е.М. ЛБОВА

ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОЙ КНИГИ В ПАРИЖЕ В 1920–1930-е гг.

Екатерина Михайловна Лбова,
младший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: kate.lbova@gmail.com

В статье на основе свидетельств современников реконструирован процесс становления книжного дела «первой волны» русской эмиграции в Париже. Основное внимание уделено анализу проблем книгопечатания и книгораспространения, с которыми сталкивались русские авторы, издатели и продавцы печатной продукции в 1920–1940-е гг. Помимо освещения некоторых аспектов истории книгоиздания рассматривается положение русской периодической печати в Париже в указанный период. Особое внимание уделяется литературному и политико-общественному журналу «Современные записки». Тем не менее русская периодика в Париже издавалась намного успешнее и была шире распространена в эмигрантской среде, чем книга. Показано, что русское книжное дело в Париже с 1920 по 1940 г. сталкивалось с многочисленными трудностями, связанными с изданием и распространением печатной продукции, обусловленными проблемами финансового и технического характера.

Ключевые слова: русская эмигрантская книга, русское зарубежье, книжное дело, издательская деятельность, типография, книгораспространение, Франция, Париж.

Е.М. LBOVA

PROBLEMS OF PUBLICATION AND DISTRIBUTION OF RUSSIAN BOOKS IN PARIS IN THE 1920s - 1930s

Ekaterina Mikhailovna Lbova,
Junior Researcher,
The State Public Scientific Technological Library, SB RAS
630200, Novosibirsk, Voskhod st., 15
e-mail: kate.lbova@gmail.com

The paper describes the situation in the Russian book business in France in the 1920s - 1930s. The emphasis is put on the problems faced by the Russian publishers and distributors working in Paris. In the early 1920s Paris was not a leading publishing center for the Russian emigrants. The main reason was that publishing Russian books was more expensive in France, than in other countries of Europe. The high rate of franc had a significant effect on the final price of books and made them inaccessible for most of the Russian emigrants. Although the Russian emigrant book center later moved to Paris, its production was overpriced while the printing quality was low. As a result, at the beginning of 1930s a question arose about what to do with the Russian émigré press. In fact, the situation with publishing Russian books in France had always been dramatic. Book publishing represented big financial risks, both for writers, and for publishers. In addition to high price and poor quality, it was also marked by insufficient publicity and lack of feedback from readers on the published books. As a result books were stocked in warehouses being unclaimed, although the timely reviews could have promoted their sale significantly. Periodicals such as newspapers and magazines were more successful in Paris. However, their editors, authors and owners typically faced the same financial problems. Nevertheless, periodicals were more popular among the Russian emigrants in France. The example of long existing editions showed that an appropriate editorial approach and low prices were the cornerstone of success. The history of Russian publishing activity shows that even under adverse financial conditions it was possible to keep the pre-revolutionary tradition of publishing Russian books and «fat» journals. In the 1930s Paris became an important center of Russian publishing business.

Key words: Russian emigrant book, Russia Abroad, book production, publishing activity, printery, book distribution, France, Paris.

1920–1930-е гг. – эпоха «первой волны» русской эмиграции – один из самых продуктивных и творческих этапов в истории русской зарубежной книжной

культуры. В это время нашими соотечественниками была проделана значительная работа по сохранению культурного наследия. Избегая ассимиляции, русская

интеллектуальная элита создала целую систему национальной культуры и образования в Европе. За границей действовали многочисленные кружки, школы, университеты. В целях сохранения русской культуры создавались музеи, библиотеки, архивы и русские литературные общества. Продолжали свою деятельность за границей знаменитые русские ученые и писатели-эмигранты: А.И. Куприн, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Н.А. Тэффи, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский. Присутствие и влияние русской культуры ощущалось в Европе повсеместно.

Одной из составных частей русской эмигрантской культуры было книжное дело, представленное многочисленными русскими издательствами, общественными культурными и писательскими объединениями, отдельными книготорговыми предприятиями и библиотеками. Книга являлась основным фактором, объединявшим разрозненных по всему свету представителей русского зарубежья. Именно поэтому многие исследователи уделяют большое внимание изучению различных аспектов книжного дела русской эмиграции.

Франция, как и другие страны Европы, являлась мощным центром притяжения для русской диаспоры. Так, в 1920-е гг. общее число официально зарегистрированных русских эмигрантов во Франции достигло 80 тыс., большая часть которых – 45 тыс. чел. – проживали в Париже [1, с. 138]. Многие из них интересовались периодикой и литературой на родном языке, поскольку не менее 2/3 русских эмигрантов имели среднее образование и около 15% – высшее [1, с. 49]. Однако с 1920 по 1924 г. русская издательская деятельность в Париже была незначительной. Во французской столице действовало всего четыре русских издательства: «Издательство Я. Поволоцкого и К^о» (1910–1933), «Франко-русская печать» (1921 – конец 1940-х гг.), «Русская печать» (1921), «Русская земля» (1920–1921). Эта ситуация сохранялась на протяжении нескольких лет, но после 1925 г. произошел заметный рост количества издательских фирм. Основной причиной этого было то, что Берлин, считавшийся центром русского эмигрантского издательского дела на протяжении первых лет эмиграции, с середины 1920-х гг. перестал быть таковым. М. Раев следующим образом характеризует данный процесс: «...изменения в немецкой экономике, стабилизация марки и обусловленное этим повышение цен вынудили многих представителей интеллигенции, а вместе с ними и печатные органы покинуть германскую столицу <...> и примерно с 1925 г. центром издательской деятельности стал Париж» [2, с. 101].

Однако увеличение количества русских эмигрантов и представителей культурной элиты в Париже, а также возросшее число издательств не смогли обеспечить французской столице первенство по книгопечатанию на русском языке. Газет и журналов выходило много: по данным справочника В.Б. Кудрявцева [3], в Париже с 1920 по 1940 г. опубликовано примерно 207 названий периодических изданий, причем русские книги, выпущенные во Франции, пользовались меньшим спросом, поэтому подсчет их вести сложнее. Об

этом можно судить по свидетельству русского писателя и публициста Р.Б. Гуля – современника освещаемых событий: «Но насколько в Париже русская печать была широко и разнообразно представлена, настолько русский Париж – в полную противоположность русскому Берлину – был беден русскими издательствами». И более того, несмотря на статус Парижа как культурного центра русской эмиграции «в 20-х годах русские писатели-парижане часто издавались в Берлине, Праге, Белграде, Софии. А когда пришли “гитлеровские времена”, везде в Европе русское зарубежное дело упало» [4, с. 91].

Почему же Париж не стал таким же крупным и притягательным центром русской издательской деятельности, каким в начале 1920-х гг. являлся Берлин? Ответ на поставленный вопрос позволяют дать свидетельства представителей русской диаспоры, проживавших в 1920–1940-е гг. в Париже.

Основная причина, по которой французской столице так и не удалось достичь уровня Берлина в русском издательском деле к началу 1930-х гг., была обозначена еще в 1922 г. русским литератором и критиком Е.А. Зноско-Боровским, который видел ее в препятствии экономического характера, а именно в высоком курсе франка, «в корне подрывающем русское книжное дело во Франции» [5, с. 24]. Дороговизна франка приводила к высоким ценам на типографские материалы и высокой себестоимости выпущенной книги.

Еще одной проблемой эмигрантского книгоиздания, обозначенной Е.А. Зноско-Боровским, являлась неподготовленность парижских типографий к внезапно возникшим требованиям. Речь идет прежде всего о недостатке шрифтов, машин и нужного количества умелых наборщиков в уже существующих предприятиях. Все это требовало огромных финансовых вложений со стороны первых русских издателей. А это было довольно сложно, поскольку «русские фирмы не имели того кредита и тех льготных платежей, которые имели многолетние французские предприятия» [5, с. 23]. В конечном итоге все это отражалось на цене книги и ее рентабельности, делало ее печатание крайне невыгодным в Париже.

Обе указанные проблемы – высокая цена книгопечатания и недостаток технического оснащения – оставались актуальными для русских издателей в Париже и после 1922 г. Однако с середины 1920-х гг. отмечается рост количества русских книгоиздательств во Франции. Он происходил как за счет перемещенных из Берлина в Париж эмигрантских издательств, так и за счет возникновения новых фирм. Среди крупных издательств, переехавших во Францию, следует назвать «Умса-Press» (Париж, 1925 – по сей день), «Издательство “Социалистического вестника”» (Париж, 1933–1940) и издательство А.Г. Вишняка «Геликон» (Париж, 1927–1937)¹.

¹ Хотя на титульном листе выпущенных издательством книг значилось: «Геликон» Берлин – Париж.

В Париже помимо существующих с начала 1920-х гг. издательств появились новые: «Таир» (1927–1935), «Родник» (1927–1934), «Франко-славянское издательство» (1927–1932), «Парабола» (1931 – конец 1930-х гг.). При крупных журналах и газетах учреждались свои издательские фирмы: «Современные записки» (1929–1940), «Возрождение» (1925–1940, возобновлено в 1948–1957).

Несмотря на то, что русских издательств в Париже становилось все больше, это не вело к повышению спроса на эмигрантскую книгу. Цена на книгопечатную продукцию продолжала оставаться довольно высокой не только для читателя, но и для автора. В большинстве случаев желающий издать рукопись в одном из парижских русских издательств должен был оплатить все типографские расходы. Достаточно пессимистично описал эти процессы писатель М.А. Осоргин в своей статье «Судьба зарубежной книги» в 1934 г. Ко всем приведенным выше обстоятельствам он добавил и низкий доход писателя – всего 10–15 % от суммы продаж и лишение его авторских прав на произведение [6, с. 389].

Насколько сложно было издать во Франции рукописи собственных произведений, позволяет судить история сборника стихов М.И. Цветаевой «После России». Материал для сборника поэтесса приготовила в 1925 г., однако издателя удалось найти лишь спустя два года – в 1927 г. Им стал И.Е. Поволоцкий – владелец знаменитого предприятия «Я. Поволоцкий и К^о». Поскольку Цветаева не располагала широкими финансовыми возможностями, средства для издания сборника ее стихов предполагалось собрать по подписке. Такая практика сбора средств через друзей и знакомых существовала во многих русских эмигрантских издательствах.

Известный историк культуры Л.А. Мнухин так описывает данный процесс: «Книга начинала печататься по внесению в типографию 2/3 стоимости издания, равных 4 000 франков. Каждая подписка стоила 100 франков, 25 подписок из 40 размещал издатель, а 15 должен был разместить автор. Подписчик заполнял специальный бланк и отсылал его издателю с приложением соответствующей суммы. Заполненные бланки служили в дальнейшем для нумерации, каждый подписчик должен был получить свой нумерованный и подписанный экземпляр» [7, с. 61].

Таким образом, писателям и поэтам «младшего поколения», к коим принадлежала М.И. Цветаева, а также малоизвестным авторам приходилось изыскивать средства для публикации самостоятельно. Исключение делалось лишь для авторов «читаемых», таких как А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, И.А. Бунин и др.

Одним из примеров взаимовыгодного для автора и издательства соглашения стало издание книги Н.О. Лосского «Ценность и Бытие» в 1931 г. в «Ymca-Press». Спустя несколько лет после публикации Н.О. Лосский снова обратился в издательство с вопросом о возможности переиздания упомянутого про-

изведения на английском языке. В своем письме он продублировал условия, выдвинутые «Ymca-Press» в 1930 г., которые позволяют нам судить о финансовых обязательствах, возлагавшихся на «читаемых» авторов. В первом пункте прописано: «Эта книга является Вашею собственностью², печатается нами за Ваш счет в количестве 650 экз. и принимается нами на комиссию. На книге будет указано *imprimeur Ymca Press*». Книга печаталась за счет Н.О. Лосского, при этом за ним полностью сохранялись его авторские права. О путях изыскания средств говорится в девятом пункте соглашения: «Вырученные от продажи Вашей книги суммы отчисляются в следующей последовательности: а. в первую очередь покрываются все произведенные нами за Ваш счет типографические расходы по печатанию книги; б. затем покрывается комиссия издательству; в. остальные суммы перечисляются Вам по мере продажи книги»³. В случае с произведением «Ценность и Бытие» условия оказались довольно выгодными для автора. Издатель, считывая на спрос со стороны читателей и успешную продажу книги, не стал запрашивать средства на типографские расходы заранее.

Оба эти примера показывают, что в Париже, независимо от популярности автора, большая часть расходов на публикацию произведений покрывалась за его счет. Не удивительно поэтому, что большинство рукописей оставалось в писательских портфелях.

Издание книги становилось рискованным еще и потому, что в большинстве случаев не окупалось. Отчасти это можно объяснить низкой покупательной способностью русскоязычной публики. Многие эмигранты едва сводили концы с концами, и тратиться на книгу, цена которой варьировала от 10 до 50 франков, для них было невозможно.

Издатели, в свою очередь, не могли реализовывать печатную продукцию дешево, поскольку многие из них не располагали достаточным оборотным капиталом. Они «должны были покрывать свои расходы немедленно, быстрой продажей того минимального количества» [6, с. 388], которое успевали выпустить. Хотя для М.А. Осоргина это не было оправданием – главную причину высоких цен писатель видел в «несолидности и случайности издательских предприятий» [6, с. 389].

На окупаемость книги влияло качество выпускаемой в Париже книгопечатной продукции, которое в обозначенный период оставляло желать лучшего: «плохая бумага, наскучивший однообразный лнотип лишь двух-трех образцов, тусклые обложки» [6, с. 390] (это все, конечно же, не привлекало «богатого русского буржуа») [6, с. 388].

Препятствовали распространению книги не только издательские проблемы, но и отсутствие рекламы. М.А. Осоргин, раскрывая сложности бытования эмиг-

² Книга являлась собственностью Н.О. Лосского

³ Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (БФРЗ). Ф. 12. Оп. 2. Д. 4. Л. 10.

рантской книги, отмечал, что и издатели, и писатели «ссылаются на отсутствие в газетах и журналах постоянных литературных отделов с критикой по возможности всех выходящих книг, главное – с хроникой их выпуска, со сведениями о жизни литературных организаций и деятельности издательств» [6, с. 386]. На самом деле отзывы на книги выходили, но зачастую они не согласовались со сроками выпуска книг. Лишь единицы удостоивались рецензий, зачастую «писатель, заинтересованный в отзыве о своей книге», обязан был «сам “устраивать” этот отзыв, пуская в оборот личные знакомства» [6, с. 388].

Таким образом, к обозначенным проблемам можно прибавить еще несколько: низкую покупательную способность, усугубляемую плохим качеством печатной продукции, и отсутствие рекламы. Перманентно завышенные цены на книги объяснялись в 1930-е гг., в отличие от высокого курса франка 1920-х гг., малым спросом и необходимостью быстро оплачивать выданные издательствами векселя. При этом на издательском книжном рынке для покупателей всегда существовала более выгодная альтернатива: немецкая или любая другая эмигрантская книга.

Наличие более доступных изданий и высокая цена парижской книги нивелировали спрос среди представителей русской диаспоры и приводили к сокращению тиражей. Обычно тираж не превышал 400–500 экз., но нередко снижался до 300 экз.

Выпуск периодических изданий был налажен намного лучше. Более доступные по цене газеты и журналы пользовались высоким спросом среди читателей. Целых два десятилетия, с 1920 по 1940 г., выходила в Париже газета «Последние новости». В ней освещались актуальные новости, имелся литературно-художественный отдел, а цена подписки за месяц соотносилась со стоимостью одной книги. Популярность издания напрямую была связана с личностью главного редактора П.Н. Милюкова, за годы деятельности которого количество читателей «достигало поистине легендарных – для эмиграции – цифр» [8, с. 104]. Востребованность издания была феноменальной – в начале 1930-х гг. тираж газеты достиг 23 тыс. экз. [9, с. 26].

Литературный журнал «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939) отличался прекрасным полиграфическим оформлением. В нем печатались новости из России, публиковались рассказы знаменитых русских писателей И.А. Бунина, И.А. Куприна, Н.А. Тэффи и др. Все перечисленные характеристики, а также доступная цена обеспечивали «Иллюстрированной России» спрос среди читателей.

В Париже серьезную конкуренцию художественной литературе составлял общественно-политический и литературный журнал «Современные записки», выходивший с ноября 1920 г. по март 1940 г. Так долго журнал просуществовал благодаря кропотливой и талантливой работе его редакторов: В.В. Руднева, И.И. Фондаминского-Бунакова, И.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка. В 1920 г. первоначальный тираж из-

дания составил 2 тыс. экз. [10, с. 93] и на протяжении всех 20 лет своего существования удерживался примерно на этом уровне. Современники высоко оценивали значение журнала и приравнивали его к дореволюционным российским изданиям. Так, в 1923 г. Д.В. Философов писал: «Такой состав беллетристического отдела и в добрые старые времена для любого толстого журнала мог быть признан богатым» [11, с. 13]. В 1925 г. З.Н. Гиппиус сравнивала «Современные записки» с «русскими журналами начала века» [11, с. 14].

Однако, несмотря на спрос среди читателей и высокие оценки критиков, журнал также сталкивался с различными сложностями. В своих воспоминаниях один из редакторов М.В. Вишняк писал, что «препятствием к более частому выпуску журнала были затруднения финансового характера» [9, с. 115]. Цена одного выпуска «Современных записок» приравнивалась к стоимости книги: в 1920 г. – 10 франков за журнал, в 1933 г. – 25 франков. Для того чтобы обеспечить существование журнала, в начале 1920-х гг. руководству приходилось обращаться «к помощи друзей в Праге, русских и чешских», пробовать «разные формы коммерческой техники, чтобы увеличить подписку и оптовую продажу» [10, с. 116]. Но это особых результатов не приносило и привело к тому, что «Современные записки» с 1922 по 1923 г. печатались в Берлине. Затем из-за удорожания немецкой марки издание вновь переместилось в Париж. М.В. Вишняк связывает неудачи первых лет издания с трудностями, свойственными всему русскому книжному рынку во Франции: большие типографские расходы, высокий курс франка, недобросовестность продавцов в Европе и Америке.

Таким образом, русское издательское дело во Франции и в частности в Париже на протяжении своего развития сталкивалось с рядом проблем. В 1920-е гг. основными препятствиями для успешной издательской деятельности выступали: высокая стоимость франка и недостаточное техническое оснащение. В 1920–1930-е гг. редакторы и авторы вынуждены были часто изыскивать средства для публикации. В ряде случаев помогала поддержка меценатов, друзей, лишь некоторые авторы могли рассчитывать на окупаемость издания и стремились покрыть расходы за счет продаж.

С середины 1920-х по 1930-е гг. в период, когда Париж становится главным культурным центром русского зарубежья, обозначились трудности, связанные с реализацией печатной продукции русской эмиграции. Ограниченная покупательная способность русскоязычного населения вкупе с низким качеством издаваемых книг, отсутствием рекламы и рецензий в ведущих русских газетах и журналах не способствовала успешному развитию книжного дела русского зарубежья во Франции. Невысокий спрос на книгу в среде русской эмиграции компенсировался в основном за счет периодики. Поэтому в Париже русские газеты и журналы были более распространены в эмигрантской среде, чем книга.

И все же, несмотря на обозначенные проблемы, с которыми постоянно сталкивались авторы, редакторы

и издатели в 1920–1930-е г., русское издательское дело во Франции развивалось довольно успешно. Париж стал одним из ведущих центров русского эмигрантского книгопечатания в Европе. И в этом, прежде всего, заслуга литературных и культурных деятелей русского зарубежья, которые старались запечатлеть и сохранить ценнейшие произведения писателей-эмигрантов для будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
2. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / пер. с англ.; предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
3. Кудрявцев В.Б. Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. 936 с.
4. Гуль Р.Б. «Я унес Россию»: Апология эмиграции: в 3 т. Нью-Йорк: Мост, 1984. Т. 2: Россия во Франции. 351 с.
5. Зноско-Боровский Е.А. Русская книга во Франции // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 22–26.
6. Осоргин М.А. Судьба зарубежной книги // Современные записки. Париж, 1934. Кн. 54. С. 386–390.
7. Мнухин Л. «После России» Марины Цветаевой // Лев Мнухин. Итоги и истоки. Избранные статьи. М., 2008. С. 60–68.
8. Дон-Аминато. Поезд на третьем пути // Русский Париж. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 95–129.
9. Никитина А.С. Редакторская деятельность П.Н. Милюкова в газете «Последние новости» в 1921 г. // Зарубежная Россия 1917–1939: сб. ст. СПб.: Европ. дом, 2000. С. 25–29.
10. Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Indiana Univ. Publ., 1957. 338 p.
11. Коростелев О. «Современные записки» в отзывах критики // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. стат. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 11–19.

REFERENCES

1. Guseff K. Russian emigration in France: social history (1920–1939) / K. Guseff; per. s franc. Je. Kustovoj; nauch. red. M. Bajssvenger. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (In Russ.)
2. Raev M. Russia Abroad: the History of Russian emigration Culture. 1919–1939 / per. s angl.; predisl. O. Kazninoj. Moscow: Progress-Akademiya, 1994, 296 p. (In Russ.)
3. Kudryavtsev V.B. Periodical and unperiodical collective issues of Russia Abroad 1918–1941. Vol. 1: Periodicals. Literature. Art. Humanitarian sciences. Pedagogy. Religion. Military an Cossack press: Opyt rasshi-rennogo spravochnika. Moscow: Russkij put', 2011, 936 p. (In Russ.)
4. Gul' R.B. «Ja unes Rossiju»: Apologia of emigration. Vol. 2: Russia in France. New York: Most, 1984, 351 p. (In Russ.)
5. Znosko-Borovskij E.A. Russian book in France. *Novaja russkaja kniga*. Berlin, 1922, no 3, pp. 22–26. (In Russ.)
6. Osorgin M.A. Destiny of the foreign book. *Sovremennye zapiski*. Paris, 1934, kn. 54, pp. 386–390. (In Russ.)
7. Mnuhin L. «Posle Rossii» of Marina Cvetaeva. *Lev Mnuhin. Ito-gi i istoki. Izbrannye stat'i*. Moscow, 2008, pp. 60–68. (In Russ.)
8. Don-Aminado. The train on the third way. *Russkij Parizh*. Moscow: Izd-vo MGU, 1998, pp. 95–129. (In Russ.)
9. Nikitina A.S. Editorial activity in the newspaper «Poslednie novosti» of P.N. Miljukov in 1921. *Zarubezhnaja Rossija 1919–1939: sb. statej*. St. Petersburg: Evropejskij dom, 2000, pp. 25–29. (In Russ.)
10. Vishnjak M.V. «Sovremennye zapiski». Memoirs of the editor. Indiana Univ. Publ., 1957, 338 p. (In Russ.)
11. Korostelev O. «Sovremennye zapiski» in reviews of critics. *Vokrug redakcionnogo arhiva «Sovremennyh zapisok» (Parizh, 1920–1940): sb. statej i materialov / pod red. O. Korosteleva i M. Shruby*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 11–19. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.02.2015

УДК 070.3

И.В. ЛИЗУНОВА, О.Н. АЛЬШЕВСКАЯ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Ирина Владимировна Лизунова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник;
Ольга Николаевна Альшевская,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Государственная публичная научно-техническая библиотека
СО РАН (ГПНТБ СО РАН),
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

На примерах Сибири и Дальнего Востока в рамках технологической модернизации 1990-х гг. – первого десятилетия XXI в. в статье характеризуются современный этап институциональных изменений издательского дела. Большое внимание уделяется анализу понятия «институциональные видоизменения». Институциональные изменения авторы рассматривают как непрерывный процесс модификаций, количественно-качественных изменений и преобразований разных социальных, правовых, политических, экономических и социокультурных

институтов. Институциональные трансформации издательского дела постсоветского двадцатилетия проходили под влиянием региональных издательских традиций, внедрения рыночных механизмов хозяйствования и новых информационных технологий.

Ключевые слова: технологическая модернизация, технологическая трансформация, институциональные изменения, издательское дело, издательства, издающие организации, книготорговая сеть, интернет-торговля, Сибирь, Дальний Восток.

I. V. LIZUNOVA, O. N. ALSHEVSKAYA

THE PUBLISHING BUSINESS MODERNIZATION IN RUSSIA: INSTITUTIONAL CHANGES AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

Irina Vladimirovna Lizunova,
Doctor of historical Sciences,
Senior Researcher;
Olga Nikolaevna Alchevskaya
Candidate of historical Sciences,
Senior Researcher;
The State Public and Technological Scientific Library, SB RAS
630200, Novosibirsk, Voskhod st., 15
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

The article is devoted to comprehending institutional transformations of publishing business: changing the institutions, their structure, competitiveness, main trends in modernization process in the 1990s – early XXI century.

Applying the formal-logical and comparative-historical methods has contributed to revealing the causal chains in studying the problems of book industry institutional changes in the Siberian-Far Eastern region in relation to the logic and specificity of the publishing business modernization in Russia at the turn of the XX–XXI centuries.

Transformation of the domestic publishing and book disseminating system promoted the emergence of fundamentally new independent publishing and bookselling organizations. The state monopoly on production and distribution of printed materials had been destroyed by the beginning of the new century, and non-governmental structures formed the basis for institutional innovations in the publishing and bookselling system of the country and the region. The publishing business transformed from a monopolistic industry to a competitive one with a wide variety of forms of publishing and bookselling industries during two post-Soviet decades.

While the production part of the modern publishing business has adapted to the market conditions, it cannot be said about the book distribution. The main problem of the post-Soviet book market has been a systemic crisis of book trade in the country, destabilization of an already imperfect institutional system of book distribution.

The contemporary institutional structure of publishing business demonstrates the tendencies of differentiation, optimization and constant variability in addition to quantitative and qualitative modifications. Not only the conditions, boundaries and extent of the publishing and distribution activities have been modified, but also the subject structure of publishing and bookselling business, saturation of the publishing space.

In general, institutional changes in the publishing and bookselling system have become an integral part of the ongoing modernization process of the Russian publishing business.

Key words: technological modernization, technological transformation, institutional changes, publishing business, publishers, publishing organizations, bookselling network, online trade, Siberia, Far East.

Модернизация издательского дела России рубежа XX–XXI вв. помимо *технологической трансформации* – модификации методов, способов и механизмов процесса производства, тиражирования, распространения и использования издательской продукции; изменения состояния последней, ее свойств, материалов и формы включает в себя кардинальные *институциональные видоизменения*. По мнению известного американского экономиста Д. Норта, институциональные изменения играют роль главных детерминантов социального и экономического развития, определяют, каким образом общества развиваются во времени и являются основой для понимания исторических перемен [1, с. 17, 113].

Институциональные видоизменения – это постоянный процесс количественно-качественных изменений и реорганизаций различных правовых, политических, экономических и социокультурных институтов.

Наряду с технологическими новшествами и связанными с ними социокультурными инновациями, обеспечивающими обновление человеческого капитала, они являются неотъемлемым источником системного трансформационного процесса, имманентным атрибутом технологической модернизации [2, с. 244].

В период формирования рыночных механизмов на рубеже XX–XXI вв. издательское дело как социальная система функционирования подверглось серьезным *институциональным трансформациям*: были ликвидированы органы государственной цензуры и контроля, проведены разгосударствление, приватизация и акционирование материально-технической базы производственных и книготорговых предприятий. Все эти меры создали основу для возникновения новых издающих организаций, каналов распространения книжной продукции, способствовали формированию

принципиально иной издательской и книгопроводящей системы.

В советский период издательское дело было связано с изданием и последующим распространением книг, брошюр, журналов, газет и другой печатной продукции. В основе издательско-книготорговой деятельности находился командно-административный ресурс. Издательство являлось идеологическим форпостом, выполнявшим партийно-государственный заказ. В 1989 г. в РСФСР работало 175 издательств. В рамках советской государственно-монополистической системы книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке действовала сеть центральных, местных и специализированных издательств: 18 областных, краевых и республиканских с семью отделениями; семь университетских (НГУ, ТГУ, ОмГУ, ИГУ, КрасГУ, ХПИ, ДВГУ); четыре отделения союзных издательств: Сибирское отделение Издательства «Наука», «Детская литература» (Новосибирск), «Современник» (Кемерово) и книжная редакция издательства «Радио и связь» (Томск); свыше 200 издательств ведомственных учреждений и организаций. На долю издательств, функционирующих за Уралом, приходилось лишь 5 % наименований всех выпущенных в стране книг [3, с. 30].

Реализацией книг занималось исключительно государство, централизованно распределяя печатную продукцию по всем регионам страны через соответствующую книготорговую сеть. В 1988 г. на территории РСФСР имелось 8 478 книжных магазинов, из которых чуть меньше половины – 3 763 – входили в систему Госкомиздата СССР. Большинство предприятий других систем (4 715) относилось к потребкооперации (около 4 300), остальные принадлежали «Союзпечати», «Военкниге», «Академкниге», «Транспортной книге», «Издательству стандартов» и некоторым другим системам. В системе Госкомиздата СССР на территории России работали 84 библиотечных коллектора [4, с. 20]. Розничная книготорговая сеть реализовывала большую часть продававшихся книг, в 1990 г. ею было продано более 90,6 % платных книжных изданий [5, с. 58]. Состояние и структура книжной торговли Сибири соответствовали общесоюзной ситуации. К началу 1990-х гг. в регионе функционировало два краевых (Алтайский, Красноярский), семь областных (Иркутский, Кемеровский, Новосибирский, Омский, Томский, Тюменский, Читинский) и три республиканских (Бурятской АССР, Тувинской АССР, Якутской АССР) книготорга [3, с. 16].

Трансформация отечественной издательской и книгопроводящей системы способствовала появлению новых независимых издающих и книготорговых организаций: в 1987–1989 гг. кооперативные и смешанные (государственно-частные) фирмы, в первой половине 1990-х – акционерные общества и торговые товарищества, а к концу десятилетия возникли крупные издательские дома, книготорговые фирмы, издательско-книготорговые концерны, издательско-полиграфические предприятия, медиа-холдинги. К началу XXI в. издательское дело из монопольного преврати-

лось в развитую конкурентную отрасль с широким разнообразием форм издательских и книготорговых предприятий.

Уже к концу 1990 г. число действующих издательств в целом в России возросло в 2 раза, а в сибирско-дальневосточном регионе – по приблизительным подсчетам – в 4–5 раз. Последующие годы демонстрировали повсеместное повышение издательской активности в стране. В 1991 г. на ведение издательской деятельности в стране было выдано 1 597 лицензий, в 1992 г. – 2 967, в 1993 г. – 1 866, в 1994 г. – 813 и т. д. К 2001 г. количество организаций, получивших право издательской практики, превысило 15 тыс. В 2003 г. их численность достигла почти 20 тыс. [6, с. 15]. Это дало возможность сопоставить российскую динамику институциональных изменений в издательском деле с масштабами роста издательских систем ведущих книжных держав мира. Помимо тенденции увеличения издательств структура издающих организаций демонстрирует постоянную изменчивость. Например, в 2006 г. в России числилось 2 тыс. государственных и 13 711 частных издательских фирм, в следующем году их количество возросло до 2 141 и 15 029 соответственно. За год было зарегистрировано 3 579 новых издательских предприятий и одновременно ликвидировано 1 385 [7, с. 40]. В силу этого сложно дать точную количественную характеристику книжной отрасли, необходимо опираться на ее качественные модификационные признаки.

Возникшие негосударственные издательства радикально изменили социальную структуру издательского дела. Произошла его институциональная трансформация – из государственного в преимущественно негосударственное. Так, если в 1991 г. государственные издательства выпускали 70 % всех тиражей в России, то в 2000 г. доля их продукции снизилась до 15 %. Доля тиражей, издаваемых частными издательствами, напротив, увеличилась почти в 7 раз по названиям и в 4 раза по тиражам (рис. 1, 2) [6, с. 18].

Примечательны и другие статистические данные: в 1991 г. в России свыше 100 наименований книг в год

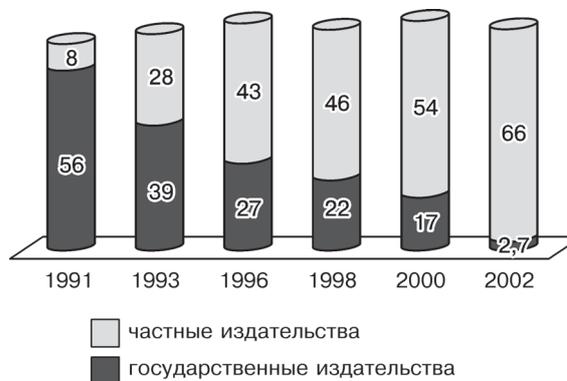

Рис. 1. Выпуск книг (названия) различными по собственности категориями издательств (1991–2002 гг.), %

Рис. 2. Выпуск книг (тиражи) различными по собственности категориями издательств, (1991–2002 гг.), %

выпускало 46 издательств, все они являлись государственными. К 2000 г. крупных издательств стало меньше – 26, при этом 20 из них были новыми издательскими частными структурами [8, с. 87].

В Сибири и на Дальнем Востоке к началу нового века из 29 государственных – «на плаву» остались девять. Лишь пять из них выпускали свыше 12 книг в год. В 2003 г. государственная поддержка в регионе сохранилась только у трех национальных книжных издательств: Бурятского, Якутского – «Бичик» и Горно-Алтайского – «Белуха». Появление подавляющего числа издательств и издающих организаций как по всей России, так и в ее восточных регионах шло за счет негосударственных структур различных форм собственности.

С распадом административной системы управления не сумели сохранить свою целостность и большинство облкниготоргов, а многие и вовсе не выжили в условиях рынка. Основная часть отделившихся от книготоргов и ставших самостоятельными книжных магазинов в процессе приватизации репрофилировалась на торговлю другими товарами. Оставшиеся отдельные предприятия бывшей государственной структуры книжной торговли продолжали разрушаться, а на их основе возникали новые коммерческие образования [5, с. 59]. По данным Ассоциации книготорговцев независимых государств, на территории Сибири функционировали следующие государственные предприятия: в Республике Бурятия – МУП книжный магазин «Знание» (Улан-Удэ); в Кемеровской области – МУП «Книжный магазин № 85» (Ленинск-Кузнецкий), ГУП «Кузбасская книга» (Кемерово); в Красноярском крае – краевое государственное предприятие культуры «Красноярский бибколлектор» [9]. В дальнейшем вышеназванные предприятия либо стали частными, либо перестали существовать.

К началу нового века монополия государства на выпуск и распространение печатной продукции была разрушена, а негосударственные структуры составили основу институциональных изменений в издательской и книгопроводящей системах страны и региона.

Рынок способствовал расширению географии выпуска печатной продукции, изменил территориальную структуру издательской системы, тем самым существенно повлияв на институциональные трансформации важнейшей отрасли страны. Если в начале 1990-х гг. издательские структуры имели отдельные областные центры России (во всем бывшем СССР насчитывалось не более 250 издательств), то в 2000 г. книги в стране выпускались уже более чем в 300 городах. В Сибири и на Дальнем Востоке, например, только за два года (1995–1996 гг.) лицензию на право заниматься издательской деятельностью получили 80 новых книжных издательств (впоследствии большинство исчезло). Во многих российских городах количество издающих бизнес-структур исчислялось десятками, а в Екатеринбурге, Новосибирске, Уфе, Казани в отдельные годы их численность переходила за сотню.

Дальнейшая дифференциация региональных издательств (банкротство бывших областных, краевых и автономно-республиканских государственных издательств, переход лидерских позиций к местным бюджетным издательствам – вузовским, академическим, ведомственным), специализация коммерческих «культурных» издательств на выпуске литературы определенной тематики (собственные оригинальные издания, крупные издательские проекты, книжные серии) способствовали формированию новой динамичной и весьма подвижной издательской системы [10, с. 30].

Переход на принципиально иную организационно-правовую и рыночную экономическую основу деятельности, количественный рост издающих предприятий привели к образованию многоукладной и многоуровневой системы издательств различных форм собственности, административно-территориальной принадлежности, масштабов деятельности, читательского назначения, сегментов печатной продукции, знаковой природы информации выпускаемых изданий [11, с. 112].

Принципиальные институциональные трансформации претерпела и структура звеньев книжной торговли. В советские годы книжная торговля имела два звена – оптовое и розничное. *Оптовая* сеть была представлена книготорговыми базами, а *розничная* – книжными магазинами и библиотечными коллекторами.

Разрушение оптового звена в начале 1990-х гг. привело к тому, что функции оптовой торговли оказались распределенными между издательствами, розничными книготорговыми предприятиями и собственно оптовыми фирмами. В процессе формирования рынка появлялось множество оптовых структур, обслуживающих интересы отдельных издательств и книготорговцев. Не всегда такие структуры выживали в конкурентной борьбе, рост уцелевших на книжном рынке происходил медленно. Так, накануне экономического кризиса 2008 г. в России ведущие оптово-розничные организации и единичные библиотечные коллекторы были сосредоточены в основном в Москве и Санкт-Петербурге. В провинции книжные оптовики располагались в отдельных крупных региональных центрах –

Архангельске, Самаре, Нижнем Новгороде, Челябинске, Екатеринбурге. В Сибири и на Дальнем Востоке сразу несколько оптово-розничных предприятий действовало в Новосибирске («Топ-книга», «Эжор-книга», «Новосибирск-книга»), по одному в Иркутске («ПродаЛитЪ»), Хабаровске («Мирс») и Петропавловске-Камчатском (ЧП «Кожан С.П.»).

В зависимости от организации работы и обслуживания населения в советские годы действовали следующие основные каналы розничной книжной торговли: *стационарные* (книжные магазины, библиотечные коллекторы, книжные киоски), *передвижные* (развозная – автолавки и разносная – лотки, торговля на улице, книжные базары, книгоноши) и *почтово-посылочные* сети. В условиях рыночной экономики структура советской розничной книжной торговли претерпела значительные изменения, одновременно появились и развиваются новые каналы розничной торговли.

Отказ от централизованного административного режима способствовал предпринимательской инициативе. Институциональные новшества привели к модификации количественно-качественного состава участников книготоргового пространства. Основными каналами книгораспространения в России в целом в начале XXI в. стали: независимые книжные магазины; сетевые книжные магазины; продажи в непрофильных магазинах; рынки, лотки; книга-почтой, клубы; интернет-продажи; библиотеки; прочие (рис. 3) [12, с. 16].

На рубеже XX–XXI вв. в России сформировалось три вида книготорговых сетей: *национальные, региональные и локальные*. К числу национальных относится «Топ-книга» (1995–2011), созданная в 1995 г. в Новосибирске и ставшая за 15 лет своего существования крупнейшей книготорговой сетью не только Сибири, но и России. Кроме «Топ-книги» к числу национальных книготорговых сетей, работающих в СФО, можно отнести «АСТ» и «Мастер-книга», с 2005 г. «Читай-город» и «Новый книжный» («Эксмо»), а также старейшие федеральные книготорговые структуры России – «Академкнига» (до 2010 г.) и «Военкнига» (до 2005 г.). В 1991–1995 гг. в регионе начали складываться региональные сети: в Иркутске – «ПродаЛит», в Красноярске – «ЛитЭкс» (действовала до 2000 г.) и др. Кроме того, в регионе образовалось множество локальных книготорговых сетей. Такие сети либо их зачатки были сформированы во всех городах региона с населением выше 500 тыс. чел.

Оптовые предприятия и книгопроводящие сети стали играть роль межрегиональных центров оптовой торговли. На вышеперечисленных книготорговых структурах базировалась схема оптовой продажи и доставки книг в Сибирь, на Дальний Восток, в отдаленные районы страны. Это было чрезвычайно важно в условиях существовавшей моноцентричности книжного рынка, когда большая часть производимых книг (75–80 %) издавалась в центре страны, а значительная часть потребителей проживала в провинциальных регионах страны [13, с. 33].

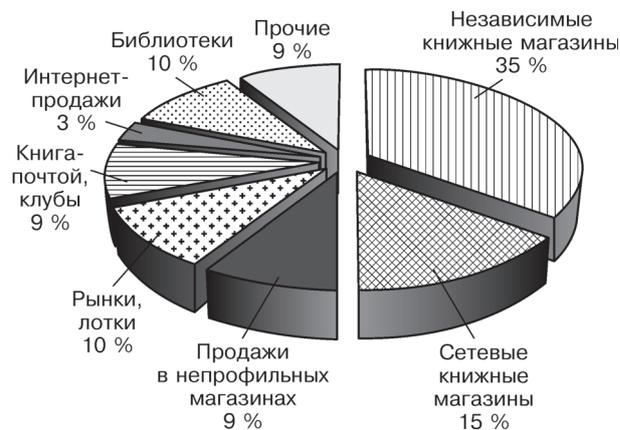

Рис. 3. Основные каналы распространения в России в начале XXI в.

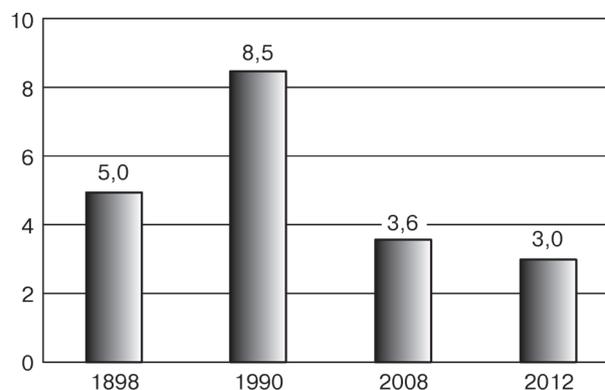

Рис. 4. Количество книжных магазинов в России (1898–2012 гг.), тыс.

В конце 1990-х гг. в стране начала зарождаться книжная интернет-торговля, активный рост которой пришелся на конец первого десятилетия XXI в. [13, с. 52]. По оценке экспертов, именно интернет является самым активным каналом продаж последних лет, фактически все издательства используют интернет-канал для книжной дистрибуции.

Оценивая развитие современного издательского дела, можно констатировать, что его издающая часть адаптировалась к условиям рынка, чего нельзя сказать о книгораспространении. Основной проблемой постсоветского книжного рынка является системный кризис книгораспространения в стране, дестабилизация и без того несовершенной системы книжной дистрибуции. Если в 1990 г. количество книжных магазинов в десятки раз превышало количество издательств, то спустя два десятилетия институциональных трансформаций эти цифры оказались примерно равными. В 2008 г. книготорговая сеть СНГ составляла лишь 20 % от той, что действовала на конец 1980-х гг. [14, с. 10]. Количество книжных магазинов в России в 2012 г. (3 тыс. магазинов, а по оценкам некоторых экспертов –

1,5 тыс.) оказалось даже меньше, чем в дореволюционной России (5 тыс. магазинов) и продолжает сокращаться. За последние четыре года такое сокращение составило около 20 %. Особенно остро эти проблемы ощущаются в регионах (см. рис. 4) [15, с. 7].

Итак, в соответствии с *модернизационной парадигмой развития* в любой социальной системе параллельно с *изменениями технологического поля* наблюдаются *институциональные трансформации* – изменения институтов, их дифференциации, структурирования, моделирования, конкурентоспособности, оптимизации, интеграции и т. п. Институциональные преобразования издательского дела постсоветских десятилетий проходили под влиянием региональных издательских традиций, доставшихся в наследство от советских времен; внедрения рыночных механизмов и новых информационных технологий; многоэтапной реорганизации отрасли. Они привели к коренному видоизменению функций управления ею, изменили протяженность (объем, масштабы и пространность охвата) издательско-распространительной деятельности и структурированность (количество-качественный состав участников, насыщенность) издательского пространства.

Современная структура издательств, издающих организаций и книготорговых предприятий Сибири и Дальнего Востока, представленная в виде многоуровневого и многоукладного комплекса взаимосвязанных рынков, отраслей культуры и производства, стабильно обеспечивающих подготовку, выпуск и распространение книг, журналов, газет и других видов печатной продукции, остается весьма подвижной в условиях продолжающейся модернизации российского издательского дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
2. Лизунова И.В. Технологическая модернизация издательского дела как основа интеграции в современное медиапространство // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 244–247.
3. Казаринова Л.Ф. Некоторые вопросы сибирского и дальневосточного книгоиздания в последней четверти XX в. // Книжное дело в Сибири и на Дальнем Востоке в последней четверти XX в. Новосибирск, 1990. С. 3–30.
4. Солоненко В.К. Книжный рынок России: подходы к количественной оценке // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Ч. 2. С. 15–30.
5. Морозовский М.А. Современная книжная торговля: опыт анализа и классификация // Книжное дело. 2001. № 1. С. 58–63.
6. Эффективное книгоиздание: сб. ст. / О.А. Зимарин, Б.С. Есенкин, Ю.Ф. Майсурдзе. М., 2002. 144 с.
7. Евсеева Г.И. Современное издательское дело: в 2 ч. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2009. Ч. 1: Издательское дело в России. 132 с.
8. Борисова С.Г. Некоторые вопросы государственного регулирования отрасли печати. М., 2003. 168 с.
9. Справочные материалы / Ассоциация книготорговцев и распространителей независимых государств. М., 2006. 64 с.
10. Посадсков А.Л. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока: современный облик. К итогам исследований книговедов // Библиосфера. 2010. № 4. С. 29–32.

11. Лизунова И.В. Издательское дело как часть отечественного медиапространства: теоретические подходы // Тр. ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2014. Вып. 7: Библиотека и читатель: диалог во времени. С. 611–615.

12. Альшевская О.Н. Сибирь на книжном рынке России: от лотков до гипермаркетов книги (90-е годы XX века – начало XXI века) // Информационная политика и культурное развитие регионов: печать, книга, электронные СМИ Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период (90-е годы XX – начало XXI в). Новосибирск, 2008. С. 41–56.

13. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2010 год: отрасл. аналит. доклад / под ред. В.В. Григорьева. М., 2011. 81 с.

14. Горбунов А.В. Книгораспространение сегодня: ключевые вопросы // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 88, ч. 2. С. 9–14.

15. Михайлова Н.М. Книга как одна из базовых составляющих культуры // Книжная индустрия. 2013. № 9. С. 6–8.

REFERENCES

1. North D. Institutions, institutional change and economic performance. M., 1997, 180 p. (In Russ.)
2. Lizunova I.V. Century and Technological modernization of publishing as a basis for integration into the modern media space. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014, no 5 (48), pp. 244–247. (In Russ.)
3. Kazarinova L.F. Some questions Siberian and far Eastern book publishing in the last quarter of the twentieth century. *Knizhnoe delo v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v poslednej chetverti XX v.* Novosibirsk, 1990, pp. 3–30. (In Russ.)
4. Solonenko C.K. The Russian Book market: approaches to quantifying. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. M., 2008, 2 hours, pp. 15–30. (In Russ.)
5. Morozovskiy M.A. Modern book trade: the experience of the analysis and classification. *Knizhnoe delo*. 2001, no 1, pp. 58–63. (In Russ.)
6. Effective book publishing. Collection of articles / O.A. Samarin, B.C. Esenkin, Y.F. Maisuradze. M., 2002, 144 p. (In Russ.)
7. Evseeva I.G. The Modern publishing industry: 2 o'clock 1 o'clock. Publishing in Russia: textbook. Omsk, 2009, 132 p. (In Russ.)
8. Borisova S.G. Some of the issues of state regulation of the print industry. M., 2003, 168 p. (In Russ.)
9. Reference materials. The Association of distributors of independent States. M., 2006, 64 p. (In Russ.)
10. Posadskov A.L. Literary culture of Siberia and the Far East: a modern look. The results of the research of the book. *Bibliosfera*. 2010, no 4, pp. 29–32. (In Russ.)
11. Lizunova I.V. Century and Publishing as part of a domestic media space: a theoretical approach Trudy GPNTB SO RAN. Novosibirsk, 2014, v. 7: Biblioteka i chitatel': dialog vo vremeni, pp. 611–615. (In Russ.)
12. Alshevskaya O.N. Siberia in the Russian book market, from trays to hypermarkets books (90-ies of XX century – the beginning of XXI century). *Information policy and cultural development of the regions: the press, books, electronic media Siberia and the Far East in the post-Soviet period (90 years XX – the beginning of XXI century)*. Novosibirsk, 2008, pp. 41–56. (In Russ.)
13. The Russian book market. Status, trends and prospects. 2010: analytical report. M., 2011, 81 p. (In Russ.)
14. Gorbuinov A.V. Century book trade today: key issues. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. M., 2008, Sat. 88, 2 hours, pp. 9–14. (In Russ.)
15. Mikhailova N.M. The Book as one of the basic components of culture. *Knizhnaya industriya*. 2013, no 9, pp. 6–8. (In Russ.)

Статья принята редакцией 09.01.2015

УДК 655.4/5

И.А. ГОНЧАРУК

**РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ
НА РУБЕЖЕ XX – НАЧАЛА XXI в.**

Инна Алексеевна Гончарук, аспирант,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Русский остров, пос. Аякс, 10, корп. F, каб. 427
e-mail: inna-korrektor@mail.ru

Статья посвящена анализу современного состояния, основных направлений и особенностей развития книгоиздания и книжной торговли на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Проводится сравнительный анализ дальневосточного книгоиздания 1985–2005 гг., выявляются причины сокращения тиражей и роста количества наименований выпущенных в ДФО книг и брошюр, в том числе издательствами высших учебных заведений, Дальневосточным и Якутским издательствами. Приводятся данные о количестве наименований и тиражах книжной продукции вузов Дальневосточного региона, а также тиражные показатели в субъектах Дальневосточного региона. Рассматривается книгоиздательская деятельность Хабаровска в 1999–2002 гг., а также книжная торговля в Хабаровском крае в 1950–1990 гг. в сравнении с современным периодом. Анализируются основные тенденции, характерные для книготорговых предприятий Дальнего Востока, особенности взаимодействия книжных магазинов с дальневосточными издательствами.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровск, книжный рынок, вузовское книгоиздание, книготорговая сеть.

I.A. GONCHARUK

**THE DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN BOOK PUBLISHING
AND TRADE AT THE TURN OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES**

Inna Alekseyevna Goncharuk,
Postgraduate Student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russky Ostrov, Ayaks, 10, Build. F, Room 427
e-mail: inna-korrektor@mail.ru

The article analyzes the current state, main trends and peculiarities of the book publishing industry and trade in the Russian Far East in the late XX – early XXI centuries. The author pays much attention to the activities of publishing houses of higher schools while studying the book market structure.

Analyzing the role of university publishing houses in the Far Eastern book market structure, the author emphasizes the State nature of the book publishing activities carried out by the editorial departments of higher schools; presents data on the amount of titles and number of printed copies of books issued by the higher institutions in the Far Eastern region, data on the book production of the regional publishing houses (percentage wise, considering the amount of titles and number of printed copies), as well as circulation data for the regions within the Russian Far East including average numbers of book copies (in 2005, as compared with 1985).

The article conducts a comparative study on the Russian Far-East publishing industry activities in 1985–2005; reveals the reasons for decreasing numbers of book copies and growing numbers of book and brochure titles released in the Far Eastern Federal District including those issued by the editorial houses of higher schools as well as the Far Eastern and Yakutsk Publishing Houses. Special attention has been paid to the Khabarovsk Krai possessing the largest book-selling network «Mirs» in the Far East. The author examines the book industry of the city of Khabarovsk in 1999–2002 as well as the book trade in the region during the 1950s –1990s compared to the present time; studies the book trade activities of the Khabarovsk company «Mirs» (including the trade margin, assortment of books in shops, number of book-selling enterprises, company actions, etc.); presents the statistical data on the book trade activity in the Khabarovsk and Primorsky Krai, in particular, on the number of bookstores in the subjects of the Far Eastern region. The author specifies the main trends in business activities of the book-selling enterprises in the region and analyzes peculiarities of cooperation between the bookstores and publishing houses in the Russian Far East.

Key words: Russian Far East, book market, university publishing, book production, book-selling network.

Перемены в книгоиздании, связанные с переходом к рыночным отношениям, в каждом регионе протекали

по-разному, в соответствии с его спецификой. Изменения, происходящие в российском книжном деле на ру-

беже XX – начала XXI в., в полной мере коснулись и Дальнего Востока России.

В книгоиздательской деятельности Дальневосточного региона значительное место отводится вузовским издательствам. Подготовку специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке, по данным на начало 2000-х гг., осуществляли 33 государственных высших учебных заведения: 17 университетов, 9 академий и 7 институтов. Больше всего вузов в Приморском и Хабаровском краях – по 10. На втором месте – Республика Саха (Якутия) и Амурская область – по четыре вуза. В Камчатской области – два вуза, в Магаданской, Сахалинской областях и ЕАО – по одному [1].

К началу XXI в. в Дальневосточном регионе издательские предприятия (РИО) вузов стали фактически главными системообразующими структурами местного книгоиздания – к примеру, Издательству Дальневосточного университета, специфика печатного репертуара которого состояла в публикации значительного количества научной и научно-популярной востоковедческой литературы, Министерство образования и науки присвоило ИПК ДВГУ звание лучшего вузовского издательского предприятия, выпускающего труды учебных вузов Дальневосточного региона [2].

Дальневосточное книгоиздание является преимущественно государственным, поскольку осуществляется в основном за счет редакционных отделов вузовских издательств, число которых постоянно увеличивается. Так, если в 1983 г. количество университетских издательств на Дальнем Востоке выросло до 10, то спустя 20 лет, в 2003 г., здесь насчитывалось уже 640 вузов, занимавшихся издательской деятельностью, включая филиалы (без них – 602); в 2004 г. – 771 вуз (без филиалов – 623), в 2005 г. – 710 вузов (без филиалов – 653). При этом 5 и более названий ежегодно выпускали 420–430 издательских подразделений вузов, 20 и более – около 250, 50 и более – около 120, в 2004 г. – 100 названий и более – 42 издательства [3, с. 50].

Одна из основных тенденций, характерных для дальневосточных издательств, – это сокращение тиражных показателей. Так, Дальневосточное издательство в 1985 г. имело тираж 2500 тыс. экз., а в 2000–2005 гг. – около 13 тыс. экз., Якутское издательство соответственно 1445 тыс. экз. в 1985 г. и 163 тыс. экз. в 2000–2005 гг. Сведений за данный период по Магаданскому и Хабаровскому издательствам не обнаружено – их деятельность оказалась настолько незаметной, что статистика не учитывала их отдельной строкой, но в 1985 г. они имели тиражи соответственно 509 и 4224 тыс. экз. [4, с. 77]. В 2003 г. в стране вышла 81 тыс. названий книг и был впервые начат учет «мелкопечатных» (по терминологии РКП) непериодических изданий, которых было выявлено почти 6 тыс. Местные, нестоличные издательства выпустили в 2003 г. 26 тыс. названий, причем выпуск местного книгоиздания обеспечивался в основном вузовскими издательствами [4, с. 75].

За 2003–2005 гг. 37 вузов ДФО издали в среднем 906 названий общим тиражом 310,8 тыс. экз., листаж составил 3 569 тыс. печ. л.-отт., а средний тираж одной

книги – 0,342 тыс. экз. Таким образом, Дальневосточный регион оказался в лидерах по названиям (24 названия), уступив лишь Северо-Западному (27) и Центральному (12 тыс.) регионам [3, с. 52].

В годы стабилизации и оживления издательской отрасли в России доля регионального книгоиздания снижается, составляя в процентном отношении по числу названий 30–31, по тиражам – 9–10 % от всех выпускаемых в стране книг и брошюр. Это объясняется процессами монополизации в книжной отрасли и усилением роли столичных издательств. В то же время в регионах число названий увеличилось в 2,8 раза, тиражи уменьшились на 40 %, подтверждая общероссийскую тенденцию к росту числа наименований и сокращению тиражей. В частности, Приморский край, в 1985 г. имевший 256 названий (0,5 % в общем выпуске) и тираж 2560 тыс. экз. (0,2 %), в 2005 г. увеличил число названий до 423 (0,5 %), а тираж сократил до 321 тыс. экз. (0,1 %) [4, с. 75].

В настоящее время в большей части российских регионов выпускается в год менее 100 названий книг тиражом менее 100 тыс. экз., а в некоторых регионах, в частности на Дальнем Востоке, местные издания практически отсутствуют (Амурская, Магаданская, Сахалинская области, ЕАО) [5]. В 3–5 раз сократили тиражи крупные в прошлом издательские регионы, в том числе Якутия, в 7–10 раз снизились тиражи в Приморском крае, в 20–30 раз – в Хабаровском [4, с. 76].

За 1999–2002 гг. в Хабаровском крае было издано более 2,5 тыс. печатных изданий: зарегистрировано 1 231 название книг и брошюр, 114 авторефератов диссертаций и 35 названий продолжающихся изданий, в подготовке и тиражировании которых принимали участие 130 организаций¹. Основными производителями этой продукции являются РИО вузов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре – на их долю приходится 44,5 % полученных ДВГНБ изданий [6]. Основной круг изданий – сборники научных трудов, учебно-методические пособия, лекции, учебные программы, т. е. то, что относится к местным изданиям некраеведческого характера.

Таким образом, если в начале 1990-х гг. издательской деятельностью в Хабаровском крае занимались шесть предприятий, то к концу 1990-х гг. таких предприятий стало 53, а в 2004 г. – 119. К издательствам присоединились издающие организации – предприятия, занимающиеся издательской деятельностью.

По Дальневосточному региону в 1990–2005 гг., исходя из количества издательств, доминировали Приморский и Хабаровский края, затем – Сахалинская, Магаданская, Камчатская и Амурская области, а замыкали список ЕАО и Чукотский автономный округ [7].

Ранее Госкомиздат строго регламентировал тематическое планирование, хозяйственные показатели работы не только издательств, но и типографий, и книжных магазинов, при этом, как правило, учитывались предложения Хабаровской и Амурской писательских

¹ РКП зарегистрировано в 2001 г. 1 178 названий книг и брошюр, выпущенных в Дальневосточном регионе (в 2000 г. – 855).

организаций. В частности, Хабаровский край всегда являлся одним из регионов Дальнего Востока, в котором активно развивалось книжное дело, тем более что в настоящее время здесь находится фактически единственная на Дальнем Востоке крупнейшая оптовая книготорговая сеть «Мирс».

В 1950–1990 гг. книжную торговлю в Хабаровском крае осуществляла система Крайкниготорга, имевшая более 100 книжных магазинов в городах и поселках края, где работало более 800 книготорговцев. Среди магазинов имелось 11 специализированных, 18 профилированных, три салона искусств; 26 книжных магазинов работали в леспромхозах, на приисках и в портах края; 14 обслуживали БАМ; в населенных пунктах работали 56 киосков.

К концу 1990-х гг. в книжных магазинах было представлено более 12 тыс. названий книг, стоимость товарного фонда составляла 6,5 млн руб., среднегодовая реализация – 14–15 млн руб., а на душу населения приходилось 9–10 руб. в год. Общая торговая площадь книжных магазинов края достигала 8 100 м² [8, с. 67].

По данным на 2007 г., в Хабаровском крае насчитывалось 57 магазинов, из них 37 располагались в областном центре, 11 – в Комсомольске-на-Амуре (в 18 районных центрах и городах края книжные магазины отсутствуют). Для сравнения приведем данные по Приморскому краю: в Приморье насчитывалось 22 книжных магазина в 44 районных центрах и других городах края. Это при том, что всего в 12 субъектах РФ, на которые приходится 17,17 % площади и 20,29 % населения страны, находится 540 книжных магазинов, и в среднем на каждый из этих регионов приходится по 39 книжных магазинов [9].

В Хабаровске за последние несколько лет появились новые магазины и книготорговые сети: «Мирс», «Знание», «Восток-книга», «Черная кошка», «Деловая книга». Наряду с традиционными книжными магазинами продолжает вести свою деятельность магазин букинистической торговли «Книжный мир» [6, с. 72–73].

В настоящее время, несмотря на то, что в центре страны производится 90 % совокупного тиража всех изданий, в Хабаровске успешно функционируют две крупных сети магазинов – «Деловая книга» и «Мирс». Фирма «Мирс» была организована в 1992 г. и занимается оптово-розничной торговлей книжной продукцией и канцелярскими товарами. В черте города действует 26 магазинов, из них два – мелкооптовых; штат фирмы насчитывает около 200 чел. [9]. Всего в розничной сети компании «Мирс» 42 магазина – сеть не только не сократилась, но, напротив, расширилась: за 8 мес. 2009 г. было открыто семь новых магазинов: четыре – в Приморском крае, два – в Хабаровске и один – в Биробиджане, а также офис и склады на Сахалине. Однако максимальное падение в сети «Мирс» по книгам в работающих не менее года магазинах составило 28 %, минимальное – 6 % в месяц [10, с. 38].

«Мирс» имеет представительства в ДФО, так как столичные издательства предпочитают работать с одним крупным книготорговцем, чем с большим коли-

чеством мелких предпринимателей, и ориентированы на массового покупателя, не удовлетворяя спрос специализированных сегментов. «Мирс» оказывает большой комплекс сервисных услуг: доставка товара авто-, авиа- и железнодорожным транспортом в регионы Дальнего Востока, предоставление информации о новых поступлениях товара в прайс-листах и рассылка по электронной почте, оказание помощи по комплектованию библиотек вузов, техникумов и школ в Хабаровске и по Дальневосточному региону.

В современный период доля некнижных товаров в книжных магазинах составляет 20–30 %, иногда до 50 %. Для сохранения рентабельности сегодняшнего книжного магазина нужно уменьшить ассортимент книг до 10–20 тыс. наименований, «играть» с ценой на книгу вместе с издателями и поставлять хороший сопутствующий товар [11, с. 17]. В частности, директор упомянутой выше фирмы «Мирс» С.В. Кустов констатирует, что ассортимент магазинов данной книготорговой сети сократился на 10–20 %, в первую очередь, это компьютерная, деловая литература, а также фантастика – сегменты, наиболее подверженные угрозе со стороны электронных публикаций и Интернета. Зато бестселлеры «помогают книжной торговле выжить в кризис» [10, с. 39]. Наценка на них в фирме «Мирс» составляет от 30 до 70 %, наценка по сети – 100 %, арендные и коммунальные платежи составляют 40–80 % от наценки, а оборачиваемость товарных запасов до 10 мес. считается хорошей [11, с. 11].

Оптимальный книжный ассортимент магазинов формата «Пиши–читай» (до 150 м²) – 8–10 тыс. наименований, формата «Большой книжный» – от 40 тыс. наименований книг [10, с. 39]. За счет сокращения книжного ассортимента «Мирс» увеличил количество мультимедийной продукции, открыл две кофейни в крупных магазинах сети и расширил отделы подарков и сувениров. Из антикризисных мер можно также отметить акцию «Три антикризисные цены», в рамках которой продавалось более 11 тыс. книг по ценам 10, 49 и 99 руб. [10, с. 38].

В 2005 г. в сети «Мирс» стали появляться отделы уцененной книги, так как вместо дорогой подарочной книги за 650–700 руб. пользуется спросом книга за 150–200 руб. По мнению С.В. Кустова, в ближайшие 4 года рынок бумажных книг сильно сузится, электронная книга вытеснит бумажную, и через 5–7 лет книжные магазины изменятся до неузнаваемости: разделы бумажной книги уменьшатся очень сильно, а освободившееся пространство займет сопутствующая продукция. Останутся детские книги для самых маленьких и дешевые книги, выпущенные на газетной бумаге [10, с. 39].

В целом розничные цены на книги существенно отличаются в книготорговых предприятиях Дальнего Востока. Прослеживается общая тенденция практически для всех книготорговых предприятий – средние розничные цены на книги местных издательств (за исключением ООО «Мирс») существенно ниже средних цен на все книги, представленные в торговом зале, однако товарооборотность – время обращения сред-

него товарного запаса – книг, изданных в регионах, значительно больше срока, в течение которого продаются все книги. В частности, книги, изданные в Хабаровском крае, лежат на полках хабаровских магазинов более года, а в ведущих книготорговых предприятиях Москвы и Санкт-Петербурга – в пределах 60–90 дней [12, с. 24]. Причинами, которые не способствуют реализации литературы местных издательств, являются отсутствие информации о выпуске и реализации той или иной книги, а также рекламы; присутствие в ассортименте изданий небольших издательств, выпускающих в год 1–5 наименований.

Книготорговые предприятия Дальнего Востока, конечно же, работают с литературой местных издательств, однако и по объемам продаж, и по ассортименту эти показатели не соответствуют тем возможностям, которые могут предоставить книготорговые предприятия, и тем пожеланиям издателей, на которые они рассчитывают. Во-первых, качество книг, изданных местными издательствами, уступает литературе ведущих издательств; во-вторых, в ассортименте местных издательств преобладает специальная литература, с которой универсальные магазины не работают; в-третьих, поэзия местных авторов не укладывается в рыночные отношения. Остается литература по краеведению и истории края, подарочные издания и детские книги. Так, количество книг и брошюр, выпущенных в Хабаровском крае в 2009 г. – 549, книг, представленных в торговом зале фирмы «Мирс», в 2009 г., – 54 тыс., количество региональных книг, представленных в торговом зале ООО «Мирс», – 100. Таким образом, книги ООО «Мирс» составляют 18,2 % от общего количества книг, выпущенных в Хабаровском крае, и 0,2 % от общего ассортимента торгового зала [12, с. 23].

За годы рыночных преобразований количество книжных магазинов в России резко сократилось, закрылись все книжные магазины в системе кооперации, «Военкниги». Так, в 2007 г. в стране насчитывалось около 4 тыс. магазинов, на один книжный магазин приходится 4,274 тыс. км² площади и 36,37 тыс. чел. (в Хабаровском крае – 142 тыс. чел., в Московской – 65,97 тыс., в Иркутской – 75,14 тыс., в Воронежской области – 138,67 тыс. чел.) [8, с. 55]. Подавляющая часть регионов, в том числе Магаданская область, более 98 % своего книжного ассортимента получает из Москвы и Санкт-Петербурга.

Таким образом, структуру дальневосточного книгоиздания и книгораспространения можно считать сформированной, однако проблемы, решаемые отраслью из года в год, остаются одними и теми же. Это проблема несоответствия спроса и предложения, а также вопрос ценообразования; недостаточное изучение читательского спроса (книжная торговля не информатизирована); обеспеченность книготорговой отрасли кадрами. В настоящее время на Дальнем Востоке острым остается вопрос о расширении ассортимента привозимой литературы, так как большая часть изданий не доходит до покупателей из-за удаленности от центральных издательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войшинис В.Э.* Проблемы высшей школы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI вв. (на примере Хабаровского края) // Духовная жизнь Дальнего Востока России: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 24–26 окт. 2000 г.) / Гос. архив Хабаровского края. Хабаровск: Частная коллекция, 2000. С. 97–99.
2. *Посадсков А.Л.* «Издательская революция» в вузах: некоторые особенности развития вузовского книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XXI в. // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности. К 250-летию вузовского книгоиздания в России: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 сент. 2006 г.). М.: Наука, 2006. С. 235–242.
3. *Солоненко В.К.* Университетское книгоиздание: от количества к качеству // Университетская книга. 2006. № 9. С. 50–57.
4. *Солоненко В.К.* Особенности современного регионального книгоиздания // Книжное дело. 2007. № 1. С. 74–80.
5. *Дмитриев К.* Регионы и книжные центры // Книжное дело. 2001. № 4. С. 66–68.
6. *Батурина Г.А.* Местный обязательный экземпляр: проблемы, поиски, решения // Современная библиотека в едином информационном и культурном пространстве региона: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Дальневост. гос. науч. б-ка. Хабаровск: ДВГНБ, 2002. Т. 1. С. 222–229.
7. *Лукьянова И.В.* По материалам «круглого стола»: «Книга и чтение в меняющемся мире» // Вестн. ДВГНБ. 2006. № 2 (31). С. 100–104.
8. *Боголюбов А.С., Нарыжная С.М.* К вопросу о книжном рынке в г. Хабаровске // Вестн. ДВГНБ. 2001. № 4 (13). С. 67–74.
9. *Горбунов А.В.* Еще раз о книжном рынке, книжных магазинах и книгах // Университетская книга. 2007. № 11. С. 54–56.
10. Закал бумажной книги не за горами // Книжная индустрия. 2009. № 9. С. 38–39.
11. Стратегии ценообразования. Поиск разумного баланса между прибылью и желанием клиента: виртуальный круглый стол // Книжная индустрия. 2011. № 2. С. 9–17.
12. *Горбунов А.В.* О работе с региональной литературой // Книжная индустрия. 2009. № 9. С. 22–24.

REFERENCES

1. *Vojshnis V.Je.* Problems of the higher school of the Far East of Russia at the turn of the twenty-first century (on the example of Khabarovsk territory). *Duhovnaja zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii (Habarovsk, 24–26 oktjabrja 2000 g.) / Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja.* Habarovsk: Chastnaja kollekcija, 2000, pp. 97–99. (In Russ.)
2. *Posadskov A.L.* «The publishing revolution» in higher education: some features of the development of university publishing in Siberia and the Far East at the beginning of XXI v. *Knizhnaja kul'tura. Opyt proshlogo i problemy sovremennosti. K 250-letiju vuzovskogo knigoizdaniya v Rossii: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 20–21 sent. 2006 g.).* M.: Nauka, 2006, pp. 235–242. (In Russ.)
3. *Solonenko V.K.* University publishing: from quantity to quality. *Universitetskaja kniga*, 2006, no 9, pp. 50–57. (In Russ.)
4. *Solonenko V.K.* Features contemporary regional publishing. *Knizhnoe delo*, 2007, no 1, pp. 74–80. (In Russ.)
5. *Dmitriev K.* Regions and the book centers. *Knizhnoe delo*, 2001, no 4, pp. 66–68. (In Russ.)
6. *Baturina G.A.* Local legal deposit: problems in claims solutions. *Sovremennaja biblioteka v edinom informacionnom i kul'turnom prostranstve regiona: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Dal'nevost. gos. nauch. b-ka.* Habarovsk: DVGNB, 2002, vol. 1, pp. 222–229. (In Russ.)
7. *Luk'janova I.V.* Based on materials from the «round table»: «The book and reading in a Changing World». *Vestnik DVGNB*, 2006, no 2 (31), pp. 100–104. (In Russ.)

8. Bogoljubov A.S., Naryzhnaja S.M. On the question of the book market in Khabarovsk. *Vestnik DVGNB*, 2001, no 4 (13), pp. 67–74. (In Russ.)
9. Gorbunov A.V. Once again on the book market, bookstores and books. *Universitetskaja kniga*, 2007, no 13, pp. 54–56. (In Russ.)
10. The Decline of the paper book just around the corner. *Knizhnaja industrija*, 2009, no 9, pp. 38–39. (In Russ.)

11. Pricing strategy. Search a reasonable balance between profits and the desire of the client: Virtual Roundtable. *Knizhnaja industrija*, 2011, no 2, pp. 9–17. (In Russ.)
12. Gorbunov A.V. On working with regional literature. *Knizhnaja industrija*, 2009, no 2, pp. 22–24. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.12.2014

УДК 655.4/5:82(470)

В.Г. ИВАНОВ

**КАНОН VS АНДЕГРАУНД: ОБ АЛГОРИТМЕ ПЕРЕМЕН
В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ КНИГОИЗДАНИИ РОССИИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.**

Виктор Германович Иванов,
канд. филол. наук, гл. библиотекарь,
Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН,
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail:desnos8@yandex.ru

Статья посвящена изменению традиционного канона современной русской литературы в его противостоянии с литературным андеграундом в издательском процессе 1980–2010 гг. Литературное подполье и народное карнавальное искусство конца 1980-х гг. спустя 20 лет трансформируется в новый канон после смерти основных фигурантов литературного процесса того времени. Так в тираж выходят посмертные публикации Я.С. Дягилевой, И.Ф. Летова и других лидеров и бунтарей того поколения. Новое поколение поэтов и прозаиков скорее наследует традиции сибирского андеграунда и неподцензурной литературе самиздата СССР, чем нового постсоветского официоза. В городах России (Тюмень, Иркутск, Новосибирск), где сформировались свои литературные школы, борьба «канонической» литературы и андеграунда происходит в зависимости от условий формирования среды и издательского процесса.

Ключевые слова: канон, авангард, андеграунд, самиздат, карнавальное искусство, издательское дело, неподцензурная литература, Р.В. Сенчин, И.Ф. Летова, Я.С. Дягилева, В.Г. Богомяков, В.А. Диксон, А. Жданов, О.Б. Волов.

V.G. IVANOV

**CANON VS UNDERGROUND : CHANGING ALGORITHM IN FICTION
BOOK PUBLISHING IN RUSSIA IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES**

Victor Germanovich Ivanov,
Candidate of philological Sciences, Senior Librarian
The State Public Scientific Technical Library, SB RAS,
Novosibirsk, Voskhod St., 15
e-mail:desnos8@yandex.ru

The paper describes transformations of the canon of modern fiction formed during the last twenty years and its confrontation with the underground literature developing its own lower and carnival canon as opposed to the official post-Soviet literature of the «Grand Style». Nowadays the canon borders in fiction are diffused and determined mostly by the interests of publisher groups who define their politics in favor to certain writers. Thus, the contemporary so called «fat» magazines inherited the Soviet experience of editorial work creating a range of authors who over the course of the last 10 years have been selected to the lists of candidates for receiving the major literary prizes such as the «Big Book», «National Bestseller» and others. The institution of literary awards is designed to determine the leading role of one or another literary school. On the other hand, works of young authors, who are not in the mainstream of «fat» magazines, correspond to the canon of the «second», avant-garde and underground fiction; they search for their ideological postulates in the time of collapse of the Soviet system and choose their guiding lines in ideas of literary rebels of the 1980s. These two traditions have some points of interaction, though they work as autonomous systems with their inner principles of symbolic capital

distribution. Many cities of Russia have their own literature enclaves, where the canon and underground literature develop in their own way. The paper describes points of attraction and repulsion of these two systems in different regions of the country, from metropolitan cities to large centers of Siberia such as Tyumen, Novosibirsk, Irkutsk where the unique literary schools have been formed by the early 2010s.

Key words: canon, avant-garde, underground, samizdat, carnival art, publishing, uncensored literature, P.V. Senchin, I.F. Letov, Y.S. Dyagileva, V.G. Bogomyakov, V.A. Dikson, A. Zhdanov, O.B. Volov.

Система управления чтением художественной литературы и противоположная тенденция создания андеграундной литературной среды для преодоления цензуры, сопротвления культурным механизмам, принятым в обществе, рассмотрены сегодня в работах ряда исследователей. Так, Е.П. Гуревич и А.В. Зимин пишут об одном из фундаментальных принципов регуляции процесса чтения – создании канона: «Одним из основных инструментов “мягкого” контроля является “канон” – упорядоченный от имени авторитетной инстанции набор текстов, который императивно усваивается для получения соответствующей классификации в рамках наделенной полномочиями структуры либо усвоение которого необходимо для успешной социализации. Надо различать “канон сверху” и “канон снизу”. Первый устанавливается и поддерживается в системах с сильной централизованной властью; данный канон имеет транслокальную значимость. “Канон снизу” устанавливается, на что указывает уже само название, не политической властью, но властью харизматической, т. е. исходит он от “пророка” и “пророческой общины”. Иными словами – от субъекта, подрывающего на свой страх и риск существующий порядок вещей. <...> Со временем исторически успешный “канон снизу” способен заступить место обветшавшего “канона сверху”» [1, с. 100–101].

Однако исторические закономерности формирования литературного канона сложны и не всегда укладываются в приведенную бинарную схему. Современный андеграунд, оставаясь ярким и многообразным явлением, создает свой низовой и карнавалый канон, который не представляет собой закрытую и устойчивую форму, а, напротив, способен к постоянной трансформации. В настоящей статье предлагается рассмотреть срез литературного процесса за прошедшее двадцатилетие, когда ряд традиций, заложенных в конце 1980-х гг. в различных регионах России, с одной стороны, переходит в канон, а с другой стороны, возрождается в новой форме на новом этапе развития отечественной литературы. Это касается как авангардных и андеграундных практик, так и «официальной» постсоветской литературы.

Сегодня границы канона в литературе размыты и скорее определяются интересами определенных групп издателей, которые выстраивают свою литературную политику, отдавая предпочтение той или иной публикации. Так, современные «толстые» журналы, получившие в наследство советский опыт редакционной работы, создают круг авторов, из которого за последние 10 лет в процессе отбора формируются списки претендентов на присуждение крупнейших литературных премий, таких как «Большая книга», «Нацио-

нальный бестселлер» и др. Институт премии призван закрепить преобладающую роль того или иного литературного направления. В условиях значительного сокращения тиражей по сравнению с концом советской эпохи, с учетом точности направленности каждого отдельного издания на свою целевую аудиторию, именно литературные премии поддерживают репутацию современных писателей. Ряд крупных литературных «толстых» журналов напрямую связан с премиальными институтами. Так, списки «Премии им. И.П. Белкина», вручающейся при поддержке Фонда им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, формируются коллегиальным решением, и решающую роль имеют при этом голоса редакционной коллегии журнала «Знамя». Свою премию – им. Ю. Казакова за лучший рассказ года – учредил и журнал «Новый мир», тогда как молодые авторы красноярского журнала «День и ночь» и всего Сибирского региона находятся под пристальным вниманием координаторов Премии им. В.П. Астафьева.

С другой стороны, в канон «второй», именно авангардной и андеграундной литературы вписывается творчество поэтов молодого поколения, которые не попадают в мейнстрим «толстых» журналов, выбирая ориентирами своего творчества главных бунтарей 1980-х. Что касается группы премий, которые направлены на поддержку писателей этого направления, следует назвать премию «НОС», организованную фондом М. Прохорова, – старейшую отечественную литературную Премию Андрея Белого. Этой же цели служит ряд премий, не имеющих материального содержания, таких как, например, премия им. В.В. Розанова «Летающие собаки», находящаяся под эгидой литературного интернет-портала «Мегалит», а также премия «Различие»¹, которая присуждается поэтам, но направлена на поддержание работы критиков, пишущих о поэзии.

Две общие тенденции противостояния неоклассического постсоветского канона и андеграунда характерны не только для столиц, но и для отдельных регионов. Взаимодействие централизованных институтов, связанных с книгоизданием, литературной деятельностью, поощрением писателей и аналогичных региональных институтов, сегодня построено так, что для московских государственных и полугосударственных организаций заметить молодого писателя из глубинки проще, чем местным организациям – внутри закрытого литературного анклава, «тусовки» и т. д. Так, благодаря интернету на «орбите» Молодежной премии «Дебют» вращается до десятка тысяч молодых сочинителей.

¹ Сайт премии «Различие». URL: <http://www.razlichie.org/> (дата обращения: 5.03.2014).

Внутри же узкого кружка, даже в пространстве большого города, система оценок творчества авторов может быть совершенно иной. Такова, в частности, ситуация в Иркутске, где отделение Союза писателей России публикует сборники авторов, которые, помимо классика отечественной словесности Валентина Распутина, практически никому не известны за пределами города или круга читателей журнала «Сибирь». Между тем в Иркутске живут поэты и прозаики, не признанные местной писательской организацией. Таков пример творчества Виталия Диксона – автора более пяти романов, изданных в Иркутске [2], в том числе грандиозной эпопеи «Августейший сезон» [3]. Его тексты публикуются в Германии и хранятся в крупной электронной библиотеке международного значения ImWerden². Сам автор не вступает ни в какие местные писательские организации, однако является единственным в Иркутске членом Международного PEN-центра. С точки зрения ситуации в Иркутске Диксон и его издания находятся вне фокуса литературной общественности, в состоянии своеобразного локального андеграунда, тогда как, раскрыв его страницу в «Википедии»³ и библиографический указатель его изданий, можно предположить, что перед нами современный классик, давно канонизированный и прочитанный от корки до корки. Можно заключить, что невольная «андеграундность» его творчества создана искусственно, она не связана со вполне «каноническим» содержанием произведений, а является лишь продуктом ситуации существования писательских группировок.

Наконец, андеграунд также подвергается своего рода канонизации. С одной стороны, процесс канонизации бунтарского и революционного литературного движения в изданиях Сибири и Дальнего Востока 1980–1990-х гг. происходит через призму творчества новых писателей, воспринявших эту традицию и приобретших известность к рубежу 2010-х гг. С другой стороны, тексты лидеров литературно-музыкального подполья недавнего прошлого публикуются сегодня на хорошей бумаге и с отличным полиграфическим качеством. Так, за последние годы вышло несколько сборников создателя омской группы «Гражданская оборона» Егора (Игоря Федоровича) Летова. Это и стихи [4], и рукописные тексты с фотографиями [5]. Отличие данных изданий от публикаций 1990-х гг. [6] значительно и в отношении полноты представленных текстов, и по уровню полиграфического исполнения изданий. В 2000-е гг. самиздатовская и песенная поэзия лидера новосибирского рок-движения Янки (Яны Станиславовны) Дягилевой получила воплощение в виде отдельной книги, выпущенной в петербургско-московском издательстве «Летний сад» огромным для

² Диксон Виталий Алексеевич. Страница в электронной некоммерческой библиотеке – ImWerden. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=315/ (дата обращения: 06.03.2014).

³ Диксон Виталий Алексеевич. Страница на сайте «Википедия». URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.03.2014).

поэтического сборника по современным меркам тиражом – 3000 экз. [7]. Издание снабжено иллюстрациями, оформительское решение выдержано в стиле конца 1980-х: сохранен как шрифт, так и принцип набора – в типографском варианте воспроизводится машинопись. Сочинения поэтов и рок-музыкантов, два десятилетия назад считавшихся исключительным андеграундом, в новую эпоху стали общепризнанным литературным каноном для молодого поколения.

Близка к этому, канонизируемому ныне андеграундному направлению и деятельность тюменско-москвитинской авангардной группы, в которую входят такие авторы, как М.М. Немиров, В.Г. Богомяков, М. Бакулин [8, с. 31–38], художник В. Глухов и др. Мирослав Немиров, поэт, литературный критик, мемуарист и издатель, выпустил две книги В. Богомякова «Котик Ползаев» [9] и «По накату» [10]. Второе из этих изданий вышло под двойной маркой «Немиров» и «ППШ». В Тюмени изданы также два поэтических сборника Богомякова «Я запущу вас в небеса» [11] и «Стихи, которые выбрал механический барсук» [12]. Тираж первой книги составил 1 тыс. экз. Характерная черта сборника, вписывающаяся в одну из современных тенденций в издательском процессе: это собрание стихотворений Владимира Богомякова, опубликованных ранее в его блоге в Livejournal. В книге воспроизводятся комментарии читателей этого блога к стихам. Стоит отметить, что число читателей «Живого журнала» В. Богомякова превосходит 1 тыс. чел., т. е. он входит в число «тысячников» (специальный термин на интернет-сленге) этого некогда очень популярного интернет-приложения. Таким образом, оставаясь в русле авангардной и андеграундной традиции, выпуская книги сравнительно небольшим тиражом, Богомяков становится в то же время одной из ключевых фигур интернет-пространства.

На региональном уровне возможен еще один вариант взаимодействия канона и андеграунда. Одни и те же авторы могут причисляться к обеим категориям. Такая ситуация сложилась в Новосибирске за последние 20 лет. В этом городе представлены примерно тремя поколениями группы поэтов и писателей, известных на самых разных уровнях – от «толстых» журналов до публикаций в региональных изданиях, интернет-блогах, самиздате, вплоть до издания отдельных книг в престижных издательствах (например, книги О.Г. Постнова [13]). Круг авторов журнала «Сибирские огни», сложившийся до недавней отставки главного редактора В. Берязева (Ю. Пивоварова, А. Денисенко, С. Михайлов), был тесно связан еще с поэтами андеграунда поколения А.В. Маковского и Ж.В. Зыряновой и, с другой стороны, поддерживает связи с такими героями контркультуры Новосибирска, как Андрей Жданов, Александр (Фанат) Вапилов, выпускающими самиздатский альманах «Бумага». С другой стороны, А. Жданова знают в Москве и за пределами России, его проза и стихи печатались, в частности, в антологии «Нестолничная литература»

[14, с. 285–289] и в харьковском «толстом» журнале «Союз писателей»⁴.

Возможен и иной способ решения проблемы выхода из литературного подполья. Ряд деятелей как были художниками, авторами, публикаторами самиздатских стихов, так ими и остаются. Характерный пример – работа издателя, организатора выставок и поэта [Олега Волова], выпустившего за последние двадцать лет около десятка брошюр⁵. Причем даже те из них, что вышли под маркой официального спонсорства Молодежного форума Интэрра–2011 [15], несмотря на глянцевою бумагу и достойное качество репродукций, сохраняют все черты других самиздатских изданий этого поэта-авангардиста.

Возобновивший деятельность в 2014 г. после небольшого перерыва О.Б. Волов, открывший свой печатный орган «Издательская комната», декларирует: самиздат должен оставаться самиздатом и сохранить свои первоначальные черты: плохую бумагу, бедность подачи, печать на ризографе, для того чтобы дух подполья сквозил со страниц книг людей со страшной судьбой. Уже в сборнике «Маковсiу» О. Волов привлекает к сотрудничеству молодых поэтов, известных по устным вечерам и телемостам «новой волны», которые проходят в магазине «Капитал» с начала 2010 г., и фестивалю «Experience». Например, один из авторов этой группы – Антон Метельков сотрудничал с новосибирским электронным журналом «Трамвай», выходящим ежемесячно в 2010–2012 гг., участвовал в слэм-движении, публиковался в сборнике «Поэтический путеводитель по городам России» [16, с. 172–176] и в журнале «Урал» [17, с. 176–177]. Еще одно имя из этого круга – поэт Светлана Копылова, выпустившая в Санкт-Петербурге небольшой сборник стихов «Мычать» [18], отмеченный литературной критикой, несмотря на очень небольшой тираж – 30 пронумерованных экземпляров.

На смену старому, уходящему в канон андеграунду приходит новый, еще более радикальный. Одним из самых парадоксальных опытов бытования андеграунда в Новосибирске стал проект «Шорохо» (2006–2010). Его организаторы А. Романовский и А. Серый вообще отказывались от печатных публикаций, ориентируясь только на устные читки своих произведений. Группа, тем не менее, собирала аншлаги, выступала на Новосибирском книжном фестивале 2006 г. и выпустила одноименный диск к Молодежному форуму Интэрра–2010. По своему направлению эстетика группы была близка как классическому панку, так и его современной акционистской форме.

⁴ Жданов А. Стихи // Союз писателей. Харьков, 2013. № 15. URL: <http://magazines.russ.ru/sp/2013/15/14zh.html> (дата обращения: 6.03.2014).

⁵ В частности, несколько выпусков альманаха «Зелень», выходящего на рубеже 1990-х гг., переизданных в брошюрах под заголовком «Архив №»: Архив №. Зелень 5. По следам русскоязычных поэтов. Новосибирск: 2001 (тираж 31 экз.). 50 с. – Волов О. Невидимки (конспект мира о семнадцати). Новосибирск, 2001. «Стихи на конкурс Маковского». 17 с.

Андеграунд, как всякая тенденция сопротивления официальной культуре, всегда действует по принципу мгновенного распространения через устные источники, что характерно и для народного искусства, сочетает в себе крайний индивидуализм авторов и их желание массового тиражирования своей продукции. Многочисленные исторические примеры показывают, что творчество самых радикальных бунтарей становилось сначала модой, а затем так или иначе канонизировалось. Со стороны издателей, литераторов, журналов, жюри премий существуют различные подходы к выбору того или иного решения по публикации и поощрению конкретного автора. У современного художника, в свою очередь, есть богатый выбор стратегий, которые в конечном итоге определяют жизненную программу или индивидуальную судьбу писателя и его книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич Е.П., Зимин А.В. К вопросу о значимости истории чтения // Наука о книге: Традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга. Исследования и материалы»: Материалы XII Международ. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апр. 2009 г.): в 4 ч. М.: Наука, 2009. С. 100–101.
2. Диксон В.А. Стеклопароход: Кинороман. Иркутск: Репроцентр А1, 2013. 380 с.
3. Диксон В.А. Августейший сезон, или Книга российских календарей: Роман положений. Иркутск, 2008. 1216 с.
4. Летов Е. Стихи. М.: Выргород, 2011. 548 с.
5. Летов Е. Автографы. Черновые и беловые рукописи. М.: Фонд «Сияние», 2011. Т. 2: 1990–1993. 208 с.
6. Летов Е., Дягилева Я., Рябинов К. Русское поле экспериментов. М.: Дюна, 1994. 294 с.
7. Янка (Дягилева Я.). Стихи. М.; СПб.: Летний сад, 2003. 78 с.
8. Бакулин. М. Фискальный документ № 46492000115 // Русские женщины. 47 рассказов о женщинах. М.: Азбука, 2014. 544 с.
9. Богомяков В. Котик Ползаев: Роман. М.: Немиров, 2009. 224 с.
10. Богомяков В. По накату: Роман. Тюмень; М.: П.П.Ш.; Немиров, 2010. 96 с.
11. Богомяков В. Стихи, которые выбрал механический барсук. Тюмень: П.П.Ш., 2012. 60 с.
12. Богомяков В.Г. Я запущу вас в небеса. Тюмень: Русская неделя, 2010. 240 с.
13. Постнов О. Страх: [Роман]. СПб.: Амфора, 2001. 285 с.
14. Жданов А. Игра // Нестолничная литература. Поэзия и проза регионов России. М.: НЛО, 2001. С. 285–289.
15. Маковсiу. Русская поэзия. Современная культура. Книжка с картинками. Новосибирск: Мастер-пресс, 2011. 50 с.
16. Метельков А. Стихи // Поэтический путеводитель по городам «Культурного альянса». Автор идеи: М. Гельман / Сост.: В. Курицын, А. Родионов. Пермь, 2012. С. 172–176.
17. Метельков А. Заповедник для одного // Урал. 2013. № 8. С. 176–177.
18. Копылова С. Мычать. СПб.: Свое издательство, 2013. 72 с.

REFERENCES

1. Gurevich E.P., Zimin A.V. To the issue of the meaning of history of reading. *Nauka o knige: Traditsii i innovatsii: K 50-letiu sbornika «Kniga. Issledovania i materialy»*: Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii po problemam Knigovedeniya (Moskva, 28–30 aprelya 2009 g.): v 4 ch. M.: Nauka, 2009, pp. 100–101. (In Russ.)
2. Dikson V.A. The Glass Steamer: Cinema Novel. Irkutsk: Reprocentr A1, 2013, 380 p. (In Russ.)

3. *Dikson V.A.* The August Season, or The Book of Russian Calends: Situation novel. Irkutsk, 2008, 1216 p. (In Russ.)
4. *Letov E.* Poetry. M.: Vyrgorod, 2011, 548 p. (In Russ.)
5. *Letov E.* Autographs. Rough and clean manuscripts. M.: Fond «Siyanie», 2011, т. 2: 1990–1993, 208 p. (In Russ.)
6. *Letov E., Dyagileva Y., Ryabinov C.* Russian Field of Experiments. M.: Duna, 1994, 294 p. (In Russ.)
7. *Yanka (Dyagileva Y.).* Selected poems. M.; SPb.: Letniy sad, 2003, 78 p. (In Russ.)
8. *Bakulin M.* The Fiscal Document № 46492000115. *Russian Women. 47 stories about women.* M.: Azbuka, 2014, 544 p. (In Russ.)
9. *Bogomyakov V.* Kotik Polzaev: A novel. M.: Nemirov, 2009, 224 p. (In Russ.)
10. *Bogomyakov V.* Under the runout: A novel. Tyumen; M.: P.P.SHA; Nemirov, 2010, 96 p. (In Russ.)
11. *Bogomyakov V.* Poetry selected by mechanical badger. Tyumen: P.P.SHA, 2012, 60 p. (In Russ.)
12. *Bogomyakov V.* I fly you to the sky. Tyumen: Russkaya nedelya, 2010, 240 p. (In Russ.)
13. *Postnov O.* The Fear: [Novel]. SPb.: Amphora, 2001, 285 p. (In Russ.)
14. *Zhdanov A.* The Game. *Nestolichnaya Literature. Poetry and prose of Russia's regions.* M.: NLO, 2001, pp. 285–289. (In Russ.)
15. *Makovsciy.* Russian poetry. Contemporary Culture. A Book with Pictures. Novosibirsk: Master-press, 2011, 50 p. (In Russ.)
16. *Metelkov A.* Poetry. *Poetic Guide on the towns of the «Cultural Alliance».* Avtor idei: M. Guelman / Sostavlenie: V. Kuritsyn, A. Rodionov. Perm, 2012, pp. 172–176. (In Russ.)
17. *Metelkov A.* The Nature Reserve for the One. *Ural.* 2013, no 8, pp. 176–177. (In Russ.)
18. *Kopylova S.* To Moo. SPb.: Svoe izdatelstvo, 2013, 72 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 17.12.2014*

УДК 002.2+908

И.С. ТРОЯК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Ирина Сергеевна Трояк,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека
СО РАН (ГПНТБ СО РАН)
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Рассматривается издание краеведческой литературы различными учреждениями и организациями Дальнего Востока. Представлены основные виды дальневосточных краеведческих изданий начала XXI в., а также темы, которые традиционно освещаются в этих публикациях: история отдельных городов и населенных пунктов; быт и культура коренных народов; экономика, культура и экология региона; жизнь и деятельность известных уроженцев Дальнего Востока. Приводятся примеры частной инициативы по выпуску изданий, посвященных данному региону. Большое внимание уделяется размещению электронных версий публикаций на сайтах организаций, выпуску компакт-дисков, созданию различных баз данных, посвященных краеведению. Таким образом, чаще всего почти неизвестные в своем традиционном виде за пределами Дальнего Востока книги и журналы становятся доступными более широкому кругу читателей.

Ключевые слова: книгоиздание, Дальний Восток, краеведение, библиотечное дело, музеи, архивы, краеведческая периодика, электронные издания, электронные краеведческие ресурсы, начало XXI в.

I. S. TROYAK

LOCAL HISTORY EDITIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE EARLY XXI CENTURY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Irina Sergeevna Troyak,
Candidate of history Sciences, Senior Researcher,
The State Public Scientific Technical Library SB RAS
630200, Novosibirsk, Voskhod st., 15
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Since the beginning of the XXI century the literature on the local history has been released by the publishing houses, museums, archives, libraries, public organizations and individuals, as well as organizations whose activities are not directly connected with area studies. However, the majority of their publishing projects remain practically unknown outside the territory. Only exclusively published photo albums and illustrated editions can compete with book production from other regions. The bulk of local history literature in the region is formed by collections of articles and documents, sketches, monographs, bibliographic and reference books, and periodicals. They represent the history of certain cities and settlements; various ethnographic materials and historical sources; articles raising the problems of economy, culture and ecology in the region or describing the lives and activities of the famous fellow-countrymen; reports of archeologists and reviews. Quite often preparation of the publishing project is carried out by the combined efforts of several organizations. In the 1990s the traditional "Notes" and "Proceedings" issued by the regional museums were supplemented by the new magazines and the almanacs published by archives, administrative agencies, public organizations and individuals. Informatization of publishing activities of the archives, museums and libraries is reflected in editions posted on Websites or released compact disks. One of the library activity directions is creation of various databases devoted to local lore study. Along with catalogs, recommendatory indices, virtual exhibitions and information materials these databases contain electronic versions of some printed editions making these regional publications available to a wider range of readers.

Key words: book publishing, Far East, local lore history, library science, museums, archives, local history periodicals, electronic editions, electronic local history resources, early XXI century.

Одним из важнейших аспектов краеведческой работы является распространение знаний о родном крае. Эта функция осуществляется и посредством выпуска изданий, рассказывающих об истории, природном и культурном своеобразии той или иной территории.

В условиях начавшегося в 1990-е гг. поиска новых форм национальной и культурной идентичности в российском обществе заметно возрос интерес к краеведению, а деидеологизация и деэтицизация издательской системы способствовали увеличению числа трудов местных исследователей-краеведов, ранее весьма ограниченных в возможности публиковать результаты своих изысканий. И если в первой половине 1990-х гг. выпуск краеведческой литературы лишь набирал обороты, то к началу 2000-х гг. визитной карточкой книжного дела регионов стали именно краеведческие издания.

Краеведческая работа на Дальнем Востоке, как и в целом по России, сосредоточена прежде всего в региональных музеях, архивах и библиотеках. Важную роль в изучении края и выпуске книг, посвященных своему региону, играет общественная и частная инициатива. Участников краеведческого движения объединяет одно – при всей их публикаторской активности они не имеют, как правило, собственной полиграфической базы, а заказы на выпуск своей печатной продукции размещают в местных издательствах и типографиях. Кроме того, существуют региональные издательства, изначально ориентированные на публикацию книг преимущественно краеведческой тематики. Включаются в развитие краеведческого книгоиздания также некоторые вузы и научные учреждения региона. Таким образом, публикацией литературы о своем крае в настоящее время так или иначе занимаются практически все дальневосточные издательства.

При всем разнообразии организаций, выпускающих краеведческую литературу на Дальнем Востоке, их издательские проекты чаще всего не выходят за пределы своего региона. Конечно, фотоальбомы и другие иллюстрированные издания о Дальнем Востоке, отличающиеся оригинальным оформлением и высококлассной полиграфией, являются наиболее успешным коммерческим продуктом местных издателей. Именно такие книги отмечаются наградами на регио-

нальных, всероссийских и международных книжных выставках и ярмарках. Но они представляют собой лишь верхушку айсберга краеведческой литературы региона, основная масса которой – различные сборники статей, очерки, монографии, библиографические и иные справочники, периодические и продолжающиеся издания. Их оформление не всегда красочное, но главная функция сохраняется, как и у дорогих эксклюзивных изданий, – рассказать об истории и культуре края, его природных богатствах. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что к началу XXI в. полиграфическое качество дальневосточной печатной продукции, в том числе краеведческих изданий, заметно улучшилось.

Неоднократно получали высокую оценку на различных конкурсах и книжных выставках за свои краеведческие издательские проекты издательские дома из Хабаровска – «Приамурские ведомости» и «Частная коллекция», владивостокское издательство «Рубеж», Холдинговая компания «Новая книга» – Петропавловск-Камчатский, Национальное издательство «Бичик» – Республики Саха (Якутия) и др.

Много издавало интересных книг по этнографии, истории, культуре коренных народов Севера на Сахалине, произведений местных публицистов и краеведов Сахалинское областное книжное издательство.

На выпуске альбомов и книг военно-патриотической, историко-документальной и краеведческой тематики специализируется владивостокское издательство «Русский остров». Им был опубликован исторический альбом «5-я Краснознаменная общевойсковая армия: 70 лет на страже Отечества» (2011), справочник «Владивостокский отряд крейсеров, 1904–1905 гг.», подготовленный Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (2012), 2-е издание сборника «Честь и верность: 80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота (1932–2012)» (2012).

Интересные краеведческие издания выпускаются магаданским издательством «Охотник». Это, например, «Историческая хроника Магаданской области. 1973–1990» (2013) и сборник очерков «Женщины территории» (2013), подготовленные по заказу и при участии администрации. Имеются у издательства

и собственные проекты: например, альбом «Живописный Магадан» (2014), составленный из почти 90 работ 24 колымских художников. Репродукции картин сопровождаются небольшими историческими рассказами, воспоминаниями художников.

Книги, посвященные своему региону, выпускаются на Дальнем Востоке также издательствами и организациями, чья деятельность напрямую не связана с краеведением. Так, помимо основного своего профиля – научной литературы, подготовленной сотрудниками ДВО РАН, – издательство «Дальнаука» (Владивосток) публикует краеведческие издания. В 2005 г. в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» здесь вышла книга А.А. Хисамутдинова «Мне сопутствовала счастливая звезда...: Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930 гг.)».

Краеведческие издательские проекты «Приамурье. Из века в век» и «Благовещенск. Из века в век» печатает ОАО «Амурская ярмарка». С 2006 по 2011 г. издана 21 книга. В рамках проекта «Благовещенск. Из века в век» увидели свет 16 названий. Некоторые из этих изданий, например, «Триумфальная арка», «Амурские губернаторы», «Архитектурное наследие Благовещенска», оказались настолько востребованы читателями, что вскоре были переизданы. Постепенно внутри проекта появилась отдельная серия «Люди, судьбы, память». Проект «Приамурье. Из века в век» представлен четырьмя изданиями по истории дальневосточного казачества и книгой «Военные события в Приамурье. 1900–1902», посвященной истории конфликта Российской империи и Цинского Китая во время востания ихэтуаней [1].

Краеведческие издания, которые выпускают дальневосточные музеи, включают монографии, сборники материалов многочисленных конференций и чтений, тематические сборники научных трудов. Проблематика, которая освещается в этих изданиях, достаточно разнообразна. В первую очередь это история отдельных городов и населенных пунктов, различные этнографические материалы; кроме того, публикуются исторические источники, статьи, посвященные жизни и деятельности известных земляков, а также сообщения археологов и работы обзорного характера.

Приморский государственный музей им. В. К. Арсеньева в 2004 г. опубликовал монографию В. В. Кобко «Старообрядцы Приморья: история, традиции (середина XIX в. – 30-е годы XX в.)». Сахалинский областной краеведческий музей выпускает серию «Естественная история Сахалина и Курильских островов», в рамках которой изданы книги «Насекомые» (2011) и «Водопад» (2014).

Весьма интересным издательским проектом, появившимся на Сахалине по инициативе областного архивного агентства и госархива, является фундаментальная серия «Сахалинская и Курильская историческая библиотека». В ее создании также участвует областная краеведческая музей. Подготовкой к печати книг этой серии до 2008 г. занималось Сахалинское областное издательство, потом издательство «Луко-

морье», а с 2011 г. в качестве издающей организации на титульном листе значится Сахалинская областная типография.

Среди изданий, традиционно выпускаемых дальневосточными архивами, следует назвать сборники документов. В свет вышли, например, «Административно-территориальное устройство Амурской области» (Благовещенск, 2010), «Трудный путь к победе» (Якутск, 2012), «Комсомольск-на-Амуре: страницы истории (Хабаровск, 2012), «БАМ: через годы через расстояния...» (Хабаровск, 2014). Государственным архивом Еврейской автономной области в 2012 г. было опубликовано справочно-информационное издание «Улицы города Биробиджана».

Краеведение является основным направлением издательской работы не только региональных музеев и архивов, но и библиотек. Самым распространенным видом их краеведческих изданий являются различные библиографические указатели. Так, Магаданская областная универсальная научная библиотека с 1966 г. выпускает текущий указатель «Литература о Магаданской области», Приморская государственная публичная библиотека (ППБ) с 1993 г. – аннотированный библиографический указатель «Социально-экономическое развитие Приморского края», Сахалинская областная научная библиотека с 2000 г. – библиографическую серию «Деятели Сахалинской области». Участвуют библиотеки и в совместных издательских проектах с другими организациями. О выдающихся краеведах рассказывают библиографические сборники серии «Краеведы Приморья», которую готовят ППБ и Общество изучения Амурского края.

Традиционным библиотечным краеведческим изданием являются также ежегодные информационно-библиографические календари знаменательных и памятных дат. Их выпускают все областные и краевые библиотеки Дальнего Востока. Кроме того, в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ, г. Хабаровск) с 1957 г. выходит «Календарь знаменательных и памятных дат по Дальнему Востоку». С 1972 г. это издание называется «Время и события».

Важным фактором в деле развития и популяризации исследований, посвященных своему региону, является общественное краеведческое движение. Например, Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – является старейшей издающей организацией на Дальнем Востоке России. В настоящее время им выпускаются брошюры в сериях: «Библиотека краеведа», «Капитаны», «Раритеты», научно-популярные и краеведческие издания («Ольгинское взморье», «Шкотовский район», «Мир водопадов», «Таежные пленники» и др.).

Одним из наиболее ярких представителей частной инициативы в дальневосточном краеведении, пожалуй, является И. А. Паникаров – основатель Ягоднинского общества «Поиск незаконно репрессированных»

(Магаданская область). Издательской продукцией этого общества стала книжная серия «Архивы памяти», посвященная истории Колымы, в том числе в данной серии публикуются воспоминания бывших заключенных. В 2003–2004 гг. Общество выпускало ежемесячную историко-краеведческую газету «Чудная планета» [2].

Практически во всех областных и краевых центрах Дальнего Востока имеются собственные периодические и продолжающиеся краеведческие издания. В них помещаются научные статьи, отчеты экспедиций, материалы обобщающего характера, сообщения научных сотрудников музеев и краеведов, отражающие вопросы истории, экономики, культуры и экологии региона. В 1990-е и начале 2000-х гг. в регионе в дополнение к уже имеющимся или возрождающимся, традиционным «Запискам» и «Трудам», издаваемым, как правило, областными и краевыми музеями, стали появляться новые периодические и продолжающиеся издания. Их выпуском занимаются архивы, административные учреждения, общественные организации и частные лица. Достаточно подробно тема «ренессанса» региональной краеведческой периодики рассмотрена в публикациях А. Л. Посадкова [3; 4]. Он также отметил, что тенденция создания новых периодических изданий проявилась на Дальнем Востоке в меньших масштабах, чем в Сибири [3, с. 22].

Одной из тенденций выпуска дальневосточной краеведческой периодики является постепенное снижение к началу XXI в. тиражей журналов и альманахов¹. Причина заключается в том, что эти издания, как правило, рассчитаны на достаточно узкий круг специалистов, а распространение таких публикаций за пределами своей территории не налажено.

Особенность краеведческой литературы состоит в том, что при всей своей социальной значимости она, как правило, не рассчитана на массового читателя и не сулит издателю быстрой прибыли, а значит, ее выпуск и распространение требуют постоянной финансовой поддержки со стороны государства, местной администрации или меценатов. Примером такого протекционизма является принятие в Сахалинской области целевой программы, предусматривающей финансирование выпуска краеведческих изданий. Перечень литературы для первоочередного издания был утвержден распоряжением администрации в марте 2003 г. Он состоял из двух разделов: новых книг местных ученых и краеведов (38 названий) и переизданий (23 наименования). Программа была рассчитана до 2010 г. и предусматривала ежегодное финансирование в размере 2 млн руб. Благодаря ее реализации было выпущено около 100 названий книг тиражом более 50 тыс. экз., в том числе, например, из серий «Сахалинская и Курильская историческая библиотека», «Культурное наследие народов Дальнего Востока России» и «Естест-

венная история Сахалина и Курильских островов». С 2011 г. издание краеведческих книг на Сахалине включено в целевую программу развития культуры области до 2015 г. [5, с. 89–91].

Подготовленные местными краеведами книги за последнее двадцатилетие появились почти в каждом городе и районе. В то же время, печатая книги на собственные средства, самодельные авторы экономят в первую очередь на профессиональных редакторах и корректорах, не обращаются за помощью к научным консультантам. В результате повсеместный и бесконтрольный выпуск такой литературы нередко оборачивается появлением слабых в научном и художественном плане изданий [6, с. 52].

С начала XXI в. идет активное внедрение новых технологий в традиционные формы краеведческой работы. Информатизация издательской деятельности архивов, музеев и библиотек находит свое отражение в размещении подготовленных ими изданий на своих сайтах, выпуске компакт-дисков. Так, к книге переведенных на русский язык оригинальных текстов нивхских сказаний, выпущенной в 2011 г. Сахалинским областным краеведческим музеем при финансовой поддержке компании «Сахалин Энерджи», имеется компакт-диск со звуковыми записями в исполнении нивхской сказительницы Татьяны Улита. В 2014 г. в Национальном книжном издательстве «Бичик» на CD вышло подарочное издание «Антология Саха театра», приуроченное к 85-летию Саха академического театра им. П. А. Ойунского. Оно состоит из трех книг: 1-я – собрание искусствоведческих статей, 2-я – уникальная фотолетопись почти вековой истории театра, 3-я – биобиблиография деятелей театрального искусства Якутии.

Сегодня уже не редкость, когда музеи, библиотеки и архивы размещают для свободного доступа и скачивания (чаще всего в формате PDF) на своих интернет-сайтах выпущенные ими книги и другие издания. Так поступает, например, Сахалинский областной краеведческий музей, на сайте которого имеются электронные версии всех номеров «Вестника Сахалинского музея» и «Известий Института наследия Бронислава Пилсудского» за последние пять лет, а также книга В.М. Латышева «Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского». На сайтах Государственного архива ЕАО и Сахалинского областного архива в свободном доступе находятся некоторые труды, изданные за последние годы. Большинство изданий, подготовленных Амурской областной библиотекой начиная с 2010 г., в настоящее время также присутствует на ее сайте в электронном виде. ПГПБ им. А.М. Горького и Сахалинская областная библиотека разместили на своих сайтах календари знаменательных и памятных дат за 2002–2014 гг. Собственные «календари» готовит также большинство дальневосточных архивов. К сожалению, выяснить, имеются ли их печатные версии, не удалось, так как на сайтах самих архивов размещаются, как правило, календари только за текущий год. Уникальной является практика магаданского издательства

¹ По данным, представленным на сайте проекта «Краеведческая периодика России». URL: <http://kraeved.lfond.spb.ru/> (дата обращения: 25.08.2014).

«Охотник», многие книги которого доступны совершенно бесплатно для просмотра и скачивания в формате PDF на его сайте.

Постоянно растет число как общероссийских, так и региональных интернет-ресурсов, посвященных вопросам краеведения. На основании данных, представленных на сайте Российской национальной библиотеки², можно сделать вывод, что в настоящее время одним из важных направлений библиотечной работы является создание и пополнение различных баз данных, посвященных краеведению. Помимо каталогов, рекомендательных указателей, виртуальных выставок и материалов информационного характера, библиотеки размещают на своих сайтах полнотекстовые базы данных. Речь в данном случае идет не только об упомянутых выше изданиях, подготовленных библиотекой, но и о размещении статей, очерков, фрагментов или полных версий монографий, посвященных своему региону и выпущенных иными издающими организациями. Сейчас большинство областных, краевых и национально-республиканских библиотек Дальнего Востока имеют на своих сайтах такие базы данных разной степени наполненности. Однако детальный анализ дальневосточных краеведческих интернет-ресурсов заслуживает отдельной публикации.

Возросший с начала 1990-х гг. в нашей стране интерес к краеведению стал причиной появления на издательском рынке все большего количества печатной продукции, посвященной природе, населению, хозяйству, истории и культуре какой-либо ее территории. Пройдя трудный путь становления новой издательской системы в условиях зарождающейся рыночной экономики, региональные издатели стали ориентироваться именно на выпуск произведений, созданных местными авторами. Краеведческие издания являются визитной карточкой и одним из основных видов книжной продукции большинства провинциальных издательств, в том числе дальневосточных. Благодаря размещению краеведческой литературы в сети Интернет публикации о данном регионе становятся доступными более широкому кругу читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Телюк Т.Н. Краеведческие издательские проекты Акционерного общества «Амурская ярмарка» // IV Дорохинские чтения: сб.

материалов обл. краевед. конф. (23–25 июня 2011 г., Благовещенск). Благовещенск, 2011. С. 108–113.

2. Паникаров И.А. «Архивы памяти» – книжная серия Ягоднинского общества «Поиск незаконно репрессированных» // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф. (Магадан, 16–18 апр. 2003 г.). Магадан: Кордис, 2003. С. 159–162.

3. Посадсков А.Л. Историко-краеведческая периодика Сибири и Дальнего Востока в 90-е гг. XX – начале XXI в.: издательские и творческие аспекты // Библиосфера. 2009. № 4. С. 19–24.

4. Посадсков А.Л. «Ренессанс» краеведческой периодики: сибирские издания 1991–2008 гг. по проблемам местной истории // Восьмые Макушинские чтения: Материалы науч. конф. (12–15 мая 2009 г., Красноярск). Новосибирск, 2009. С. 267–274.

5. Цебизова С.А. Издание социально-значимой краеведческой литературы в рамках целевых программ Сахалинской области // Вестн. ДВГНБ. 2012. № 1. С. 88–92.

6. Подрядухин С.А. Издание местной краеведческой литературы как культурный феномен // Интеллигент провинции: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения проф. ИГУ Л.Л. Ермолинского (Иркутск, 11 мая 2012 г.). Иркутск, 2012. С. 51–55.

REFERENCES

1. Telyuk T.N. Local history publishing projects of Amur Fair Joint-stock company. IV Dorokhinskiye chteniya: sb. materialov obl. kraeved. konf. (23–25 iyunya 2011 g., Blagoveshchensk). Blagoveshchensk, 2011, pp. 108–113. (In Russ.)

2. Panikarov I.A. «Archives of memory» – a book series of Yagodninsky society «Search of the Illegally Repressed». Knizhnaya kultura Magadanskoj oblasti: istoriya, problemy i perspektivy: Materialy Pervoj mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (Magadan, 16–18 apr. 2003 g.). Magadan: Kordis, 2003, pp. 159–162. (In Russ.)

3. Posadskov A.L. Regional-historical periodicals of Siberia and Far East in 1990-s – at the beginning of the XXI century: publishing and creative aspects. Bibliosfera. 2009, no 4, pp. 19–24. (In Russ.)

4. Posadskov A.L. «Renaissance» of the local history periodical press: the Siberian editions of 1991–2008 on problems of local history. Vos'mye Makushinskiye chteniya: materialy nauch. konf. (12–15 maya 2009 g., Krasnoyarsk). Novosibirsk, 2009, pp. 267–274. (In Russ.)

5. Tsebizova S.A. The edition of socially significant local history literature within target programs of the Sakhalin region. Vestnik DVGNB. 2012, no 1, pp. 88–92. (In Russ.)

6. Podryadukhin S.A. Edition of local history literature as cultural phenomenon. Intelligent provintsii: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 85-letiyu so dnya rozhdeniya prof. IGU L.L. Ermolinskogo (Irkustk, 11 maya 2012 g.). Irkutsk, 2012, pp. 51–55. (In Russ.)

Статья принята редакцией 09.01.2015

² Путеводитель по краеведческим ресурсам на библиотечных сайтах Интернет // Российская национальная библиотека. Ресурсы Интернет. URL: <http://www.nlr.ru/res/inv/kray/> (дата обращения: 24.08.2014).

УДК 002.2:271.22:655.4/.5(571.1/.5)

Н.К. ЧЕРНЫШОВА

**ПРАВОСЛАВНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ:
ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Надежда Константиновна Чернышова,
д-р ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье освещаются нормативные основы издательской деятельности Русской Православной Церкви в постсоветский период. Характеризуются возможности издательской деятельности отдельных епархий; констатируется отсутствие налаженной системы учета православной книжной продукции; обсуждаются возможности различных видов источников для выявления православной литературы, изданной в сибирском регионе. Кроме государственных библиографических указателей, издаваемых Российской и региональными книжными палатами, рассмотрен опыт Церкви по налаживанию собственной системы учета выпускаемой книжной продукции, указано на значение деятельности Синодальной библиотеки им. Алексия II в организации такой системы. Сделан вывод о необходимости обращения к изучению документов и фондов библиотек отдельных епархий для воссоздания полной картины книгоиздания. Прослежена динамика выпуска книжной продукции, издаваемой церковными издательствами и светскими издающими организациями Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: православная книга, Издательский совет Русской Православной Церкви, издательство, православное книгоиздание, Синодальная библиотека Московского Патриархата им. Алексия II.

N.K. CHERNYSHOVA

**THE ORTHODOX PUBLISHING IN MODERN SIBERIA:
FORMING THE SOURCE BASE OF RESEARCH**

Nadezhda Konstantinovna Chernyshova,
Doctor of historical Sciences, Senior Researcher,
The State Public Scientific Technical Library SB RAS
Novosibirsk, Voskhod st., 15
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

The article is devoted to investigation of an understudied phenomenon – the establishment of Orthodox publishing in Siberia and the Far East. The author considers the concept of «Orthodox book», the emergence of regulatory base and organizational structures of the church book publishing management, its publishing policy. The term «Orthodox book» refers not only to publications issued by the Orthodox Church publishing houses, but also to a wide range of scientific, local historical, and other literature of Orthodox content produced by secular publishers. In order to eliminate spontaneous processes occurring in the Orthodox book publishing the Publishing Council of the Russian Orthodox Church was established. It was supposed to carry out peer review of all publications meant for distribution through the book trade system; the range of tasks for eparchial, parish and monastic publishers was outlined. It is concluded that creation of the accounting system of the Orthodox book production remains one of the unsolved problems which determined the actual source base of the present study. National bibliographic indices issued by the Russian Book Chamber do not reflect a significant part of the Orthodox publications, due to the fact that the publishing houses do not observe the law on a legal deposit. The Synodal Library of the Moscow Patriarchate named after Alexy II, for its part, tried to oblige the dioceses to send samples of published book production to it. As a result, the Synodal Library, despite some significant gaps, has the most complete collection of Orthodox book production published throughout Russia. Therefore, its fonds can be considered as one of the most important sources for studying the Orthodox publishing in the country. A promising direction of research is dealing with the regional book chambers existing in Siberia and the Far East, as well as with fonds of diocesan libraries and archives.

Key words: Orthodox book, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, publishing house, Orthodox book publishing, the Synodal Library of the Moscow Patriarchate named after Alexy II.

Церковное книгоиздание в советский период определялось государственной политикой по отношению к церкви и имело весьма ограниченный объем. Современный этап развития издательской деятельности Русской Православной Церкви начался около 1988 г. и был связан с празднованием 1000-летия Крещения Руси

менный этап развития издательской деятельности Русской Православной Церкви начался около 1988 г. и был связан с празднованием 1000-летия Крещения Руси

[1, с. 116]. Начиная с этого времени отмечается значительный рост выпуска православной литературы церковными издательствами, в том числе в крупных епархиях. Однако издания православной направленности осуществляются также другими издающими организациями, частными и государственными. Происходит и становление православной периодической печати¹.

Как сообщает главный библиотекарь РГБ Ю.С. Бесстремянная, годовая цифра поступлений православной литературы в фонды РГБ предположительно составляет 3 % от общего числа книг (2 900 названий)². Наблюдатели отмечают следующую характерную черту православного книгоиздания, проявившуюся в процессе его возрождения, – «подавляющее большинство православных издательств находятся в крупных городах, главным образом, в Москве и Санкт-Петербурге» [2, с. 8].

Остановимся прежде всего на содержании понятия «православная книга». Правомерно ограничиться включением в него книжной продукции, подготовленной и напечатанной издающими организациями Православной церкви, либо «по благословению» церковнослужителей. Жанры и тематика изданий, определяемых понятием, в целом вполне устойчивы, проверены практикой и очерчены в целом ряде работ библиографов и библиотековедов³ (см., напр.: [3, с. 85–115]). При этом наряду с традиционным для церкви кругом православной литературы специалисты отмечают появление новых жанров – православной публицистики и православной беллетристики⁴ [1, с. 119]. Однако нельзя исключать из рассмотрения значительный пласт изданий православного содержания, а именно – научные и краеведческие сочинения, в которых предметом рассмотрения являются православные сюжеты, написанные светскими авторами, а также изданные светскими издающими организациями труды светских писателей, в которых наглядно проявляется православная позиция автора.

Параллельно возрождению православного книгоиздания идет процесс его изучения, поэтому историография данного вопроса представлена в первую очередь работами духовенства, участвующего в организации этого процесса, и в меньшей степени – профессиональными историками книги (см., напр.: [1, с. 116–120; 2, с. 4–8; 4, с. 147–151; 5, с. 20–24; 6, с. 217–229]). Следует подчеркнуть, что изучение явления в целом еще впереди. Сказанное относится не только к столичным издательствам, но в большей степени – к провинциальным [4, с. 149]. Практи-

чески все выводы о тенденциях развития православного книгоиздания и негативных явлениях в этой сфере сделаны авторами на материалах издательской продукции и практической деятельности столичных издательств.

В 1990-е и 2000-е гг. деятельность по изданию православной литературы развивалась во многом благодаря энтузиазму церковных людей – мирян и монахов. При этом именно с влиянием процессов, характерных для современного светского книгоиздания, специалисты связывают и негативные явления, затронувшие издание православной литературы: погоня за прибылью, низкое качество редакционной подготовки изданий и т. д.⁵ Наблюдавший развитие событий Р. Поддубцев отмечает: «После распада СССР... люди получили широкие возможности для предпринимательства. Были основаны многочисленные частные издательства, которые занялись публикацией религиозных текстов. Они нередко допускали грубые ошибки не только исторического, общеполитического, но и догматического характера. Годы шли, а ситуация не изменялась в лучшую сторону» [5, с. 21–22]. Критика «стихийности» происходящего звучала еще в 2000 г. из уст руководившего тогда Издательским советом Московской патриархии архиепископа Бронницкого Тихона: «...в погоне за материальными выгодами некоторые недобросовестные лица грубо нарушают право Издательства на выпуск Патриаршего Православного церковного календаря с богослужебными указаниями. Особенно возмутительно то, что такая продукция находит спрос, причем не в светских книжных магазинах, а не на окраинах нашей страны, а в ряде столичных храмов...»⁶.

На протяжении всего постсоветского периода церковь стремится ввести стихийный процесс развития православного книгоиздания в рамки традиций, существовавших в дореволюционной России, и связать издательскую деятельность с задачами, стоящими перед Церковью в новых исторических условиях. Московская патриархия совершенствует нормативную базу издательской деятельности Церкви в стране, создает специальные управленческие структуры и формирует издательскую политику.

В 1994 г. был создан Издательский совет Русской Православной Церкви. В его задачи входила координация деятельности православных издательств, оказание методической, правовой, организационной помощи церковным и светским издательствам⁷. Совет, в част-

¹ Вопрос о становлении православной периодической печати в регионе в рамках данной статьи не рассматривается.

² Бесстремянная Ю.С. К вопросу о месте православной литературы в фондах Российской государственной библиотеки. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/904.htm> (дата обращения: 03.06.2014).

³ Там же.

⁴ Силовьев В., прот. Издательский Совет можно в какой-то степени назвать дверью, через которую должны идти к народу все православные книги. URL: <http://www.katehizis.ru/rossiya-segodnya/protoierey-vladimir-silov-ev-izdatelskiy-sov...> (дата обращения: 24.01.2014).

⁵ Силовьев В., прот. О перспективном планировании в деле православного книгоиздания. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/425452.html> (дата обращения: 24.01.2014).

⁶ Тихон (Емельянов), архиеп. Бронницкий. Доклад архиепископа Бронницкого Тихона, председателя Издательского совета Московского патриархата, главного редактора издательства Московской Патриархии, на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Москва, Храм Христа Спасителя, 13–16 августа 2000 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/423129.html> (дата обращения: 23.03.2014).

⁷ Издательский совет Московского патриархата. URL: mhtm:file://E:\Издательский совет Московского патриархата. – Википедия mht (дата обращения: 24.06.2014).

ности, должен был организовать рецензирование книг богословского содержания и церковных календарей. Для этого совету было предоставлено право ставить на эти издания гриф «Разрешено к печати Издательским Советом Русской православной церкви».

Следующий шаг в направлении совершенствования церковного книгоиздания был сделан в 2009 г. Священный Синод на своем заседании 25 декабря (журнал 114) отметил, что оживление издательской деятельности сопровождалось некоторыми негативными явлениями, вызвавшими озабоченность в патриархии: «в ассортименте епархиальных магазинов, монастырских и храмовых лавок часто присутствует продукция, не получившая одобрения Церкви, а порой и сомнительная с точки зрения православного вероучения»⁸. В целях устранения обнаружившихся недостатков и совершенствования издательской деятельности определением Священного Синода от 25 декабря 2009 г. Издательскому совету было предоставлено право обязательно рецензирования всех изданий, предназначенных для распространения через систему книготорговли. Рецензируемое издание получает один из трех грифов: «По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси» (без указания имени первоиерарха); «Рекомендовано к публикации Издательским Советом»; «Допущено к распространению Издательским Советом». С грифом «По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси» должны издаваться Священное Писание, богослужебная литература, сборники канонических правил и нормативных актов Церкви, официальные церковные документы, принятые архиерейскими и поместными соборами, а также Священным Синодом (пункт 3 определения).

Гриф «Допущено к распространению Издательским Советом» предназначается для издания текстов, в которых высказываются спорные богословские мнения (для узкого круга специалистов)⁹ [5, с. 23–24].

В пунктах 6 и 7 определения очерчен круг задач епархиальных издательств, издательств монастырей и приходов. Они должны представлять свою продукцию в Издательский совет после получения разрешения от правящего архиерея. Правящие архиереи дают свое благословение на печатную, аудио- и видеопродукцию, выпускаемую исключительно в пределах их епархий, после получения положительного заключения Издательского совета¹⁰. Для выполнения этой функции была создана Коллегия по рецензированию и экспертной оценке, в которую вошли авторитетные специалисты – богословы из Московской духовной академии, ученые Академии наук, специалисты Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» [7, с. 2; 5, с. 20].

Осуществление цензуры издаваемой духовной литературы является принципиальной установкой Церкви, что позволит ей сохранять в целостности святоотеческую традицию.

Начатая определением Синода работа по совершенствованию книгоиздания продолжается. На заседании круглого стола «Оптимизация издательской деятельности» прозвучало мнение (диакон Сергей Зверев, руководитель секретариата научно-богословского рецензирования и экспертной оценки Издательского совета) о том, что «зачастую приходится сталкиваться с отсутствием археографической составляющей публикации» [8, с. 4]. Обсуждался и вопрос о возвращении Издательскому совету монополии на издание богослужебных книг¹¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению православного книгоиздания Сибири и Дальнего Востока, укажем на важную проблему, которая возникает при попытке исследовать этот вопрос, а именно – на практическое отсутствие библиографических источников, позволяющих увидеть весь объем издательской продукции и проследить качественные характеристики, что объясняется практическим отсутствием учета выходящей православной литературы. Так, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отмечал, что «лишь 5 % современных православных изданий только 27 епархий¹² представлены в Синодальной библиотеке и отправлены в Российскую книжную палату»¹³, а главный библиограф РГБ Е.А. Найдин, комментируя опубликованную журналом «Православное книжное обозрение» статью А. Вельмякина «Где православная книга?», пишет: «Насколько добросовестно издательства выполняют обязательство по предоставлению экземпляра в РГБ? Существует ли какая-нибудь инспекция? К сожалению, экземпляры представляются не всегда, зачастую издатели просто не знают, что их нужно предоставлять. <...> В итоге около 15 % изданий так и не приходят в Книжную палату» [9, с. 5]. Отметим, что приведенные в статье сведения относятся к 2009–2011 гг. и, скорее всего, к столичным издательствам. Вопрос о состоянии православного книгоиздания в российской провинции не был в центре внимания авторов «Православного книжного обозрения» [9, с. 5–7].

Для воссоздания картины православного книгоиздания в епархиях Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период обратимся прежде всего к существующей системе государственной библиографии, а именно – «Ежегоднику книги СССР», издающемуся Книжной палатой¹⁴. Процесс становления учета православных изданий нашел отражение преимущественно

¹¹ Силовьев В., прот. Издательский Совет можно в какой-то степени назвать...

¹² В «Православном церковном календаре. 2015» на территории России насчитывается 188 епархий и митрополий, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке – 46.

¹³ Бесстремьянная Ю.С. К вопросу о месте...

¹⁴ С 1992 по 1994 г. – «Ежегодник книги Российской Федерации», а с 1994 г. название указателя – «Книги Российской Федерации: ежегодник».

⁸ Определение Священного Синода от 25 декабря 2009 года об издательской деятельности (журн. № 114) 14.01.2010. URL: http://isdatsovet.ru/doc/index.php?ELEMENT_{D}=801 (дата обращения: 24.06.2014).

⁹ Определение Священного Синода от 25 декабря 2009 года...

¹⁰ Там же.

Издание православных книг в Сибири и на Дальнем Востоке в 1991–2004 гг.*

Показатель	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	Всего
Число изданных книг	8	4	6	11	8	7	16	7	12	14	22	21	26	19	139

*Составлена по: Ежегодник книги СССР. 1991: в 3 ч. М., 1994; Ежегодник книги Российской Федерации. 1992–1993. М., 1995–1996; Книжки Российской Федерации: ежегодник. 1994–2005. М., 1997–2005.

но в разделе: «Атеизм. Религия», с 1992 г. – «Религия. Теология. Атеизм», а с 2000 г. – «Религия. Теология», однако не только в нем. (См. также: «Общие вопросы».) При этом собственно православные издания не выделены в отдельную рубрику, а растворены среди прочих книг о религии или христианстве.

При подсчете учитывались издания, подготовленные церковью и напечатанные как в собственных типографиях, так и в типографиях других издающих организаций, кроме того, научные издания различного гуманитарного профиля – исторические, филологические, искусствоведческие и др., а также результаты совместных проектов, осуществляемых церковью и светскими учреждениями (например, материалы конференций). Отметим, что данные, включенные в таблицу, нельзя рассматривать как окончательный результат в силу того, что далеко не все издающие организации представляют образцы своей продукции в Книжную палату, а также потому, что только на основании указателя, без просмотра книг *de-visu*, количественные характеристики оказываются заведомо приблизительными и заниженными. Согласно данным таблицы, рост православного книгоиздания в регионе на протяжении указанного времени не является «взрывным», наблюдается скорее постепенный подъем показателя с некоторыми колебаниями.

Церковь, со своей стороны, также делает попытки организовать учет выпускаемой православной книжной продукции. Наиболее последовательной и успешной, по-видимому, является деятельность в этом направлении, осуществляемая Синодальной библиотекой Московского патриархата им. Алексия II. По словам сотрудников библиотеки, они работали в тесном контакте с Российской книжной палатой и обязали местные епархии Русской Православной Церкви присылать образцы издаваемой книжной продукции и периодических изданий в Синодальную библиотеку. Несмотря на то, что действенных рычагов контроля за этой стороной издательской деятельности нет, фонд Синодальной библиотеки представляет православные издания, выпускаемые церковными и светскими издательствами современной России, с возможной полнотой. Работники библиотеки отмечают немалое значение для комплектования библиотеки и экземпляров, присылаемых в дар авторами, различными учреждениями и отдельными лицами. Просмотр каталога библиотеки позволил выявить более 600 названий книг и брошюр, изданных в Сибири и на Дальнем Востоке. Данные каталога Синодальной библиотеки дают представление о

соотношении собственно духовной литературы и научных изданий православной тематики. Так, среди изданных в Новосибирске православных изданий приблизительно половину составляют научные труды в области истории и филологии, созданные как представителями духовенства, так и светскими учеными.

Возможно, Российская государственная библиотека, получая обязательный экземпляр, наиболее полным образом представляет репертуар православных изданий, но выделить их на основе существующих каталогов практически невозможно, тогда как объем и целевая направленность каталога Синодальной библиотеки позволяют провести эту работу.

С 2010 г. Издательским советом Русской Православной Церкви совместно с Российской государственной библиотекой издается журнал «Православное книжное обозрение» (гл. редактор – игумен Евфимий (Моисеев)). Журнал включает следующие разделы: новости, в Издательском совете, конференция, презентации, рецензии. Можно предположить, что наиболее интересные издательские проекты и отдельные издания, включая и региональные, будут находить в нем отражение. Просмотр журнала, однако, не позволил выявить каких-либо сибирских книг.

В 2013 г. вышел первый номер приложения к «Православному книжному обозрению» – каталог «Православная книга», предназначенный «восполнить пробел в библиографической информации, на который указал патриарх Кирилл еще на первом заседании Издательского Совета» [10, с. 2]. Председатель Издательского совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент, предваряя 1-й выпуск каталога, писал, что в нем «по рубрикам расположены православные издания, получившие соответствующий гриф Издательского Совета и имеющиеся в продаже на момент выхода очередного номера каталога в свет» [7, с. 3]. Отметим, что издания сибирских епархий в первом выпуске каталога отсутствуют.

С 2012 г. по благословению митрополита Тихона в Новосибирской митрополии выходит журнал, также называющийся «Православное книжное обозрение». До этого он печатался как приложение к «Вестнику Новосибирской митрополии». Цель издания – «помочь читателю ориентироваться в разнообразии писательских творений» [11, с. 2]. Издатель обозрения Т.Ю. Кириенко и его авторы знакомят читателя с новинками православной литературы, выпускаемой издательствами страны. Но особое внимание уделяется обзору книг, брошюр и периодических изданий,

выпускаемых в Новосибирской митрополии. Однако издание, которое вело бы аналогичную работу в масштабах региона в целом, отсутствует.

Перспективным для выявления книжной продукции православного содержания представляется обращение к издаваемым региональными «книжными палатами» указателям местной печати (например, «Издано в Новосибирске», «Красноярская книга», «Томская книга» и др.), а также к сайтам отдельных епархий и издающих организаций региона. Изучение фондов православных (епархиальных) библиотек позволит не только пополнить библиографию православной книги, но и ознакомиться с вышедшими книгами de-visu.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фунтикова С.П. Издательская деятельность церкви как основа формирования православных фондов публичных библиотек // Информ. бюл. РБА. 2003. № 24. С. 116–120.
2. Евфимий (Моисеев), игум. Логистика принятия решений: о задачах развития Издательского совета на современном этапе и сложностях на пути их решения // Православное кн. обозрение. 2013. № 4. С. 4–9.
3. Фунтикова С.П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее. М., 2001. 120 с.
4. Баева Л.В. Об издании православной литературы в Вятском крае: актуальность исследования // Православное наследие в культуре России: история, актуальность диалога: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Урал. Православие. Культура»: одиннадцатый Славян. науч. собор. Челябинск, 2013. С. 147–151.
5. Поддубцев Р. Эксперты и издания // Православное кн. обозрение. 2012. № 9. С. 20–24.
6. Сильев В., прот. Духовная и культурная миссия православного книгоиздания // Альфа и омега. 2003. № 1. С. 217–229.
7. Климент, митр. Калужский и Боровский. Маяки над «жизненным морем» // Православная книга: каталог: прил. к журн. «Православ. кн. обозрение». 2013. № 1. С. 2.
8. Мамлина Н. Разговор с издателями // Православное кн. обозрение. 2013. № 7. С. 4–9.
9. Вельмякин А. Где православная книга? // Православное кн. обозрение. 2011. № 8. С. 4–8.
10. Евфимий (Моисеев), игум. Планы на новый год // Православное кн. обозрение. 2013. № 1. Обл. С. 2.
11. От редакции // Православное кн. обозрение (Новосибирск). 2012. № 5. Обл. С. 2.

REFERENCES

1. Funtikova S.P. Church publishing activity as a basis of forming the Orthodox public library collections. *Informatsionnyj Byulleten RBA*. 2003, no 24, pp. 116–120. (In Russ.)
2. Yevfimij (Moiseev), hegumen-abbot. Logistics of decision making: on tasks of the Publications Board at the present stage and the difficulties of their solution. *Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye*. 2013, no 4, pp. 4–9. (In Russ.)
3. Funtikova S.P. The Orthodox Libraries: past and present. Moscow, 2001, 120 p. (In Russ.)
4. Baeva L.V. On the Orthodox literature publishing in Vyatka region: the research relevance. *Pravoslavnoye naslediyе v kulture Rossii: istoriya, aktualnost dialoga: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. «Ural. Pravoslaviye. Kultura»: odinnadtsatij Slavyan. nauch. sobor*. Chelyabinsk, 2013, pp. 147–151. (In Russ.)
5. Poddubtsev R. Experts and editions. *Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye*. 2012, no 9, pp. 20–24. (In Russ.)
6. Siloviev V., archpriest. Spiritual and cultural mission of the Orthodox publishing. *Alpha i Omega*. 2003, no 1, pp. 217–229. (In Russ.)
7. Kliment, metropolitan of Kaluga and Borovsk. Lighthouses above the «worldly sea». *Pravoslavnaya kniga: katalog: pril. k zhurn. «Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye»*. 2013, no 1, pp. 2. (In Russ.)
8. Mamlina N. Conversation with publishers. *Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye*. 2013, no 7, pp. 4–9. (In Russ.)
9. Vel'myakin A. Where is the Orthodox book? *Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye*. 2011, no 8, pp. 4–8. (In Russ.)
10. Yevfimij (Moiseev), hegumen-abbot. Plans for a new year. *Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye*. 2013, no 1, Cover, pp. 2. (In Russ.)
11. Editorial. *Pravoslavnoye knizhnoye obozreniye* (Novosibirsk). 2012, no 5, Cover, pp. 2. (In Russ.)

Статья принята редакцией 29.12.2014

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 930+94(47)“19”

А.В. ТРОФИМОВ

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX в. (по страницам «Уральского исторического вестника»)*

Андрей Владимирович Трофимов,
д-р ист. наук, профессор,
Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ),
620142, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62,
e-mail: 2519612@rambler.ru

Современная историографическая ситуация характеризуется полипарадигмальностью и мультиконцептуальностью. В статье анализируются опубликованные в «Уральском историческом вестнике» работы, посвященные истории России XX в., выполненные в русле модернизационной парадигмы. Выделяются три исследовательских ракурса: теоретико-методологический, историографический, конкретно-исторический. Обращено внимание на ключевую проблематику, которую исследуют представители уральской исторической школы: сущность российского варианта модернизации в XX в., черты и особенности «имперской» и «советской» модернизационных моделей, роль диффузий в истории, феномен индустриализации России и Урала, история Урало-Кузнецкого комбината, концепция агроперехода, история Ямала и др.

Ключевые слова: модернизационная парадигма, Уральский исторический вестник, история России XX в., индустриализация.

A. V. TROFIMOV

MODERNIZATION PARADIGM OF THE RUSSIAN HISTORY IN THE XX CENTURY (REVIEWING «THE URAL HISTORICAL HERALD»)

Andrey Vladimirovich Trofimov,
Doctor of historical Sciences,
Professor of the Ural state economic University
620142, Ekaterinburg, 8 March Street, 62,
e-mail: 2519612@rambler.ru

The modern historiographic situation is characterized by poliparadigmality and multiconceptuality. The objective of this paper is to summarize the views on the historical development of Russia in the XX century expressed in line with the modernization paradigm based on the analysis of articles from “The Ural Historical Herald”. The author identifies three research perspectives: theoretical and methodological, historiographical, and specifically historical. The key issues examined by researchers of the Ural historical school are the following: the essence of the Russian version of modernization in the XX century, features and characteristics of “imperial” and “Soviet” modernization models, role of diffusions in history, the industrialization phenomenon in Russia and the Urals, the Ural-Kuznetsk Combine history, the agrarian transition concept, history of Yamal, etc.

For the first time in a historiography based on the synthesis of civilization and modernization theoretical approaches the researchers solved the key problem of determining the cultural-civilization specifics of Russian modernization, showed the country’s place in the global process of civilization and modernization dynamics, analyzed main factors and mechanisms of internal and external impulses determining social-cultural,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-66006.

institutional-political, and social-economic development of Russia. The mechanisms of modernization processes have been considered at the civilization, national, regional, and local levels. The authors paid attention to the interaction between the macro, meso- and micro-processes in forming the Russian model of modernization, described the diffusive technologies that influenced the reception of social institutions and cultural values in the Urals.

Key words: modernization paradigm, Ural Historical Herald, Russian history of the XX century.

Поиск адекватных научных представлений о траектории движения социума в пространственно-временной системе координат исторического процесса носит перманентный характер. Ситуация полипарадигмальности, мультиконцептуальности предоставляет исследователям широкие возможности для изучения процесса социальных изменений.

Важным историографическим явлением стала совокупность опубликованных в последние годы на страницах «Уральского исторического вестника» (УИВ) статей, выполненных в русле модернизационной парадигмы. Выделим среди них работы, в которых осмысливается исторический путь, пройденный Россией в XX в. Авторами большинства этих публикаций являются ученые Института истории и археологии УрО РАН, составляющие интеллектуальное «ядро» уральской академической школы историков.

Началом изучения теоретико-методологических и конкретно-исторических проблем модернизации России и Урала в XVIII–XX вв. можно считать выход в 2000 г. тематического выпуска УИВ в № 5–6 («Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений»). В статье В.В. Алексеева и И.В. Побережникова выявлены основные тенденции эволюции теоретико-методологических воззрений представителей школы модернизации, обусловившие переход от односторонней эволюционистской концепции развития к более многомерной познавательной модели. В.В. Алексеев обосновал взаимодействие модернизации и революции на всем протяжении российской истории XX в., отметил амбивалентность социалистического этапа русской революции, подчеркнув, что, успешно решив множество задач модернизации, страна не выдержала соревнования с Западом и вступила в начале 1990-х гг. в новую фазу революции (контрреволюции), которая обернулась постсоветской деиндустриализацией и демодернизацией. А.С. Сенявский, сравнив советскую и дореволюционную модели урбанизации, выявил общие (существенная роль государства в развитии города, которая с 1930-х гг. становится довлеющей) и специфические (различия в социально-экономических условиях существования городских сословий и самих сословий и др.) черты их развития, констатировал, что советская урбанизация являлась побочным продуктом индустриализации. М.А. Фельдман обратил внимание на неоднородность состава рабочих Урала, неоднозначное отношение их различных групп к модернизации в 1900–1941 гг. В «хрущевской модернизации» 1950–1960-х гг. О.Л. Лейбович отметил определенное расхождение между целенаправленной политической государственной и объективными процессами (автономизация частной жизни, рост внутренней

дифференциации общества), вызвавшими к жизни тенденцию отмирания традиционалистских основ социалистических институтов.

В выпуске УИВ, посвященном исторической науке на рубеже II и III тысячелетий [1], В.В. Алексеев в качестве основополагающей тенденции российской истории в XX в. назвал модернизацию, которая осуществлялась на пути реализации различных политических и идеологических программ. «Печальным итогом» XX в. для России, по мнению автора, стал «ошибочный отказ большевиков от основополагающей тенденции века, связанной с модернизацией, и переход к иллюзиям социализма в его начале, а затем еще более мучительный поворот от них в конце века к ценностям далеко ушедшего за это время вперед гражданского общества» [1, с. 13].

В тематических выпусках УИВ, определивших «фирменный» стиль издания, и в последующие годы одним из значимых научных направлений оставалась история России XX в., рассматриваемая через призму модернизационной парадигмы. Причем гибкость, адаптивность существующих, возникающих и эволюционирующих в ее границах концепций и подходов находили оперативное отражение на страницах журнала. В № 15 за 2007 г. (первом номере обновленного УИВ) главной концептуальной темой была определена «роль диффузий в истории», т. е. распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Авторы обратили внимание на значимую роль диффузий в контексте российских модернизаций, в частности, в области образования, социально-политической жизни, в сфере геополитических ориентаций. С.А. Нефедов, рассмотрев основные параметры революции 1905 г. (утверждение западного парламентаризма как цели движения, роли интеллигенции, использование социальных конфликтов традиционного общества, тактических приемов), предложил трактовать первый период русской революции как классическую «революцию вестернизации», «революцию извне» [2, с. 45].

В номере УИВ, посвященном «феномену индустриализации», И.В. Побережников обратился к рассмотрению вопроса о том, как в модернизационной перспективе объясняется процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу. Он обратил внимание на неполноту односторонних подходов, характерных для представителей теорий модернизации и отсталости и теорий зависимости, и подчеркнул необходимость смены аналитических ракурсов в процессе исторического исследования. «Если применение модернизационной парадигмы подтверждает важность внутренних движущих сил индустриализации, то ис-

пользование других перспектив убеждает в необходимости учитывать и экзогенные факторы, без чего создаваемая исследователем картина не будет выглядеть убедительно и адекватно» [3, с. 14].

В статье А.И. Тимошенко индустриализация Сибири в XX в. рассмотрена на уровне концепций и решений, в процессе разработки и реализации которых был создан уникальный потенциал, имеющий общенациональное и мировое значение. Подчеркивалось, что острым противоречием освоения Сибири в прошедшем веке стала резкая диспропорция в социально-экономическом развитии между материальным производством и социально-бытовой инфраструктурой, в результате «решение крупнейших государственных индустриальных программ, безудержная эксплуатация природных ресурсов, строительство гигантских предприятий не принесли реального благополучия сибирякам» [3, с. 26]. Р.Р. Басыров [с. 59–67] на примере предприятий химической промышленности показал особенности позднеиндустриальной модернизации в Башкирии в 1950–1960-е гг. В.В. Запарий [с. 68–79] выявил основные тенденции развития металлургического комплекса Урала в 1970–1980-е гг. В.П. Тимошенко [с. 80–88] остановился на ключевых моментах дискуссии вокруг мегапроекта «Урал промышленный – Урал полярный», выделив параметры проекта, оценки экономистов, взгляд историков, экологический дискурс, особо подчеркнув необходимость отказаться от следования рецептам XIX в., характерным для регионального развития России и в XX в., таким как: развитие – это индустриализация; территория есть технологическая площадка – «физическая платформа» для размещения производительных сил; обеспечить развитие территории – значит сосредоточить на ней главные факторы индустриального производства – сырье, основные фонды, капитал и рабочую силу.

Один из выпусков УИВ (№ 3 за 2010 г.) посвящен познавательным возможностям и ограничителям в изучении и объяснении прошлого, присущим разнообразным моделям макроисторических состояний и процессов, таким как мир-системные, цивилизационные, экосоциальные, структурно-демографические, диффузионные, модернизационные, регионально-стадиальные, клиодинамические. В статьях указанного номера в широком временном и пространственном контексте речь идет о признаках, этапах, уроках российской цивилизации (В.В. Алексеев), воздействии на нее экосоциальной динамики (Н.С. Розов), о моделях модернизации в контексте макроисторических подходов (И.В. Побережников), математических моделях (А.В. Коротаев), диффузионных концептах и моделях в общественности (Е.В. Алексеева). Проблематике модернизационных процессов в России в XX в. были посвящены публикации о советской модели индустриальной модернизации (А.С. Сенявский), социалистическом проекте в российской модели развития (Е.Т. Артемов), о формировании советской модели внешнеэкономической политики (В.П. Тимошенко), роли Урала в геополитических проекциях Второй мировой войны (К.И. Зубков).

Еще один тематический номер УИВ (№ 1 за 2011 г.) посвящен истории реализации крупнейшего хозяйственного мегапроекта первой половины XX в. – созданию Урало-Кузнецкого комбината. В нем наряду с уральскими историками приняли участие ученые институтов СО РАН. Рассматривая мотивы, пути и способы достижения заявленных целей в советской модели регионального развития, авторы статей обратили внимание на программу создания Урало-Кузнецкого комбината через призму государственной стратегии России (С.С. Букин, В.А. Ламин), геополитической мотивации разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта (К.И. Зубков), решении социальных проблем (А.И. Тимошенко) и иностранной технической помощи в Урало-Кузнецком проекте (В.П. Тимошенко), роли контингентов ГУЛАГа (Л.И. Бородин, А.А. Цепкалова), развитии угольной промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны (С.А. Баканов), механизмах формирования населения Магнитогорска в условиях форсированной индустриализации (Н.Н. Макарова).

Трансформации в аграрной сфере в контексте модернизации XX в. исследовал Г.Е. Корнилов [4, с. 4–14]. Обосновав концепцию «аграрного перехода», он выявил его направления, темпы развития и формы проявления, выделил три фазы агроперехода в XX в.: 1) конец XIX – середина XX в.; 2) середина XX в. – конец 1980-х гг.; 3) начало 1990-х – начало 2000-х гг. За основу такой периодизации принят комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села, что позволило рассматривать аграрную трансформацию России с позиции непрерывности. Первая фаза «аграрного перехода» на Урале (конец XIX – первая четверть XX в.) характеризовалась вовлечением огромных масс населения, а основными его факторами были социальные и политические, связанные с военными действиями и распадом Российской империи. Вторая фаза агроперехода (середина 1920-х – конец 1950-х гг.) была связана с процессами индустриализации, коллективизации и характеризовалась на Урале массовой миграцией из села в город, охватившей все территории региона, и изменением соотношения городского и сельского населения [5, с. 48–55]. Л.Н. Мазур предложила изучать урбанизацию российской деревни в поселенческом, социально-бытовом и культурологическом плане, выделяя общие закономерности и рамки, в частности, рассматривая во взаимосвязи период второй половины XIX–XX в. [6, с. 15–24].

Изучать региональную историю на основе центр-периферийной модели, что предполагает ее измерение в геоэкономической, институционально-политической и социокультурной плоскостях, предложил И.В. Побережников. В данном ракурсе он выделил третий этап (1880-е гг. – XX в.), когда происходило «вращение» страны в мировую индустриальную цивилизацию, утверждалась модель современного индустриального роста, а в уральском регионе осуществлялся индустриализационный транзит. Благодаря этому Урал в масштабах страны переходит в состав ядра, ха-

рактизирующегося технологическими, институционально-социальными, ментальными параметрами современного типа, при сохранении национально-цивилизационного и регионального своеобразия [7].

Размышляя о революции 1917 г. в России, К.И. Зубков отметил, что «в незападных обществах, вынужденных с начала Нового времени развиваться в русле “догоняющей” модернизации, гипертрофированная роль государства в организации и регулировании социально-экономических процессов уже сама по себе закрепляла в общественном сознании сильнейшую этатистскую традицию» и как ни парадоксально, «но именно выразившаяся в октябре 1917 г. в крайних формах радикализация масс обусловила в дальнейшем ходе Октябрьской революции сильнейший тоталитарный крен, в котором в свою очередь обнаружилась причудливая амальгама самых радикально-утопических компонентов марксизма и самой мощной традиционалистской реакции» [8, с. 100, 101].

В выпуске УИВ, посвященном проблемам научно-технической политики в контексте модернизационных преобразований (№ 3 за 2008 г.), Е.Т. Артемов проанализировал историографию советской научно-технической политики; Е.Г. Водичев и Ю.И. Узбекова рассмотрели развитие отечественной науки во второй половине XX в. через призму взаимоотношения «центра» и «периферии»; В.Э. Лебедев обратился к региональному (по материалам Урала) измерению государственной научно-технической политики; А.Э. Бедель остановился на роли «заводской» науки в атомном проекте СССР.

Обратившись к истокам кризиса советской системы, Е.Т. Артемов проследил ход эрозии советского строя, подчеркнул, что не только (и не столько) организационно-экономические факторы или «происки «враждебных сил» стали причинами коллапса СССР. «Девальвация идеи “державности” создавала предпосылки для тектонических сдвигов в общественном сознании. Вместо энтузиазма по поводу будущего, свойственного началу “перестройки”, формируется устойчивое представление о фатальной неспособности советской системы ответить на вызовы времени и хотя бы сохранить страну в качестве великой державы. В конечном итоге, в глазах правящей элиты и “широких масс” само существование Советского Союза утратило свое оправдание» [9, с. 108].

Проведя сравнительный анализ имперской и советской моделей модернизации, Т.М. Братченко отметила, что первая из них не сумела решить главной проблемы России – преодоления отставания от стран-лидеров, тогда как вторая оказалась наиболее адекватной формой перехода России к индустриальному и городскому обществу, но не сумела предложить эффективной стратегии выхода из кризиса и обеспечения новой стадии – постиндустриальной модернизации [10].

В номерах УИВ, посвященных истории Ямала (№ 12 за 2005 г., № 13 за 2006 г.), В.В. Алексеевым, К.И. Зубковым, В.П. Тимошенко, И.В. Побережничко-

вым, Г.Е. Корниловым, С.Е. Алексеевым и другими были апробированы концептуальные подходы, получившие в дальнейшем развитие в «Истории Ямала» [11]. Характеризуя ситуацию выбора стратегий развития Севера в течение первой половины XX в. из трех основных вариантов – «автохтонно-эндогенной», «ассимиляционной» и «эксплуатационной», авторы объяснили, как сочетались и реализовывались в практической деятельности эти подходы. Политика интегрального развития в первой половине XX в. объяснялась не только скудостью ресурсов, но и «островным» характером самого процесса освоения Севера, обусловленным его суровыми природными условиями и транспортной изолированностью. Это ставило в повестку дня вопрос не о рентабельности освоения, а о его принципиальной осуществимости. Лишь открытие в середине XX в. крупнейших запасов углеводородного сырья стало прологом настоящей индустриализации Ямальского Севера и формирования принципиально новой стратегии его освоения. В конце советского периода регион стал лидером по темпам экономического роста и урбанизации, опережая средние показатели по России и СССР, на Ямале состоялся модернизационный переход.

Предпринятый В.В. Алексеевым [12], А.В. Сперанским [13], А.Т. Тертышным, А.В. Трофимовым [14] историографический анализ показал, что в русле модернизационной парадигмы историкам удалось реконструировать этапы становления, эволюции, кризиса и краха советской общественно-экономической системы, плодотворно использовать ее когнитивный потенциал для изучения истории Урала в модернизационной динамике России XX в.

Появление на страницах УИВ публикаций, как рассмотренных выше, так и не вошедших в данный обзор, способствовало отработке исследовательского инструментария, наполнению конкретными историческими содержанием концептуальных подходов, объясняющих в русле модернизационной парадигмы российскую историю XX в. (на страновом и региональном уровнях). Логическим продолжением и достойным завершением важного этапа в развитии уральской исторической школы стал выход ряда монографических исследований [15–19]. Авторам удалось вывести цивилизационный и модернизационный дискурс на принципиально новый уровень. Впервые в историографии на основе синтеза цивилизационного и модернизационного теоретических подходов была успешно решена комплексная задача определения культурно-цивилизационной специфики российской модернизации, определено место страны в мировом процессе цивилизационной и модернизационной динамики, показаны основные факторы и механизмы внутренних и внешних импульсов, определявших социокультурное, институционально-политическое и социально-экономическое развитие России. Рассмотрены проблемы выявления механизмов протекания модернизационных процессов в цивилизационном, страновом, региональном и локальном масштабах, обращено внимание на взаимодействие макро-, мезо- и микропроцессов в формировании российской модели

модернизации, раскрыты в основном диффузионные технологии и механизмы, с помощью которых происходила рецепция социальных институтов и культурных ценностей на Урале.

Знакомство с вышеупомянутыми статьями и монографиями позволяет говорить о том, что представителями уральской исторической школы достигнуты весомые успехи в теоретико-методологическом, историографическом, конкретно-историческом изучении ключевых проблем, связанных с процессами социальных изменений и особенностями протекания модернизации в России в XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Основополагающая тенденция российской истории XX в. // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 5–14.
2. Неведов С.А. 1905 год: революция в контексте вестернизации // Уральский исторический вестник. 2007. № 15. С. 35–45.
3. Побережников И.В. Индустриализация в контексте парадигмы модернизации и вне его // Уральский исторический вестник. 2007. № 16. С. 4–14.
4. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация в России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14.
5. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.
6. Мазур Л.Н. Урбанизация российской деревни во второй половине XIX–XX в.: к постановке проблемы // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 15–24.
7. Побережников И.В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 118–126.
8. Зубков К.И. Размышляя об Октябре 1917 г.: социокультурные истоки русской революции // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 93–101.
9. Артемов Е.Т. Истоки кризиса советской системы // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 102–108.
10. Братченко Т.М. Российский путь модернизации: сравнительный анализ имперской и советской моделей // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 32–36.
11. История Ямала: в 2 т. / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010.
12. Алексеев В.В. Уральская академическая школа историков (к 25-летию основания) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 4–15.
13. Сперанский А.В. Урал в модернизационной динамике XX в.: перспективы исследований // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 78–87.
14. Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Советский Союз (1945–1991 гг.): историографические традиции и концептуальные образы // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 85–96.
15. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Артемов Е.Т. и др. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 384 с.
16. Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН, отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2011. 176 с.
17. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культур. информации, 2011. 404 с.
18. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011.
19. Факторный анализ российского исторического процесса / В.В. Алексеев и др. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 260 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.V. Centuries the Fundamental tendency of Russian history of the XX century. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2001, no 7, pp. 5–14. (In Russ.)
2. Nefedov S.A. 1905: revolution in the context of Westernization. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 15, pp. 35–45. (In Russ.)
3. Poberezhnikov I.V. Century Industrialization in the context of the modernization paradigm and beyond. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 16, pp. 4–14. (In Russ.)
4. Kornilov G.E. Agrarian modernization in Russia in the twentieth century: regional aspect. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2008, no 2, pp. 4–14. (In Russ.)
5. Kornilov G.E. Migration and the formation of the population of the Urals in the first half of the twentieth century. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2012, no 2, pp. 48–57. (In Russ.)
6. Mazur L.N. Urbanization of the Russian village in the second half of the XIX–XX centuries: the problem statement. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2008, no 2, pp. 15–24. (In Russ.)
7. Poberezhnikov I.V. Century the Urals in the history of the Russian state: the problem. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2012, no 2, pp. 118–126. (In Russ.)
8. Zubkov K.I. Thinking about October of 1917: social and cultural origins of the Russian revolution. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 17, pp. 93–101. (In Russ.)
9. Artemov E.T. The Origins of the crisis of the Soviet system. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 17, pp. 102–108. (In Russ.)
10. Bratchenko T.M. So Meters of Russian modernization: a comparative analysis of Imperial and Soviet models. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2009, no 4, pp. 32–36. (In Russ.)
11. History of Yamal: in 2 volumes / ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg: Basco, 2010. (In Russ.)
12. Alekseev V.V. Centuries Ural academic school of historians (25th anniversary). *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2013, no 1, pp. 4–15. (In Russ.)
13. Speransky A.V. Ural in the dynamics of modernization of the twentieth century: perspectives of research. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2013, no 4, pp. 78–87. (In Russ.)
14. Tertyshny A.T., Trofimov A.V. The Soviet Union (1945–1991): Historiographical traditions and conceptual images. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2012, no 1, pp. 85–96. (In Russ.)
15. Alekseev V.V., Alekseeva E. V., Artyomov E.T. *in dr.* Civilizational identity of Russian modernisation of the XVIII–XX centuries: the spatial-temporal dimension / ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg: UrB RAS, 2011, 384 p. (In Russ.)
16. Modernization in the civilizational context: the Russian experience of the transition from traditional ones to modern society: collection of Art. / RAS, UrB RAS. Resp. ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg, 2011, 176 p. (In Russ.)
17. The experience of Russian modernisation of the XVIII–XX centuries: the interaction of macro- and microprocesses / V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov and others; The Institute of history and archaeology, UrB RAS. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 2011, 404 p. (In Russ.)
18. Diffusion of technologies, social institutions and cultural values in the Urals (XVIII – beginning of XX century). Ekaterinburg: UrB RAS, 2011. (In Russ.)
19. Factor analysis of the Russian historical process. Collective monograph / Alekseev V.V. and others. Ekaterinburg: Publ. UMC RLP, 2011, 260 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 11.12.2014

УДК 903.22

Ю.С. ХУДЯКОВ

**ВОССТАНИЯ ТАТАРСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ 1620-х – НАЧАЛЕ 1630-х гг.***

Юлий Сергеевич Худяков,
д-р ист. наук, профессор, гл. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: Khudjakov@mail.ru

В статье анализируются исторические события, произошедшие на рубеже первой трети XVII в., в том числе восстания некоторых татарских этнических групп на территории Западной Сибири против российских властей. Рассмотрено участие в этих событиях потомков хана Кучума, стремившихся к восстановлению Сибирского татарского ханства, а также телеутов и некоторых групп ойратов. Их правители поддерживали восставших, но преследовали свои цели, в том числе подчинение сибирских татар своему военно-политическому влиянию. Проанализировано участие русских воинов и служилых татар в военных действиях в составе российских войск против повстанцев и их союзников среди тюркских и монгольских кочевников.

Ключевые слова: сибирские татары, российские власти, восстания, Западная Сибирь, ойраты, степные и лесостепные районы.

YU.S. KHUDYAKOV

**REVOLTS OF THE TATAR ETHNIC GROUPS IN WESTERN SIBERIA
AT THE END OF THE 1620s – THE BEGINNING OF THE 1630s**

Yulij Sergeevich Khudyakov,
Doctor of historical Sciences, Professor,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: Khudjakov@mail.ru

The principal goal of this article is to analyze historic developments that are related to the period of insurrections of various Tatar ethnic groups against the Russian authorities. These ethnic groups inhabited the forest-steppe and steppe lands of Western Siberia at the end of the 1620s – the beginning of the 1630s. The paper focuses on the events that took place in the first third of the XVII century, including the insurrections of several Tatar ethnic groups against the Russian authorities in the territory of Western Siberia. In regard to these events the author considers participation of Kuchum Khan's descendants, who aspired to restore the Tatar Khanate of Siber, as well as participation of the Teleuts and several groups of the Oirats, whose rulers supported the insurgents but pursued their own ends, such as submission of the Siberian Tatars to their military-political influence. The author also considers the Russian warriors participation in the hostilities along with the service class Tatars who acted as a part of the Russian troops sent against the rebels and their allies among the Turkic and Mongolian nomads.

According to the data from the Russian Siberian historical sources, the considerable proportion of Siberian Tatar inhabitants did not crave for escape following the insurgents to the Kazakh steppes and were loyal to the Russian authorities in Western Siberia despite the the insurgents' agitation. The legates of Kuchum Khan, who led the rebellious Siberian Tatars, aspired to resettle the separate groups of Siberian Tatars to the steppes, rather far away from the Russian lands, and rely on the assistance of the Oirat State. They transferred to the Oirat rulers the right to raise taxes from the rebellious Siberian Tatars, that provoked the great resentment among the Tatar population. Such policy alienated some ethnic groups of Siberian Tatars from the advocates of the Siberian Khanate's insurrection. The Russian authorities in Western Siberia sent the military groups of Russians and the service class Tatars to defend the Tatar population from the assaults of insurgents and Oirats. The Russian voivodes aspired to achieve peaceful relations with the Oirats by the diplomatic negotiations. Such policy was successful and resulted in the fact that a considerable proportion of insurgent Tatar inhabitants ceased to support the Siberian Tatar princes Ablakerim and Devlet-Giray and returned to the Russians. At the beginning of the 1630s the number of insurgents appreciably decreased. Thanks to the efficient policy, the Russian authorities succeeded to enlist the considerable proportion of the Siberian Tatar population and retain Siberian lands as a part of the Russian state.

Key words: Siberian Tatars, Russian authorities, insurrections, Western Siberia, Oirats, steppe and forest-steppe regions.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00049.

Одним из самых драматичных периодов в истории присоединения Западной Сибири к Российскому государству в XVI–XVII вв. была череда восстаний среди татарского населения этого региона в конце 1620-х – начале 1630-х гг. В свое время по поводу этих событий выдающийся историк Сибири Г.Ф. Миллер заметил: «С 1628 г. начинается ряд восстаний, поднятых тарскими и томскими татарами при поддержке калмыков и царевичей Кучумова рода, причем не только многие люди погибли, но и некоторым сибирским городам угрожала опасность полного разорения или перехода в руки врагов России». По его оценке, опасность утраты сибирских земель в случае неблагоприятного развития событий была вполне вероятна, и русские «не могли бы справиться с таким большим числом врагов». Единственное «преимущество», которое помогло российским властям устоять в создавшихся условиях, заключалось в том, что «враги не знали своих собственных сил и были недостаточно объединены» [1, с. 113]. Судя по этим оценкам, восстание среди некоторых групп сибирских татар носило стихийный характер, а наследники хана Кучума, стремившиеся к восстановлению государственности сибирских татар, не смогли должным образом воспользоваться сложившимися обстоятельствами.

Первое выступление против российских властей произошло в Барабинской лесостепи, где для охраны границ российских владений находился небольшой военный отряд, состоявший из 18 служилых людей из Тарского гарнизона, возглавлял его сын боярский Е. Пружинин. В ходе восстания все они были «перебиты» барабинскими татарами, предводителем которых был князец Когутай. Восставшие барабинцы, понимая, что после этого их ждет неминуемое возмездие со стороны российских властей, бежали в верховья Оби, во владения телеутского князя Абака, под защиту телеутов и джунгар, «откуда их уже нельзя было достать даже силой» [1, с. 113]. По оценке А.П. Уманского, барабинские и тарские татары, находившиеся на положении плательщиков ясака в составе российских владений, были недовольны тяжестью податного обложения и притеснениями со стороны тарских воевод и служилых людей. Сибирские воеводы не могли достаточно эффективно охранять их от джунгарских набегов, а им запрещали совершать ответные походы против ойратов из-за опасности обострения отношений с западными монголами [2, с. 15].

Российские власти в Сибири пытались вернуть бежавших на прежние места проживания с помощью уговоров. К бежавшему барабинскому князю Когутай был отправлен сын боярский Б. Байкач с отрядом служилых людей. Они смогли разыскать группу барабинских беглецов, но те не пропустили их к своему князю. По результатам переговоров стало известно, что «Когутайко с барабинскими, чоинскими и теренинскими татарами» кочуют на землях телеутов и коурчаков. По сведениям из русских источников, помимо этих групп сибирских татар против российских властей восстали также чатские и томские «новокрещенные» татары, ко-

торые «отъехали» в земли, населенные чатами в Приобье. Предводитель барабинских татар Когутай, вероятно, узнал о попытке российских властей начать с ним переговоры и послал в Тобольск своих «челобитчиков», через которых попытался восстановить мирные отношения. В ответ к нему были посланы российские посланцы – тобольский сын боярский Д. Черкасов и юртовский служилый татарин А. Кизылбаев с миссией попытаться предложить «отложившимся» татарам снова принять российское подданство [1, с. 400]. Однако это посольство также не смогло добиться для сибирских воевод желаемых результатов.

В это же время отчетливо проявилась враждебность по отношению к российским властям со стороны телеутского князя Абака, располагавшего наиболее значительными в Западной Сибири воинскими силами. Абак предложил северным алтайцам не платить русским ясак [3, с. 45]. С самого начала волнений он активно поддержал восставших против российской администрации барабинских и тарских татар. Телеутский князь предоставил им возможность поселиться на землях, входивших в состав его владений, и даже предложил предоставить помощь для похода на Тарский острог [3, с. 46]. Вероятно, он надеялся вовлечь барабинских татар и другие татарские этнические группы в сферу своего военно-политического влияния в Западно-Сибирском регионе [3, с. 22].

В 1628 г. положение на южных границах российских владений сильно осложнилось в результате продвижения ойратов по долине р. Тобол. Они заняли земли в трех днях пути от Тюмени, населенные ясашными татарами, которые в этот период находились в российском подданстве. Западные монголы захватили охотничьи угодья татарского населения, где они охотились на бобров и других пушных зверей. При этом джунгары стали отнимать у татарских охотников пушнину, поэтому стало нечем платить ясак российским властям. Причем многие татары были не только ограблены, но и «перебиты». Российские власти опасались воинственных ойратов. Они попытались «действовать ласково», чтобы уговорить западных монголов покинуть захваченные ими российские владения. В том случае, если эти уговоры не помогут, сибирские воеводы планировали послать против джунгаров отряды служилых людей, чтобы защитить царских подданных – ясашных татар [1, с. 115].

В 1629 г. обострилось недовольство своим положением тарских юртовских татар. Они были недовольны тяготами российской военной службы и ее низкой оплатой. Несмотря на то, что они несли охрану границ российских владений на наиболее опасном участке, причитающаяся им оплата была ниже, чем у тобольских и тюменских служилых татар [4, с. 171–172]. Поводом к восстанию послужил отказ центральных властей уравнивать их оклады с оплатой тобольских служилых татар [2, с. 15]. Восставшие сожгли и ограбили несколько деревень, населенных русскими жителями в окрестностях Тарского острога. В Тару был направлен отряд российских служилых людей и служилых

татар из Тобольска под командованием тобольских военных командиров Ф. Елагина и Б. Аршинского. Не обнаружив восставших поблизости от Тарского острога, они совершили поход в Барабинскую лесостепь, на оз. Чаны, где нашли и разгромили повстанцев, а также захватили у них большую добычу [1, с. 114].

Стихийными волнениями среди разных этнических групп татарского и тюркского населения на территории Западной Сибири попытались воспользоваться наследники хана Кучума – его внуки Аблайкерим и Давлет-Гирей для того, чтобы объединить усилия всех недовольных среди татарских этнических групп политикой российских властей и попытаться восстановить Сибирское татарское ханство. Согласно сведениям, приведенным Г.Ф. Миллером, Кучумовичи при поддержке ойратов «ввязались в дело» в июле 1629 г. – через несколько месяцев после того, как среди татарского населения начались волнения. Чтобы заинтересовать джунгарских предводителей в поддержке своего начинания, Аблайкерим предложил ойратским тайшам Кокшулу, Урлюку и Байбагишу собирать ясак с барабинских, юртовских и волостных татар. Аблайкерим обратился за помощью не только к ойратским тайшам, но и к телеутскому князю Абаку и коурчакскому тайше Кексешу [1, с. 114, 118]. В это время под знамена восставших, помимо тех групп сибирских татар, которые и ранее поддерживали Кучумовичей, пришли восставшие барабинские татары. Его отряд значительно увеличился – до 300 воинов. В надежде на прибытие других групп сибирских татар этот отряд перешел в телеутские владения и расположился своим станом на р. Юлусе [1, с. 115].

В дальнейшем Аблайкериму, возглавлявшему восставших сибирских татар, опиравшемуся на поддержку некоторых джунгарский тайшей и стремившемуся восстановить Сибирское ханство, удалось привлечь на свою сторону чатского мурзу Тарлава, который был зятем телеутского князя Абака. Однако часть чатских мурз сохранила верность российским властям. В начале августа 1629 г. царевич Аблайкерим во главе военного отряда, состоявшего из 130 джунгарских и сибирских татарских воинов, совершил поход на Чатский городок [1, с. 116]. По данным, приведенным А.П. Уманским [2, с. 23], в составе этого отряда были коурчаки и тарские татары. Предводитель сибирских татар уговаривал Тарлава объединить военные силы и напасть на Томск. Однако тот не решился открыто выступить на стороне восставших и отказался в то время от такого предложения. Два других чатских мурзы, Кызлан и Бурлак, сообщили об этих переговорах российским властям. Опасаясь возможного нападения, мурза Тарлав со своими людьми и стадами домашнего скота отправился в телеутские владения под защиту князя Абака. Во время переговоров с российскими послами он уверял, что не имеет каких-либо враждебных намерений по отношению к российским властям, а был вынужден покинуть Чатский городок из-за недостатка кормов для домашних животных. В это же время Аблайкериму удалось привлечь на свою

сторону многих барабинских татар, численность его отряда составляла уже около 2000 воинов. Возглавив это войско, в составе которого был и ойратский военачальник Кулада, Аблайкерим совершил поход в земли чатских татар, где взял и сжег Мурзин городок, в котором находились мурзы, сохранившие верность российским властям. В бою погибло два десятка российских служилых людей. Вероятно, Аблайкерим намеревался осадить и взять Томск, но дело ограничилось набегами и разорением поселений местных жителей. Отряд томских служилых людей смог напасть на лагерь Аблайкерима на Шагаре и нанести ему сильное поражение, вынудив его бежать в Барабинскую лесостепь. По пути отступления повстанцы теряли «большое число убитых в панцирях и мертвых лошадей, и почти все имущество, которое неприятели везли с собою, было разбросано в беспорядке» [1, с. 116–117].

По мнению А.П. Уманского, главную реальную силу среди тюркских и монгольских групп, противостоявших тогда российским властям в Западной Сибири, представляли телеуты [2, с. 16]. Весной 1630 г. в окрестности Томска, в том числе Тоянов городок, совершило поход объединенное войско телеутов и чатских татар под командованием телеутского князя Абака и чатского мурзы Тарлава. Подвергся новому нападению Мурзин городок. Было совершено нападение на Шагарскую волость. Навстречу повстанцам выступил отряд служилых людей и татар во главе с сыном боярским Г. Черницыным, в его составе был также чатский мурза Бурлак. Российским войскам удалось нанести поражение телеутам и восставшим чатским татарам. В ходе сражения погиб один из предводителей чатских татар – мурза Казгул [1, с. 117]. В погоню за отступившим отрядом телеутов и чатов был направлен российский военный отряд во главе с чатским мурзой Бурлаком [2, с. 34]. После этой неудачи телеутский князь решил оставить свои попытки подчинить себе тюркские этнические группы в Среднем Приобье и направил свою военную активность в сторону Кузнецкой котловины.

Летом 1630 г. телеуты и чатские татары приняли участие в походе в Барабинскую лесостепь и дошли до оз. Саркуль, но затем направились в Среднее Приобье. Осенью они вернулись в Верхнее Приобье [2, с. 34]. В марте 1631 г. против Чингисова городка, опорного пункта чатских татар в Приобье, был направлен отряд российских воинов и служилых татар во главе с военачальником Я. Тухачевским. В его составе насчитывалось три сотни казаков и сто чатских и томских татар. В составе этого отряда был чатский мурза Бурлак. Военный отряд под командованием Я. Тухачевского нанес под Чингисовым городком тяжелое поражение чатским татарам, возглавляемым мурзой Тарлавом, и пришедшим к ним на помощь сибирским татарам и ойратам, которых возглавлял татарский царевич Аблайкерим [5, с. 52–57]. В результате этих военных событий Тарлав погиб, а чатские татары и их союзники потерпели поражение. Со временем они постепенно прекратили активное вооруженное сопротивление российским властям и вернулись на свои прежние земли [1, с. 118].

После этой неудачи потомки и наследники хана Кучума, его внуки, Аблайкерим и Давлет-Гирей, вместе со своими союзниками джунгарами направили свои основные усилия на подчинение этнических групп сибирских татар, населявших долины Иртыша и Тобола. В 1631 г. джунгары совершили нападение на земли Тарского уезда. В составе отряда были сибирские татарские проводники и 150 ойратских воинов. Они совершили набег на российские владения по Иртышу и Вагаю. Напавшие кочевники перебили часть взрослого мужского населения и угнали в плен женщин и детей из нескольких волостей. Сведения об этом набеге сообщил российским властям татарский князец Байбахта. В погоню за джунгарами были отправлены российские военные отряды из Тары и Тобольска во главе с военачальниками Ф. Шараповым и Е. Заболоцким. В составе этих отрядов были группы служилых татар. Они смогли нагнать и разгромить джунгар и захватить много пленных. Летом того же года несколько татар из Киньрского городка, находившегося на территории Тюменского уезда, бежали по р. Исеть во владения ойратов. Воины, посланные в погоню за беглецами, нашли на р. Исеть «сделанную из бересты крепость, в которой стояли человеческие фигуры также из бересты с деревянными стрелами и луками; одна из них будто бы проколола другую копьем, причем обе наполовину упали, склоняясь головами в сторону Исети». По мнению преследователей, эта берестяная композиция означала, что «всякий татарин, увидевший этот знак, должен идти по следу за беглецами, чтобы присоединиться к ним» [1, с. 121]. Восставшие киньрские татары создали композицию из полотнищ бересты, изображавшую некое подобие берестяного оборонительного сооружения и поединок двух воинов.

Для привлечения татарского населения в свои военные отряды иногда использовались стрелы в качестве особого знака – символа подготовки к военным действиям. Среди татарского населения распускались слухи, что «скоро все переменится и о русских в Сибири скоро ничего не будет слышно», а джунгары совершат нападение «после сильного бурана, когда русское огнестрельное оружие не будет действовать». Один из русских жителей, находившийся в пути на территории Тюменского уезда, подвергся «нападению нескольких татар, которые преследовали его сильной бранью и угрозами, что скоро ни один русский не останется в Сибири» [1, с. 121].

В это же время некий татарский всадник, разъезжая по татарским селениям в пределах российских владений, показывал местным жителям «широкую стрелу без лука», что означало призыв готовиться к грядущим военным действиям. Во время набега, который совершил в 1632 г. небольшой военный отряд сибирских татар, состоявший всего из 30 воинов, под командованием царевича Аблайкерима на одну из татарских деревень на р. Исети, разгромив ее и захватив в плен женщин и детей. Он сумел удержать жителей соседних татарских селений, поклявшись, что не причинит им никакого вреда. «По калмыцкому обычаю,

он облизал стрелу и прикладывал ее острием к своему лбу – в этом заключалась его клятва» [1, с. 121–122].

В том же 1632 г. сибирские татары и ойраты напали на тобольскую передовую заставу у оз. Белого и угнали у местных татар лошадей [1, с. 121]. Из Тюмени был послан против джунгар российский военный отряд под командованием казачьего атамана И. Воинова и татарского головы И. Бакшеева, который победил их на р. Тоболе [1, с. 122].

В 1633 г. отряд царевича Давлет-Гирея численностью около 60 воинов и с проводником К. Тантаровым – беглым тарским татарин, совершил поход на Уфимский уезд. Он планировал после этого похода напасть на Тюменский уезд. Но сами Кучумовичи и их союзники джунгары подверглись нападению со стороны казахов. Это не помешало сибирским татарским царевичам и ойратам напасть на Тару в сентябре 1634 г. Почти все русские и татарские деревни, находившиеся в окрестностях Тарского острога, были сожжены, многие жители захвачены в плен. Из Тобольска пришел на помощь военный отряд, в составе которого были русские, литовские и сибирские татарские воины. Джунгары были разгромлены, а русские и татарские пленники освобождены. В ноябре того же года сибирские татары под командованием Кучумовичей и джунгары напали на Тюменский уезд и разорили деревни в окрестностях Тюменского острога. В погоню за ними был направлен военный отряд, который не смог разгромить врагов и потерял в ходе боя 50 воинов [1, с. 124–125].

Несмотря на серьезное обострение положения на границах с тюркскими и монгольскими кочевниками, российские власти пытались в те же годы восстановить мирные отношения с джунгарскими тайшами и восставшими татарами [1, с. 118–119]. К джунгарам и бежавшим тарским татарам были отправлены российские посланники. Они должны были попытаться уговорить бежавших тарских татар вернуться под власть российских воевод и обратиться к джунгарам, чтобы те не нарушали границ российских владений в Западной Сибири. В результате этих поездок были установлены отношения с одним из джунгарских тайшей – Урлюком. Однако это не помешало другим группам ойратов в союзе с восставшими сибирскими татарами, возглавляемыми Кучумовичами, напасть на тобольскую передовую заставу у оз. Белое и угнать лошадей [1, с. 121].

Оценивая события, произошедшие в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг., необходимо отметить, что волнения произошли среди нескольких сибирских татарских этнических групп: барабинских, тарских, томских и чатских татар. Поводы для этих выступлений, как правило стихийных, были разные: тяжесть податного гнета, отказ повысить жалование служилым татарам, произвол со стороны российских властей в Западной Сибири и др. Повстанцы расправлялись с отдельными небольшими группами русских служилых людей и стремились уйти в степь, подальше от российских владений. В определенный момент эти стихийные волнения попытались возглавить потомки и наследники хана Кучума из рода Шейбанидов, его

внуки Аблайкерим и Давлет-Гирей. В конце 1620-х гг. им удалось привлечь под свои знамена немало восставших сибирских татар из разных этнических групп. Однако значительная часть татарского населения Западной Сибири осталась в российском подданстве. Некоторые подразделения сибирских служилых татар принимали непосредственное участие в составе российских войск в борьбе против восставших сибирских татар и их союзников – ойратов. Не располагая достаточными силами для самостоятельной борьбы с российскими властями, Кучумовичи пытались опереться на помощь джунгарских тайшей. Предводитель чатских татар Тарлав заручился поддержкой правителя телеутов – своего тестя, князя Абака. Однако объединить все группы тюркских и монгольских кочевников в борьбе против российских властей их противникам не удалось. Предоставление царевичем Аблайкеримом джунгарам права сбора податей с татарского населения Западной Сибири привело к росту недовольства среди тех групп татарского населения, которые принимали участие в выступлениях против российских властей. Сторонники восстановления Сибирского ханства предпринимали попытки агитации среди татарского населения, однако они не имели существенных последствий. Военные походы повстанцев и джунгар на российские владения ограничивались разорением русских и татарских деревень, захватом пленных и их имущества, угоном домашнего скота. Такие действия не могли не возмущать сибирское татарское население, подвергавшееся нападением. Это отталкивало от Кучумовичей и джунгарских тайшей даже тех сибирских татар, кто их ранее поддерживал. В начале 1630-х гг. это привело к существенному сокращению численности повстанцев и сторонников восстановления Си-

бирского ханства среди разных этнических групп сибирских татар. Российские власти в Западной Сибири смогли привлечь на свою сторону значительную часть сибирского татарского населения, что привело к постепенному затуханию и прекращению восстания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит-ра, 2000. Т. II. 796 с.
2. *Уманский А.П.* Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 1995. Ч. 2. 221 с.
3. *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 296 с.
4. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 2. С. 153–175.
5. *Худяков Ю.С.* Взятие Чингисова городка (эпизод борьбы за восстановление Сибирского ханства в XVII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ичлас, 2010. С. 52–57.

REFERENCES

1. *Muller G.F.* The History of Siberia. 2nd supplemented. Moscow: Vost. Lit-ra, 2000, v. II, 796 p. (In Russ.)
2. *Umansky A.P.* The Teleuts and their vicinage between the XVII–XVIIIth century Barnaul: Barn. gos. ped. un-t, 1995, v. 2, 221 p. (In Russ.)
3. *Umansky A.P.* The Teleuts and the Russian in the XVII–XVIIIth century. Novosibirsk: Nauka, 1980, 296 p. (In Russ.)
4. *Bachrushin S.V.* The Siberian Service class Tatars. *Nauchnie trudi.* M.: Izd-vo AN USSR, 1955, t. III, ch. 2, pp. 153–175. (In Russ.)
5. *Hudiyakov Y.S.* The seizure of the Genghis Town (the episode of struggle for the restoration of the Khanate of Sibir in the XVII century). *Srednevekovie turko-tatarskie gosudarstva.* Kazan: Ilchas, 2010, pp. 52–57. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.12.2014

УДК 281.93

И.М. СЕВАСТЬЯНОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ УЧИЛИЩ ПРИ МОСКОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ РОГОЖСКОГО КЛАДБИЩА В 1905–1907 гг.

Иоанн Михайлович Севастьянов,
настоятель Покровского Старообрядческого собора,
Ростов-на-Дону,
e-mail: oioann@mail.ru

В процессе исследования старообрядчества в России большой интерес вызывает период «золотого века старообрядчества» – 1905–1918 гг. За столь короткий срок получили развитие многие стороны культурной жизни старообрядцев. В первую очередь, старообрядцы развивали старообрядческое образование. Особенно преуспела в этом Московская старообрядческая община Рогожского кладбища, которая создала две старообрядческие начальные школы, старообрядческое Городское училище и старообрядческий Богословский институт. Можно утверждать, что старообрядцы Москвы попытались организовать автономную старообрядческую систему образования. В предложенной статье освещены

процесс и проблемы создания старообрядческих начальных школ на Рогожском кладбище в Москве и Рогожского городского училища. Для написания статьи автор привлек и систематизировал все доступные источники, в том числе старообрядческие архивы, всю старообрядческую периодическую печать за данный период. Кроме того, привлечены современные монографии и исследования по данной теме.

Ключевые слова: старообрядчество, Московская старообрядческая община Рогожского кладбища, образование, старообрядческая начальная школа, старообрядческие училища.

I.M. SEVASTYANOV

ORGANIZATION OF OLD BELIEVERS' SPECIALIZED SCHOOLS IN MOSCOW OLD BELIEVERS' COMMUNITY OF THE ROGOZHISKY CEMETERY IN 1905–1907

Ioann Mikhaylovich Sevastyanov,
Prior of the Pokrovsky Old Belief Cathedral,
Rostov-on-Don,
e-mail: oioann@mail.ru

The article deals with the history of Old-Belief - one of the most significant but little studied problems in Russian history. Researchers studying the Old Believers pay special attention to the so-called «golden age» of their history. It began after the Supreme Decree of 1905 granting religious freedoms for Old Believers and ended after the 1918 Decree of the Council of Peoples Commissars separating the church from the state. Within a short period of time Old Believers built their own temples, published periodicals, developed the system of church forums, strengthened inter-church relations. Besides, a number of autonomous communities and establishments that met essential problems of Old Believers were established.

First of all, the Old Believers developed their own educational system. The Moscow Old Believers community of the Rogozhsky cemetery especially succeeded in all these initiatives. The Rogozhsky community's activities in the sphere of education was the result of its alternative view on learning and its role in a religious society. Besides, the creation of the Old Believers specialized schools was carried out without support of the state, only at the expenses of internal material and human resources of the Community. These factors heighten the interest and relevance of the proposed article. The objective of the paper is to reconstruct and analyze the Old Believers' educational system of the Rogozhsky cemetery, the process of specialized schools establishment and functioning; to identify principles of activity, historical and statistical results as well as historical and organizational problems that emerged in 1905-1907. This article describes the process and challenges of creating the Old Believers' elementary schools and the Town school at the Rogozhsky cemetery. The author involved and systematized all available sources of research both published and unpublished. Namely, three archival fonds, all Old Believers' periodicals published in 1905–1918, modern monographs and studies on the topic were analyzed. The topic has been covered at length, based on the available sources and materials.

Key words: Old Believers, Moscow Old Believer community of the Rogozhsky Cemetery, education, Old Believers' elementary school, Old Believers' specialized schools.

В истории старообрядчества был уникальный период, который длился с 1905 по 1917 г. Прекращение в это время государственного притеснения и признание равноправия старообрядцев в исповедании своей веры послужило их стремительному развитию. Одной из важных и показательных сторон жизни старообрядческого общества является попытка сформировать особую систему образования. Оно было организовано в противовес существующим государственным и церковным образовательным учреждениям и являло собой результат осмысления роли педагогики в религиозном обществе. Старообрядческие образовательные учреждения создавались без поддержки государства, только за счет внутренних материальных и гуманитарных ресурсов.

Особую активность в создании старообрядческих учебных заведений проявляла крупнейшая Московская старообрядческая община Рогожского кладбища (МСОРК). Тема образовательной деятельности МСОРК освещалась многими современными исследователями, в частности, в работах Е.М. Юхименко [1], Д.А. Урушева [2], Р.А. Майорова [3], С.В. Кокорина [4],

М.М. Парийской [5], Е.И. Титовой [6]. Они рассматривали старообрядческое образование на материале известного среднего учебного заведения МСОРК – Московского старообрядческого института, возникшего в 1911 г.

В предлагаемой статье сделана попытка реконструкции и анализа системы начальных учебных заведений в МСОРК в период до организации Старообрядческого института. Одной из главных задач является выяснение, насколько реальными были автономность и независимость старообрядческого образовательного процесса от существующих в то время государственного и церковного образования.

Для достижения поставленных целей в статье значительно расширена (по сравнению с упоминавшимися выше исследованиями) источниковая база, привлечены архивные и документальные материалы. Кроме изучения известного архивного фонда МСОРК (РГБ, НИОР, ф. 246) и Архива Канцелярии Московской старообрядческой архиепископии (РГАДА, ф. 1475) были исследованы материалы из Центрального исторического архива Москвы, а именно, фонд 459 архива Кан-

целярии попечителя Московского учебного округа. Кроме архивных материалов, были привлечены сведения по рассматриваемому вопросу из старообрядческой периодической печати того периода, в частности из журнала «Церковь», газет «Голос старообрядца», «Слово правды» и «Старообрядческая жизнь».

Указ 17 апреля 1905 г. декларировал дарование старообрядцам некоторых гражданских свобод и косвенно затрагивал вопрос о преподавании старообрядцами собственного вероучения. Один из параграфов указа «Об укреплении начал веротерпимости» гласил: «Признать, что во всякого рода учебных заведениях в случае преподавания в них Закона Божия инославных христианских вероисповеданий, таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего вероисповедания»¹.

Попечители «Рогожского Богоделенного дома» (так до 1906 г. официально именовалась Московская старообрядческая община Рогожского кладбища) восприняли это положение Манифеста как сигнал к действию. Община уже имела неудачный опыт организации начальных школ в XIX в. И при появлении новой возможности открывать учебные заведения рогожские старообрядцы проявили особенную заинтересованность.

Юридически формулировка указа «Об укреплении начал веротерпимости» в отношении учебных заведений не была конкретна и требовала разъяснения в подзаконных актах Министерства народного просвещения. Но старообрядцы, не дожидаясь этого, летом 1905 г. обратились к директору народных школ Московского учебного округа с просьбой о разрешении открыть в МСОРК начальную трехлетнюю школу для старообрядцев. И хотя Министерство народного просвещения выпустило директиву об открытии таких школ только 12.02.1906 г.,² директор округа в сентябре 1905 г. разрешил открыть ее на Рогожском кладбище раньше. В школу сразу было набрано 20 мальчиков (об этом см.: [7, с. 354; 8, с. 750–751])³. В ней обучали 3 года и давали минимальные знания чтения, чистописания и Закона Божия. Обучение было платным, но плата была символической – 3 руб. в год. Попечители попытались определить квоту обучающихся в начальном училище и предложили набрать «в 1-м классе 30 учеников от 8 до 10 лет, во 2-м классе 30 учеников 9–12 лет, 3 классе – 20 учеников 10–13 лет»⁴. Эта квота никогда не соблюдалась, обучалось всегда более 40 чел. в одном классе. Как сообщалось в журнале «Церковь», в 1907 г. в начальном училище обучалось 127 учеников [7, с. 354], в 1909 г. – 136 чел. [9, с. 299].

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб., 1908. Т. XXV, № 26126. С. 258.

² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 4347. Л. 1.

³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 246. К. 213. Ед. хр. 34. Л. 3; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 4347. Л. 3.

⁴ РГБ НИОР. Ф. 246. К. 159. Ед. хр. 4. Л. 2.

Первый годовой опыт преподавания в начальной школе поставил перед организаторами вопрос об обучении девочек. Для этого в сентябре 1906 г. по разрешению директора народных школ⁵ была открыта вторая начальная школа – для девочек, в которую приняли 20 учениц. К сентябрю 1907 г. было принято решение объединить начальные школы для мальчиков и девочек в одну начальную смешанную школу. Эта школа, претерпев в дальнейшем небольшие изменения, просуществовала до 1918 г.

Первый опыт создания начального училища при МСОРК показал, что этим уровнем образования не ограничиваются образовательные потребности молодежи. Требовалось более серьезное учебное заведение. Сразу после успешного окончания первого учебного года в начальном училище попечители Рогожского богаделенного дома 26 июля 1906 г. подали управляющему Московским учебным округом прошение с просьбой «разрешить открыть мужское 6-ти классное городское по Положению 1872 г. Старообрядческое училище»⁶. Городское училище – это высшее начальное училище, которое являлось промежуточным звеном между начальными и средними учебными заведениями. Обычный курс Городского училища составлял 6 лет и давал неоконченное среднее образование.

Содержать это училище планировалось за счет попечителей Богаделенного дома. Попечители просили разрешить приступить к занятиям уже с сентября 1906 г. 21 августа 1906 г. было получено разрешение на открытие Городского старообрядческого училища⁷. Главное условие состояло в том, чтобы учителями были выпускники учительских институтов или имеющие учительский ценз.

Такой неожиданный успех поставил перед рогожскими попечителями три насущные проблемы. Во-первых, нужно было срочно составить учебную программу к началу функционирования Городского училища, чтобы не терять начинающийся учебный год. Во-вторых, требовалось создать некий Совет при общине, который занимался бы сугубо делами училища, и, в-третьих, нужно было выполнять поставленное условие по преподавательскому составу.

Вопрос учебно-методической организации решался со всей старообрядческой скрупулезностью. В архивах имеется безымянный проект «Рогожского старообрядческого училища»⁸. Даже без уточнения авторства этого проекта мы можем судить о серьезности первоначальных намерений старообрядцев. Условия поступления и функционирования были стандартными для городских училищ по Положению 1872 г. «Курс учения шестилетний. Для поступления в первый класс требуется знание: по Закону Божию, Символ веры, 10 заповедей, рассказ о важнейших

⁵ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 459. Оп. 4. Д. 4347. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 87. Л. 62–66.

событиях Священной истории; по русскому языку: чтение по-русски и по-церковнославянски, пересказ прочитанного, письменные упражнения; по арифметике: четыре правила по целым числам, письменное и устное решение задач»⁹.

Методические указания этого проекта более интересны. Составленная программа обнаружила, что у старообрядцев нет готовых методических пособий или учебников. Проект предполагал использование существующих к тому времени общеупотребительных учебников и пособий. И даже для преподавания детям старообрядцам старообрядческого Закона Божия в 3-м и 4-х классах предписывалось использовать «учебник, лучший из существующих».

Образовательная планка, поставленная составителями проекта, была достаточно высока. В училище принимались дети от 8 до 10 лет. С первого года обучения в преподавание вводился немецкий язык, а с третьего года – греческий, чего не требовало Положение 1872 г. Кроме языков, в старших классах предполагалось изучение педагогики и бухгалтерии, что также не предписывалось Положением, а предписываемая пунктом 13 гимнастика не была введена. По этому учебно-методическому проекту и начало функционировать Городское училище осенью 1906 г. В первый класс училища было набрано 30 учеников. За обучение устанавливалась плата в 20 руб. в год.

Вторая проблема была решена созданием в конце 1906 г. нового органа, входящего в состав общины – Попечительского совета при училищах МСОРК. Председателем его был избран А.И. Морозов, товарищем председателя стал С.М. Кузнецов¹⁰. В апреле 1907 г. Попечительский совет был утвержден общим собранием МСОРК¹¹. Для юридической легализации нового органа общины в начале 1907 г. попечителю Московского учебного округа был представлен на утверждение полный список членов Попечительского совета при училищах МСОРК. Этот совет при общине будет существовать до конца так называемого золотого века старообрядчества. Показательно, что «штаб-квартирой» Попечительского совета стали не помещения на Рогожском кладбище, а контора Товарищества М.С. Кузнецова.

Третья, основная, проблема, вставшая перед попечителями Рогожской общины после полученного разрешения на открытие городского училища, касалась педагогических кадров. Набрать преподавательский штат, имеющий необходимое образование, только из числа старообрядцев было невозможно. И попечители назначили преподавателями не старообрядцев. Заведующим училищами стал Н.А. Пахорский, а инспектором – Х.Ф. Жеребцов¹².

Из старообрядцев единственным преподавателем, имеющим учительский ценз, являлся известный по нижегородским старообрядческим педагогическим курсам¹³ выпускник Рязанской духовной семинарии Д.Н. Гаретовский. Он преподавал самостоятельно в городском училище церковнославянский и русский языки и вместе со свящ. Иоанном Власовым Закон Божий¹⁴.

Первый опыт функционирования городского училища потребовал некоторой корректировки его деятельности. По окончании первого полугодия инспектор Ф. Жеребцов вышел в Попечительский совет с предложением сократить количество классов в училище. Скорее всего, это было вызвано трудностями с созданием педагогического коллектива и обеспечением училища методическим материалом. Дело в том, что каждый класс городского училища должен был вести отдельный преподаватель. В этот период преподавание в старообрядческих начальной школе и городском училище мало чем отличалось от преподавания в обычных церковно-приходских школах и подобных городских училищах. И это не давало никакого преимущества училищу среди рогожских старообрядцев.

Вот как описывает эту ситуацию старообрядческая газета «Слово правды»:

С началом учебного сезона замечается усиленное просветительное движение среди старообрядцев, как мужчин, так и женщин. Многие поступили в высшие учебные заведения: университет, институты, на курсы, очень многие хлынули в средне-учебные заведения: в гимназии, реальные училища, коммерческие и т.д., масса поступает в городские начальные и четырехклассные училища, а также в церковно-приходские школы. Кроме того, многие группами готовятся на аттестат зрелости; очень многие записались в народный университет. Очевидно, старообрядцы поняли, что своих, специально старообрядческих училищ, им не дожидаться, да их не может быть, чему пример на Рогожском кладбище, где один Закон Божий преподается по-старообрядчески, а время-момент терять нельзя, потому что сейчас без образования хуже, чем без рук: человек никуда не годится. Нельзя поэтому не радоваться единодушным порывам к просвещению московских старообрядцев. Глядя на них, понаехали в Москву учиться многие и из глухих провинций, занимая прямо с бою места во всех средних, низших и высших учебных заведениях Москвы. В частности, на Рогожском кладбище учатся до 30-ти казаков с Кавказа¹⁵.

В такой ситуации поиска оптимальной формы старообрядческого образования Совет согласился с доводами Ф. Жеребцова и реорганизовал училище из шестиклассного в четырехклассное¹⁶. Вообще, уже эта

⁹ Там же. Л. 62.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 4347. Л. 9.

¹¹ Постановление первого общего собрания членов Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища // Слово правды. 1907. № 32. С. 1.

¹² НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. хр. 4. Л. 1; О старообрядческом просвещении // Слово правды. 1907. № 84. С. 1.

¹³ Старообрядческие пастырские курсы в Нижнем Новгороде // Слово правды. 1907. № 23. С. 4.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. хр. 4. Л. 1.

¹⁵ Просветительное движение среди московских старообрядцев // Слово правды. 1907. № 80. С. 1.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. хр. 4. Л. 1.

деятельность старообрядцев в образовательной сфере свидетельствует об активном поиске ими формата и своеобразной пропаганде необходимости старообрядческого образования. Как отмечалось в упомянутой заметке, старообрядцы России в целом и Москвы в частности на протяжении XIX – начала XX в. не чурались имеющихся возможностей образования и обучались в существующих на тот момент учебных заведениях всех уровней. Эта складывающаяся десятилетиями тенденция не могла в одночасье измениться вследствие вдруг появившихся старообрядческих училищ. Требовалось постепенное внедрение старообрядческих училищ в существующую систему государственного образования и повышение конкурентоспособности этих училищ относительно существующих государственных. Необходимо было сформулировать отличия старообрядческого образования и донести это мнение до населения.

Понимая ситуацию, старообрядцы Рогожской общины пытались внедрить элементы старообрядческого образования во все учебные заведения, в которых обучались дети старообрядцев. В середине 1906 г. рогожские попечители обратились к руководителю Московского учебного округа с просьбой о предоставлении права старообрядцам приглашать во все учебные заведения, где обучаются старообрядцы, своих законоучителей для преподавания Закона Божия по старообрядческой программе. И эта просьба была удовлетворена. Начиная с сентября 1906 г. доступ старообрядческим законоучителям был открыт во все учебные заведения Москвы, где обучались старообрядцы¹⁷.

Следует отметить, что эта возможность использовалась крайне редко. Видимо, ученики-старообрядцы не желали афишировать своей религиозной принадлежности, а их родители не видели необходимости создавать отдельные группы для изучения Закона Божия в казенных заведениях. Вместе с тем старообрядцы не имели достаточного количества подготовленных священников-преподавателей, чтобы откликнуться на приглашения, которые поступили от некоторых училищ.

Другим важным направлением развития и распространения старообрядческого образования для Рогожской общины была подготовка собственных педагогических кадров. Старообрядцы понимали, что Городское училище этой проблемы не решит. «Рогожское 4-х классное училище высшего типа одно такое на всю Россию. Это училище подготовительное к различным средне-учебным заведениям, а также к конкурсному экзамену в учительский институт. Само же оно прав народного начального учителя не дает: требуется дополнительный экзамен»¹⁸.

Училище могло выпускать несовершеннолетних юношей, которым следовало затем продолжать свое

образование. А проблему педагогических кадров следовало решать очень оперативно. Понимая это, старообрядцы искали варианты для обучения и собственной «сертификации» преподавателей. Первое предложение для решения этой проблемы внес Д. Гаретовский. Он представил Попечительскому совету «Доклад о вечерних курсах для взрослых в училищах при Богаделенном доме»¹⁹. На этих курсах предполагалось в краткие сроки готовить старообрядческих вероучителей, а также помогать желающим сдать экзамен на учительский ценз.

Юридически предложение Д. Гаретовского имело основание в «Положении о Городских училищах от 1872 г.». Пункт 47-й гласил: «При всех городских училищах, по желанию местного общества и на его счет, могут быть устраиваемы, с разрешения попечителя Учебного округа, воскресные и вечерние курсы для взрослых, в которых преподают учителя этих училищ за особое вознаграждение, по соглашению с обществом»²⁰. Гаретовский и предлагал воспользоваться этой возможностью. Но Попечительский совет проголосовал против его инициативы.

С поступлением в сентябре 1907 г. Д. Гаретовского в Московский университет ситуация в городском училище осложнилась. В нем не осталось преподавателей-старообрядцев с академическим образованием. В поисках подходящего кандидата на замещение должности Гаретовского Попечительский совет в августе 1907 г. пригласил для работы в училищном совете из Киева 24-летнего старообрядца, выпускника историко-филологического факультета Московского университета А.С. Рыбакова, которому предстояло сыграть значительную роль в организации старообрядческого образования в МСОРК в 1908–1915 гг.²¹ Свою деятельность он начал с организации старообрядческих педагогических курсов.

Как бы то ни было, за три года активной образовательной деятельности община Рогожского кладбища приобрела серьезный организационный опыт. Был достигнут определенный результат образовательных начинаний – открыты начальная школа и городское училище. Когда же дело от деклараций о необходимости собственных образовательных учреждений перешло к практическому осуществлению, стали понятны ближайшие цели и методы их достижения. Попечители на деле поняли необходимость появления квалифицированных педагогов, которые могли бы гарантировать высокий уровень образования. Выяснилось, что образовательный запрос старообрядческого общества намного выше того, что могла предложить община. И это понимание стало причиной создания более солидных образовательных учреждений. Кроме того, сложился основной костяк спонсоров и педагогов, которые не боялись экспериментировать и осуществлять задуманное.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 6071. Л. 1–2.

¹⁸ О старообрядческом просвещении // Слово правды. 1907. № 84. С. 1.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. хр. 5. Л. 6.

²⁰ ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1875. Т. XLVII. № 50909. С. 732.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. хр. 4. Л. 6.

С другой стороны, стало понятно, что никакой особенной старообрядческой педагогической системы пока не существует. Нет особых методических пособий, учебников, программ. Рогожские старообрядческие училища находились под жестким контролем Министерства народного просвещения, создавались строго по нормативным требованиям светских властей. Образовательный процесс в них обеспечивался существующими в то время старообрядческими учебно-методическими пособиями, чаще всего преподавали педагоги не старообрядцы. Не было четкого понимания, чем же на практике старообрядческое образование должно и может отличаться от общепринятых образовательных систем.

Следует отметить относительно небольшое число обучающихся в старообрядческих учреждениях. Эти учебные заведения в таком варианте не пользовались большим спросом в среде московских старообрядцев, которые уже привыкли обучаться в «иноверной» среде. Подобная дискредитация старообрядческих образовательных инициатив могла сыграть отрицательную роль в дальнейшей педагогической деятельности старообрядцев. Но старообрядцы все же ждали от собственных школ развития и определенных результатов, что и произошло после 1907 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 280 с.
2. Урушев Д.А. Опыт старообрядческого богословско-учительского института в Москве (нач. XX в.) // Традиции духовного образования в старообрядчестве: история, современность, перспективы. Ржев, 2003.
3. Майоров Р. Московский старообрядческий институт и Московское старообрядческое духовное училище: сравнительный анализ опыта старообрядческого образования // Культура русских-липован в национальном и международном контексте: сб. докл. и сообщ. Междунар. науч. симпозиума ОРЛР. Бухарест: С.Р.Л.Р., 2013. Вып. 6. С. 305–311.
4. Кокорин С.В. К вопросу создания системы образования русского старообрядчества: Старообрядческий институт в Москве (1912–1918 гг.) // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 2000. Вып. 3. С. 21–29.
5. Парижская М.М. Старообрядческая система образования в начале XX века // Философско-исторические основы общего образования в России. М., 2002. С. 268–274.
6. Тутова Е.И. Взаимоотношения власти и старообрядчества в вопросе образования в XIX–XX вв. на примере Вятского региона: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2010. 246 с.
7. Общее собрание членов старообрядческой общины Рогожского кладбища // Церковь. 1909. № 10. С. 354.
8. Экзамены в старообрядческой школе в Москве // Церковь. 1908. № 21. С. 750–751.
9. Общее собрание членов Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища // Церковь. 1910. № 11. С. 299.

REFERENCES

1. Uchimenko E.M. Old believers center for Rogozhsky Outpost. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2012. 280 p. (In Russ.)
2. Urushev D.A. Experience of the old believers theological teaching institute in Moscow (early twentieth century). *Tradicii duhovnogo obrazovanija v staroobrjadchestve: istorija, sovremennost', perspektivy*. Rzhew, 2003, pp. 19–23. (In Russ.)
3. Majorov R. Moscow old believers' Institute and the Moscow old believers' religious school: a comparative analysis of the experience of the old believers education. *Kul'tura russkih-lipovan v nacional'nom i mezhdunarodnom kontekste*. Sbornik dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma ORLR. Buharest: C.R.L.R., 2013, v. 6, pp. 305–311. (In Russ.)
4. Kokorin S.V. By the establishment of the system of education of Russian Old Believers: Old Believers Institute in Moscow (1912–1918). *Aktual'nye problemy otechestvennoj i vseobshhej istorii*. Moscow, 2000, no 3, pp. 21–29. (In Russ.)
5. Parijskaja M.M. Old Believers education system in the early XX century. *Filosofsko-istoricheskie osnovy obshhego obrazovanija v Rossii*. Moscow, 2002, pp. 268–274. (In Russ.)
6. Titova E.I. The relationship between power and the Old Believers in the issue of education in the XIX–XX centuries, the example Vjatskogo: Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Kirov, 2010, 246 p. (In Russ.)
7. General meeting of the members of the old believer community Rogozhsky cemetery. *Cerkov-Churce*. Moscow, 1909, no 10, p. 354. (In Russ.)
8. Exams in old believers' school in Moscow. *Cerkov-Churce*. Moscow, 1908, no 21, pp. 750–751. (In Russ.)
9. General meeting of members of the Moscow old believers' community Rogozhsky cemetery. *Cerkov-Churce*. Moscow, 1910, no 11, p. 299. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.01.2015

УДК 94(476).083(093)

А.А. КУХАРЕНКО

**ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ**

Артур Андреевич Кухаренко,
аспирант, ведущий специалист Белорусского государственного университета (БГУ),
220030, Республика Беларусь, Минск, просп. Независимости, 4,
e-mail: KuharenkAA@bsu.by

В историографии, посвященной деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси, сложились противоположные мнения и подходы. В советской исторической науке преобладала негативная оценка деятельности банка, которая была названа одной из причин разорения крестьянского хозяйства. Современная историография отказалась от однозначной критики банка: доказано, что банку отводилась важная роль в процессе формирования системы частного крестьянского землевладения, но вместе с тем тезис о защите банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян не был опровергнут. Деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси стала отдельным предметом исследования только в ряде статей белорусских историков. В связи с этим интерес к данной проблеме приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: Крестьянский поземельный банк, белорусская и зарубежная историография, досоветская, советская и современная историография.

А.А. KUKHARENKO

THE HISTORIOGRAPHY OF THE PEASANT LAND BANK ACTIVITY IN BELARUS

Artur Andreevich Kukharenko,
Postgraduate Student, Leading Researcher
Belarusian State University (BSU)
4, Nezavisimosti Av., Minsk, Republic of Belarus, 220030
e-mail: KuharenkAA@bsu.by

One of the first attempts to weaken the land hunger of peasants was organizing a long-term loan for land acquisition. For this purpose the Peasant Land Bank was established in the Russian Empire. It was engaged in issuing loans for land purchase, land management activity, estates purchase and sale, charities. All these activities allowed it to become one of the Russian autocracy's main tools of agrarian policy in late XIX – early XX centuries. The experience of bank involvement in the agrarian problem solution was unparalleled in the world practice. The author analyzes the level of knowledge about this problem in the Belarusian and foreign historiography. Thus, specifics of the Peasant Land Bank activities in the agrarian sector of Belarusian lands remain one of the understudied problems. Currently there is a need for revision of established approaches to studying the Peasant Land Bank activity formulated in the Soviet historical science. The Peasant Land Bank played the leading role in spreading the individual land property of peasants. The state mortgage had a positive impact on the growth of peasant land ownership, which contributed to capitalism development and elimination of feudal vestiges in the agriculture of the Russian Empire.

Key words: Peasant Land Bank, Belarusian and foreign historiography, pre-Soviet, Soviet and modern historiography

В конце XIX – начале XX в. деятельность Крестьянского поземельного банка стала приоритетным направлением исследования для многих известных ученых, которые связывали с ним возможное решение аграрного вопроса в Российской империи. Историки, экономисты, юристы давали различные оценки деятельности банка и предлагали пути совершенствования организации кредита. После того как деятельность банка была прекращена, он стал предметом

исследования преимущественно историков, которые ставили цель – определить роль банка в решении аграрного вопроса.

Историографию по исследуемой проблеме можно разделить на досоветскую, советскую и современную. Хронологические рамки досоветской историографии охватывают период с первой половины 1880-х гг. до 1917 г. Советская историография делится на два этапа: 1917 г. – первая половина 1950-х гг.; вторая половина

1950-х – 1980-е гг. Современная историография берет свое начало с 1990-х гг.

Первые работы, посвященные Крестьянскому поземельному банку, появились в досоветской историографии в начале 1880-х гг. Деятельность банка рассматривалась в масштабе всей Российской империи без выделения ее региональных особенностей. Рассматривая создание банка как продолжение реформы 1861 г. и связывая с его деятельностью возможное решение аграрного вопроса, исследователи давали разные оценки его деятельности. Эта разница в оценках была обусловлена тем, что каждый из исследователей имел свой взгляд на решение аграрного вопроса в Российской империи (В.И. Богословский, С.В. Витте, М.Я. Герценштейн, М.И. Горемыкин, В.И. Гурко, А.Н. Гурьев, А.С. Ермолов, А.Н. Зак, Н.П. Заломанов, С.К. Кузнецов, Н.Н. Кутлер, А.П. Никольский, С.Н. Прокопович, А.А. Салтыков, П.Н. Семенов и др.).

Одну из первых попыток обобщить опыт деятельности Крестьянского поземельного банка предпринял А.Н. Зак. По его мнению, банк стал «орудием правительства», регулирующим переход в руки крестьян земель дворянского сословия. Несмотря на это, банк не смог решить стоявшего на повестке дня аграрного вопроса. Основная причина заключалась в том, что деятельность банка подчинялась интересам помещиков в ущерб крестьянам. А.Н. Зак обратил внимание на особое положение белорусских губерний, где решалась «важная политическая задача – создание прочной национальной оседлости – за счет продажи подобных участков поселенцам русского происхождения» [1, с. 267].

Советская историография выбранной темы исследования формировалась под влиянием негативной оценки деятельности Крестьянского поземельного банка, данной В.И. Лениным. Он раскритиковал банк за финансовую поддержку дворянства посредством покупки у того земли по завышенным ценам. Не случайно В.И. Ленин, упоминая Крестьянский поземельный банк, слово «крестьянский» ставил в кавычки, а в скобках писал – «читай: помещичий». Впоследствии этой оценки придерживались практически все советские ученые.

В 1917 – первой половине 1950-х гг. деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Белоруссии рассматривалась в рамках обобщающих работ по ее истории, а также отдельных исследований по крестьянскому движению и столыпинской аграрной реформе. При этом белорусские отделения банка по-прежнему не были предметом отдельного изучения.

Одним из первых, кто затронул проблему участия Крестьянского поземельного банка в решении аграрного вопроса на территории белорусских губерний, стал М.В. Довнар-Запольский. Он пришел к выводу, что политика банка «в общем была весьма благоприятна для развития крестьянского землевладения» [2, с. 41]. Говоря о формальном преобладании среди покупателей банка безземельного, малоземельного и

среднякакого «элемента», М.В. Довнар-Запольский отметил, что земельное обеспечение крестьянского хозяйства, хотя и являлось важнейшей его основой, однако не было единственным показателем дифференциации крестьянства [2, с. 46]. Более того, по мнению ученого, «настоящий деревенский пролетарий все же не мог приобретать земли даже при льготах банка». М.В. Довнар-Запольский при этом подчеркнул, что он не располагал достаточным количеством источников, чтобы решить вопрос о дифференциации клиентов банка [2, с. 46].

В.И. Пичета, рассматривая деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси, полагал, что земля, купленная через банк, являлась «паллиативом» и не могла удовлетворить потребность крестьян в расширении крестьянского землевладения [3, с. 85–86]. Он подсчитал, что по количеству земельных покупок крестьян Витебская губерния занимала последнее место среди белорусских губерний [3, с. 85]. Однако он не сделал ссылок на использованные источники, что снижает значимость приведенных им сведений.

Анализируя деятельность белорусских отделений Крестьянского поземельного банка, В.М. Игнатовский пришел к выводу, что банк «не столько помог малоземельным, сколько помог расслоению белорусской деревни» [4, с. 180]. Зажиточное крестьянство покупало землю, а земля, приобретенная при содействии банка крестьянской беднотой, в связи с неаккуратным погашением задолженности возвращалась назад в банк. Ученый также привел пример, что на Минщине через банк было куплено земли только около 500 дес. Однако он не указал, какими источниками воспользовался, какой период и какое административно-территориальное образование Российской империи были проанализированы.

Д.А. Дудков показал роль Витебского отделения Крестьянского поземельного банка в реализации столыпинской аграрной реформы. Трудно согласиться с утверждением автора, что деятельность банка подчинялась интересам помещиков в ущерб крестьянам. Этот тезис основывается на том, что деятельность банка обусловила рост земельных цен в конце XIX – начале XX в. [5, с. 77]. При сопоставлении цен по посредническим сделкам банка и цен, которые выставлялись при ликвидации банковских имений, данный тезис не выдерживает критики.

К.И. Кернажицкий провел анализ аграрной политики самодержавия накануне Первой мировой войны. Он повторил распространенный в советской историографии тезис о защите банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян. Рассматривая динамику роста цен на землю, К.И. Кернажицкий пришел к заключению, что «банк по-настоящему помогал не крестьянам выгодно покупать свои земли, а пану-помещику продавать земли, и только по названию был крестьянским» [6, с. 16].

Со второй половины 1950-х гг. начался новый этап в советской историографии. Изучение аграрной истории

Белоруссии пореформенного периода стало более разносторонним и гибким. Деятельность Крестьянского поземельного банка рассматривалась не только в рамках обобщающих работ по истории региона, специальных исследований по крестьянскому движению и столыпинской аграрной реформе, ее стали изучать в качестве предмета отдельного исследования (С.М. Байкова (Самбук), З.И. Гиаргидзе, Г.С. Евдокименко, А.И. Кожушков, Л.П. Липинский, И.И. Саладков, Т.Е. Солодков, Э.Ф. Хромова, К.И. Шабуня, З.В. Шибeko и др.).

В 1960-е гг. предпринимались попытки комплексного изучения деятельности Крестьянского поземельного банка на белорусских землях. В коллективную работу отечественных экономистов-историков «Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917» был включен раздел «Кредит и банки» (автор – З.И. Гиаргидзе). Кроме того, вышла из печати статья З.И. Гиаргидзе «Сялянскі паземельны банк у Беларусі (1883–1917 гг.)». Основным выводом, сделанный в указанных исследованиях, сводился к тому, что деятельность банка носила противоречивый характер. Разрушая старое феодальное хозяйство и способствуя развитию капитализма, банк в то же время поддерживал помещичий строй и следил за исправным поступлением огромных денежных средств в свое распоряжение. Однако З.И. Гиаргидзе не учел, что сумма ежегодных поступлений в банк складывалась из нескольких слагаемых: от заемщиков, арендаторов банковской земли, лесного ведомства, государственного казначейства и т. п.

В «Истории Белорусской ССР» дана оценка роли деятельности Крестьянского поземельного банка в проведении столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси. Авторы попытались доказать, что на Крестьянский поземельный банк была возложена задача «продажи зажиточным крестьянам дворянских земель, нарезанных хуторами, по выгодным для дворян ценам». Они подсчитали, что с 1906 по 1911 г. цены на землю, которую продал банк, выросли почти на 20 %.

Коллективный обобщающий труд «Очерки развития финансов и кредита в Белоруссии» посвящен исследованию истории финансово-кредитной системы Беларуси. В работе была показана структура кредитной системы белорусских губерний и определено место, которое занимал в ней Крестьянский поземельный банк. Главным недостатком исследования являются его хронологические рамки, которые охватывают лишь незначительный период деятельности банка (1900–1917 гг.).

Современная историография (с 1990-х гг.) качественно отличается от предшествующих периодов изучения деятельности Крестьянского поземельного банка. Несмотря на то, что белорусские ученые отказались от одностороннего подхода к исследуемой теме, в историографии доминирует мнение о защите банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян.

В обобщающих работах по истории Беларуси деятельность Крестьянского поземельного банка рассматривалась в контексте социально-экономического развития белорусских губерний. В этих работах пока-

зана деятельность банка по увеличению индивидуальной земельной собственности крестьян, прослежена эволюция социальной структуры сельского населения, связанная с разложением феодальных сословий и формированием на их основе крестьянской буржуазии и сельского пролетариата.

В.П. Панютнич пришел к выводу, что деятельность Крестьянского поземельного банка способствовала увеличению земельной собственности и укреплению хуторского хозяйства зажиточных верхов крестьянства, но тем не менее аграрный вопрос на территории Беларуси не был решен. Вместе с тем ученый повторяет ошибочный тезис о защите банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян [7]. В.П. Панютнич сумел показать степень изученности проблемы участия Крестьянского поземельного банка в решении аграрного вопроса на территории Беларуси [8]. Он развернул дискуссию вокруг работ Х.Ю. Бейлькина, С.В. Гаштольда и М.В. Довнар-Запольского, затрагивающих вопрос дифференциации клиентов белорусских отделений банка.

Х.Ю. Бейлькин показал влияние аграрного кризиса конца XIX в., капиталистической трансформации сельского хозяйства Беларуси и состояния сельскохозяйственного рынка на деятельность Крестьянского поземельного банка. Ученый пришел к выводу, что ценовая политика банка должна была облегчить положение помещиков, не сумевших в ходе аграрного кризиса конца XIX в. перестроить свои хозяйства на рыночный лад [9, с. 54].

Ю.Л. Грузицкий определил особенности становления и развития банковской системы Беларуси, а также выделил ее структурные элементы. Он уделил особое внимание деятельности Крестьянского поземельного банка. По его мнению, банк сыграл одну из ведущих ролей в политике правительства Российской империи по разрешению давно назревшего аграрного вопроса благодаря формированию системы частного крестьянского землевладения в белорусских губерниях. Кредитная и землеустроительная деятельность банка ускорила мобилизацию земельной собственности, способствовала активному участию широких слоев земледельцев в сельскохозяйственном производстве. Это вело к ликвидации феодально-сословных пережитков, утверждению рыночных начал в аграрном секторе [10]. За рамками исследования осталась благотворительная деятельность банка. Кроме того, приблизительные расчеты экономических показателей деятельности банка, которые предпринял Ю.Л. Грузицкий, требуют дальнейшего уточнения.

Е.А. Бруханчик (Дроздова) показала социально-экономические условия формирования банковской системы Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., становление и развитие банковской системы Беларуси, влияние банковской системы на социально-экономическое развитие страны. Она ввела в научный оборот значительное количество архивных источников, в том числе по Крестьянскому поземельному банку, использовала математические методы их

обработки. она справедливо полагает, что «благодаря деятельности Крестьянского поземельного банка белорусские крестьяне смогли приобрести земельную собственность, провести сельскохозяйственные улучшения, купить технику для обработки земли и породистых животных» [11, с. 10].

В.Л. Носевич осуществил анализ земельных покупок крестьян при содействии Минского отделения Крестьянского поземельного банка на примере Кореньщины – микрорегиона в центральной части Беларуси. Автор не только определил условия заключенных сделок, но и выявил особенности хозяйствования крестьян на землях, купленных с помощью банковской ссуды [12].

С.М. Токть рассматривал аграрный вопрос западно-белорусской деревни в контексте социально-культурных процессов второй половины XIX – первой трети XX в. Он выделил несколько «жизненных стратегий» крестьян, среди которых особое место занимала покупка крестьянами части помещичьей земли. Проанализировав земельные покупки крестьян Гродненской губернии, автор пришел к выводу, что «использование ссуд Крестьянского поземельного банка на практике для большинства крестьян выглядело нереальным» [13, с. 58].

А.А. Кухаренко выделил периоды и направления деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка, исследовал национально-конфессиональный состав клиентов банка, особое внимание уделил взаимодействию местных отделений банка с землеустроительными комиссиями и земскими учреждениями. Кроме того, рассматривалось влияние деятельности белорусских отделений банка на рост крестьянского землевладения, стабилизацию земельного рынка и ход реализации столыпинской аграрной реформы [14].

Отдельного упоминания заслуживают авторы работ, в которых анализируется деятельность белорусских отделений Крестьянского поземельного банка в рамках изучения истории денежно-кредитных учреждений губернских городов. Среди белорусских исследователей, принимающих участие в разработке этого направления, необходимо упомянуть А.Н. Баюру, О.И. Бубновича, Т.В. Варонич, А.К. Гецевича, М.В. Жарского, Э.Г. Иоффе, А.Л. Киштымова и З.В. Шибeko.

В современной российской историографии прослеживаются тенденции к изучению деятельности Крестьянского поземельного банка на территории отдельных регионов Российской империи (О.С. Павлова, Н.А. Устина, С.А. Фролов и др.), анализу правовых аспектов деятельности банка (С.С. Акманов и др.), количественному анализу статистических источников банка (С.А. Саломатина и др.), изучению экономических основ деятельности банка (Е.В. Кисмина и др.), определению роли банка в реализации столыпинской аграрной реформы (П.Н. Зырянов, И.Д. Ковальченко, В.Г. Тюкавкин и др.). Однако особенности деятельности белорусских отделений банка остаются за рамками большинства исследований.

Крупный вклад в изучение деятельности Крестьянского поземельного банка внесла Н.А. Проскурякова. Она сумела показать, что банк занимал особое место в системе поземельного кредита и играл ведущую роль в решении правительством аграрного вопроса. Этот вывод был сделан ею относительно всей территории Российской империи. Вместе с тем Н.А. Проскурякова установила, что главной сферой деятельности банка в 1880–1890-е гг. являлись южные степные, украинские и белорусские (Минская, Витебская, Могилевская) губернии [15, с. 68].

В современной украинской историографии интерес к изучению деятельности Крестьянского поземельного банка активизировался во второй половине 1990-х гг. Исследователи по-разному оценивают деятельность банка как инструмента столыпинской аграрной реформы. В.В. Бочаров, И.М. Власюк, О.Н. Приймак и В.Д. Терещенко положительно оценивают проведенную банком работу. Ю.И. Вовк и Л.Р. Игнатова, напротив, критикуют банк за жесткие для крестьян условия выдачи ссуд. Причем географические рамки большинства исследований охватывают только территорию Украины.

Деятельность Крестьянского поземельного банка нашла отражение в многочисленных публикациях, которые выходят в США, Японии, Китае и других странах. Например, в статье японского исследователя М. Кимитака «Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция» (1992) показана роль Крестьянского поземельного банка, землеустроительных комиссий, земских и кооперативных учреждений в реализации столыпинской аграрной реформы.

Таким образом, в досоветской историографии деятельность Крестьянского поземельного банка рассматривалась в масштабах Российской империи без выделения каких-либо ее особенностей на территории белорусских губерний. Для советской историографии характерным является односторонний подход к изучению деятельности банка. В то время считалось, что банк защищал интересы помещиков в ущерб интересам крестьян. Большинство работ, в которых ученые обращались к этой проблеме, были посвящены крестьянскому движению или столыпинской аграрной реформе, а деятельность банка на территории Белоруссии освещалась лишь фрагментарно. В связи с изучением деятельности местных отделений банка была начата работа над большим массивом архивных материалов. В отличие от советской историографии, в которой деятельность банка трактовалась в качестве одной из главных причин разорения крестьянского хозяйства, современная историография отказалась от такого рода критики в адрес банка. Ученые сумели доказать, что банку отводилась ведущая роль в процессе формирования системы частного крестьянского землевладения. Однако тезис о защите банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян по-прежнему преобладает в белорусской исторической науке. В связи с этим изучение вопроса о роли деятельности банка в решении аграрного вопроса на территории Беларуси не теряет свою актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зак А.Н. Крестьянский поземельный банк. 1883–1910. М., 1911.
2. Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. Мн., 1926.
3. Пичета В.И. История белорусского народа. Мн., 2003.
4. Ігнатоўскі У.М. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя. Мн., 1928.
5. Дудкоў Д.А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерні. Мн., 1931.
6. Кернажыцкі К.І. Да гісторыі аграрнага руху на Беларусі перад імперыялістычнай вайной. Мн., 1932.
7. Панютіч В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1961–1900 гг. Мн., 1990.
8. Панютіч В.П. Историография аграрной истории Беларуси, 1861–1917 гг. Мн., 2005.
9. Бейлькин Х.Ю. Капиталистическая трансформация сельского хозяйства Беларуси в начале XX века (1901–1914 гг.). Гомель, 2006.
10. Грузицкий Ю.Л. Деятельность Крестьянского поземельного банка в белорусских губерниях и реформа Столыпина // Вестн. Ассоциации белорусских банков. 2009. № 13. С. 25–29.
11. Дроздова Е. А. Банковская система и ее роль в социально-экономическом развитии Беларуси (1861–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 2010.
12. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Мн., 2004.
13. Токць С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў. Другая палова XIX – першая траціна XX ст. Мн., 2007.
14. Кухарэнка А.А. Дзейнасць Сялянскага паземельнага банка на тэрыторыі Беларусі (1883–1914 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2013. № 6. С. 11–18.
15. Прокурякова Н.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1916 гг.) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 66–82.

REFERENCES

1. Zach A.N. Peasant Land Bank. 1883–1910. M., 1911. (In Russ.)
2. Dovnar-Zapolsky M.V. The national economy of Belarus, 1861–1914. Mn., 1926. (In Russ.)
3. Picheta V.I. History of the Belarusian people. Mn., 2003. (In Russ.)
4. Ignatovsky V.M. History of Belarus in the XIX and early XX century. Mn., 1928. (In Russ.)
5. Dudkov D.A. Stolypin reform in Vitebsk province. Mn., 1931. (In Russ.)
6. Kernazhytsky K.I. The history of the agrarian movement in Belarus before the imperialist war. Mn., 1932. (In Russ.)
7. Panyutich V.P. Socio-economic development of the Belarusian village in 1961–1900. Mn., 1990. (In Russ.)
8. Panyutich V.P. Historiography of the agrarian history of Belarus, 1861–1917. Mn., 2005. (In Russ.)
9. Beylkin H.J. The capitalist transformation of agriculture in Belarus at the beginning of the XX century (1901–1914). Gomel, 2006. (In Russ.)
10. Gruzitsky J.L. The activities of the Peasant Land Bank in Belarusian provinces and Stolypin reform. *Vestnik Associacii beloruskich bankov*. 2009, no 13, pp. 25–29. (In Russ.)
11. Drozdova E.A. Banking system and its role in the socio-economic development of Belarus (1861–1914). Mn., 2010. (In Russ.)
12. Nosevich V.L. Traditional Belarusian village in a European perspective. Mn., 2004. (In Russ.)
13. Tokts S. Belarusian village in the era of change. The second half of XIX – the first third of the twentieth century. Mn., 2007. (In Russ.)
14. Kukharenska A.A. The activities of the Peasant Land Bank in Belarus (1883–1914). *Belaruski histarychny chasopis*. 2013, no 6, pp. 11–18. (In Russ.)
15. Proskuryakova N.A. Peasant Land Bank (1883–1916). *Otechestvennaya istoriya*. 1998, no 3, pp. 66–82. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.12.2014

УДК 94(47).083

А.Б. ХРАМЦОВ

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ (1905–1917 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Александр Борисович Храмов,
канд. ист. наук, доцент
Тюменский государственный архитектурно-
строительный университет (ТюмГАСУ)
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, 2
e-mail: khramtsov_ab@bk.ru

В статье представлен историографический анализ трудов исследователей об участии органов городского самоуправления Сибири в общественно-политическом процессе 1905–1917 гг. Сегодня ученые высказывают разные точки зрения по данной теме: авторы либерального направления подчеркивают активную политическую позицию городских управлений, а консервативный лагерь отстаивает сословно-корпоративную суть самоуправления. Наблюдалось два витка усиления политизации городских дум, вызванных Первой русской революцией (1905–1907 гг.) и Первой мировой войной (1914–1917 гг.). Обсуждаются проблемы современной историографии по данной теме, обозначены направления дальнейшего ее изучения.

Ключевые слова: органы городского самоуправления, городские думы, политизация, общественно-политические процессы, демократизация, Сибирь.

A. B. KHRAMTSOV

**PARTICIPATION OF MUNICIPAL GOVERNMENTS
IN THE SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF SIBERIA (1905-1917):
HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

Alexander Borisovich Khramtsov
Candidate of historical Sciences
Associate Professor
Tyumen State Architectural University (TyumGASU),
625001, Tyumen, Lunacharsky st., 2
e-mail: khramtsov_ab@bk.ru

The article examines the scientific works on the municipal government participation in the social and political process of Siberia in 1905-1917. Contemporary researchers express different views on the subject: liberal authors underline an active political position of municipal departments, conservatives defend the class-corporate nature of self-government. There were two periods marked by the growing politicization of city councils and caused by the first Russian revolution (1905-1907) and the First World War (1914-1917) respectively.

For a long time both Russian and Western historians have approached this issue from a strict ideological standpoint. At the present stage of historiography development there is an opportunity to conduct an objective study due to the methodological pluralism and declassification of archival collections. According to the majority of historians, the old traditions of municipal self-government are reproduced in the modern context: some elements of the modern municipal government resemble those from the pre-Soviet model of self-government. Previously the city councils functioned under the strict control of provincial administration. Currently there is also a tendency of incorporating the local authorities into the state hierarchy.

The First Russian revolution "pushed" local governments to more active political actions. Dumas acted as coordinators of public organizations. They started to participate in solution of problems, which were in the public authority competence. They got involved in solving the problems that had been placed under the jurisdiction of state authorities. This in turn helped to raise the level of civil consciousness and legal culture of population in many Siberian cities.

The author concludes that the problem diversity requires expanding the field of study in terms of its chronological and thematic frameworks.

The analysis shows that researchers mostly focused on a limited number of Siberian cities, so the data dynamics cannot be observed. The history of municipal governments and city councils participation in the political life of Siberia is investigated selectively (mainly in large cities). Municipalities' political activity requires a detailed, interdisciplinary, comparative and comprehensive study.

Key words: municipal governments, city councils, politicization, social-political processes, democratization, Siberia.

Общественно-политическая деятельность органов городского самоуправления рассматривается обычно как совокупность конкретных акций по достижению различных целей политической жизни, что проявлялось в участии на постоянной основе в работе исполнительных комиссий, присутствия и советов, благотворительных и правозащитных объединений, в содействии организации различных структур с целью самореализации граждан (инициативные группы давления, общественные экспертные советы и т. п.), в формировании общественного мнения, в выдвижении своих кандидатов на ведущие посты, а также в политической конфронтации с административной властью.

Городское самоуправление в различных формах действует в России более 140 лет, пережив множество реформ, включая кардинальные (1917–1918 и 1991–1993 гг.), в ходе которых смена политического режима приводила к ликвидации системы муниципального управления, а затем ее организации на новых началах. Длительное время и российские, и западные историки подходили к этим проблемам крайне идеологизированно. На современном этапе развития историографии благодаря рассекретиванию многих архивных фондов появилась возможность переосмыслить взаимоотношения

органов городского самоуправления с правительством, характеристики группировок гласных в думах, влияние партийных организаций на деятельность последних, роль городских властей в урегулировании забастовок и демонстраций. В настоящее время исследователи придерживаются разных концепций и подходов в оценке участия органов городского самоуправления имперской России в общественно-политическом процессе страны.

По мнению большинства ученых, сегодня можно говорить о преемственности традиций в этой сфере: во-первых, основные элементы (структурные, функциональные и др.) современной муниципальной модели управления совпадают с досоветской; во-вторых, городские управления функционировали под жестким контролем губернской администрации [1; 2]. В современном обществе наблюдается тенденция встраивания местных органов власти в государственную вертикаль [3]; в-третьих, дореволюционные городские думы почти всецело защищали интересы торгово-промышленных кругов. И сегодня в городских и региональных законодательских собраниях преобладают директора крупных предприятий и представители бизнес-элиты, что дает им возможность «конвертировать» власть в преимущества для своих предприятий [4, с. 40].

Анализируя изданные в последние годы монографии, статьи и материалы научно-практических конференций, можно выделить два основных подхода к избранной теме, которая рассматривается, как правило, в русле концепций модернизации власти и реформ, альтернатив исторического пути России, с позиций социальной истории. В работах либеральной группы исследователей (А.А. Валитов, С.В. Макаrchук, Д.В. Филиппов, О.А. Харусь, М.В. Шиловский и др.) органы городского самоуправления Сибири изображены как активный участник общественно-политического движения начала XX в. Например, по мнению Б.Н. Миронова, городские думы после 1870 г. утратили свой двойственный характер учреждений – государственных и общественных: «с этого времени они стремились отстаивать только общественные интересы и ради этого готовы были вступать в конфликт с коронной администрацией» [5, с. 500–502].

В качестве обоснования такой точки зрения приводятся данные журналов заседаний городских дум, из которых следует, что в период революции 1905–1907 гг. городские думы стали более активно включаться в политическую деятельность. Они взяли на себя инициативу разработки реформ совершенствования государственного благоустройства и самоуправления на местах. О.А. Харусь утверждает, что доминирующей идеей в работе томских, красноярских, тобольских, тюменских, барнаульских гласных становится организация выборов народных представителей на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании, полной свободе предвыборных собраний, слова и печати при гарантии неприкосновенности личности [6, с. 97–99, 101].

Другая группа ученых (например, К.А. Анкушева, Л.Р. Габдрафикова, Л.А. Еремина, И.А. Коновалов, К.В. Лен) считает, что органы городского самоуправления не проявляли особой политической активности, не имели права принимать резолюций (воззваний, лозунгов), участвовать в забастовках и демонстрациях, так как действовали в рамках законодательства, по которому к их компетенции относились исключительно вопросы местного хозяйства. Консервативный лагерь исследователей отстаивает мнение о сословно-корпоративной сути самоуправления, его аполитичности: во-первых, политическую активность думцев ограничивала избирательная система. Избирательного права лишались евреи, виноторговцы, лица не христианской веры, квартиросъемщики и др.; во-вторых, городское руководство (глава города и члены управы) состояло на государственной службе (давали присягу на верность монарху); в-третьих, надзор за их действиями осуществляла губернская администрация. Например, тобольский губернатор 9 ноября 1905 г. отменил постановление Тюменской городской думы об организации в городе вольной вооруженной дружины для самозащиты, посчитав, что дума вышла из пределов своей компетенции¹. А.К. Анкушева акцентирует внимание

на том, что предусматривалась возможность введения прямого губернаторского правления [7, с. 207]. К.В. Лен полагает, что вмешательство государственных учреждений в местные дела было оправданным на фоне аморфного состояния городских представительств и определялось патернализмом к муниципальным образованиям [8, с. 17].

Принимая во внимание аргументы данных групп исследователей, наиболее верным, по нашему мнению, является утверждение, что Первая русская революция «подтолкнула» органы местного самоуправления к более активным политическим действиям. Во многих сибирских городах думы выступили в качестве центра объединения общественных организаций, начали участвовать в решении вопросов, относившихся к компетенции органов государственной власти, способствовали повышению гражданского самосознания и правовой культуры населения. Научный интерес в этом контексте заметно усилился. Так, Н.И. Гаврилова, А.А. Валитов [9] и Л.Б. Ус [10] попытались взглянуть на проблему с позиций формирования элементов гражданского общества в Сибири. Н.И. Гаврилова считает, что одним из результатов функционирования городских дум и управ явилось оформление и дальнейшее развитие «представления о думе как об общественно-политическом органе» [11, с. 98, 102]. По мнению М.В. Шиловского, городские думы стали основной оргструктурой сибирского либерализма. Для горожан региона работа в местных органах власти была одной из немногих сфер легальной политической деятельности, ареной «апеллирования» перед властью о насущных проблемах: введение земства, гласного суда, свободы печати, слова, неприкосновенности личности и имущества [12, с. 50].

Большинство исследователей сходится в том, что характер деятельности органов городского самоуправления (активность или пассивность, прогрессивность или реакционность) во многом определялся их социальным составом (см., напр.: [13; 14; 15]). В сибирских думах «служили» представители разных общественно-политических течений. Купцы и в целом торговый элемент, составлявший большинство гласных, являлись консервативной силой, верной престолу. Интеллигенция выражала либеральные взгляды. Часть гласных из купцов под влиянием интеллигентского крыла в думе также разделяла его убеждения. Редко в думах встречались люди радикальных воззрений. Одним из немногих был тарский купец А.И. Щербаков, который остро критиковал произвол губернской администрации, распространял запрещенный «Колокол», а за участие в студенческих волнениях был исключен из Петербургского университета [16, с. 58].

При анализе групп давления, действовавших в местных думах, важно избежать тенденциозности и необоснованных оценок, так как составы дум от выборов к выборам претерпевали изменения, особенно в 1905–1917 гг. Например, по выражению И.А. Коновалова, «Тюменская городская дума была буржуазной и решала вопросы... почти исключительно в интересах

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 64. Л. 57–60.

купчества» [17, с. 26], но его мнение можно оспорить. По составу эта дума была неоднородной: так, в созыве 1899–1903 гг. купцы составляли 11 чел. (31 %), мещане – 12 (33 %), дворяне и чиновники – 9 (25 %), почетные граждане – 4 чел. (11 %), а в созыве 1911–1915 гг. купцов было 12 (29 %), мещан – 15 (36 %), дворян и чиновников – 9 (21 %), крестьян – 4 (9 %) и почетных граждан – 2 (5 %) [4, с. 40]. В думе преобладали представители экономической элиты региона, но утверждать, что она действовала исключительно в интересах торгового класса, неверно. На развитие образования и здравоохранения город выделял посильные для него средства: в 1912 г. – 120 298 руб. (26,5 % от всех расходов бюджета), в то же время на содержание городской администрации – 30 713 руб. (6,8 %)².

Некоторые исследователи отмечают особенности предреволюционных составов дум (1914–1918 гг.). По данным О.В. Чудакова, среди гласных дум ряда крупных городов Сибири крестьяне и мещане составляли в Новониколаевске 62,5 %, в Тобольске – 37,1, в Кургане – 22,5, в Омске – 30, в Барнауле – 37,5 %. Окредьствывание происходило не только по линии интенсивного притока селян в город, но и за счет увеличения их доли среди различных категорий горожан (военные, предприниматели, служащие, рабочие и др.) [18, с. 43].

Многогранность обсуждаемой проблемы требует поиска и расширения области изучения как в хронологическом, так и тематическом аспектах. Несмотря на определенные достижения в изучении деятельности политических партий и органов местного самоуправления за последние годы, проблема взаимодействия группировок думцев, влияния на их деятельность партий, а также процесс принятия политических решений городскими управлениями освещаются в научных трудах явно недостаточно. Исследования ограничиваются либо изучением мероприятий местных партийных объединений, либо анализом результатов работы городских властей, т. е. указанная тема рассматривается фрагментарно. Между тем политический аспект в деятельности местного самоуправления представляет большой научный интерес.

Анализ новейшей литературы позволяет выделить три этапа «муниципальной политизации» в рассматриваемый период: 1905–1907 гг. – всплеск активности; 1908–1913 гг. – реакция (затухание); 1914–1917 гг. – новый виток, вызванный Первой мировой войной, притоком ссыльных, беженцев, дороговизной, вступлением сибирских дум во Всероссийский Союз городов и т. п. В частности, Д.В. Филиппов анализирует решения городской думы Тюмени, принятые в чрезвычайных условиях 1905 г. (о самообороне города из местного населения, о мерах к прекращению забастовочного движения и др.) [19, с. 54]. С.В. Макачук изучает реакцию сибирских дум на политические события местного значения: Красноярская городская дума избрала депутацию для выяснения обстоятельств столкновения между рабочими и полицией 10 августа 1905 г.; Томская городская дума на

заседании 18 октября 1905 г. выразила протест по поводу разгона и избиения полицией учащих; Иркутская городская дума приняла решение об организации самообороны; гласные Бийской думы в январе 1906 г. отправили томскому губернатору послание протеста против ареста мирового судьи Петрова и ветеринарного врача Яхонтова «за печатание и распространение листов к.-д. характера». Автор заключает, что «паритет между консерваторами и либералами нарушается в сторону последних. Политизация еще более усиливается с подключением к думской деятельности партийных социалистических элементов» [20, с. 226, 228]. В.П. Зиновьев подчеркивает: «деятельность городских дум и левого блока в органах городского самоуправления была прагматичной и нацеленной на захват власти. То, что не удалось либералам и социалистам в 1905 г., получилось в 1917 г.» [21, с. 135].

Отдельного внимания заслуживает монография омских историков, в которой подводятся промежуточные итоги изучения городов Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Учеными освещается широкий круг вопросов, связанных с организацией, структурой и компетенцией городских управлений, их бюджетной политикой и развитием социально-культурной сферы и местного хозяйства. Отмечается, что либералам в годы Первой русской революции удалось привнести в деятельность городских дум элемент политизации, однако проекты реорганизации городского самоуправления так и не были реализованы. С вступлением России в войну и нарастанием кризисных явлений в экономике действия городских властей вновь приобретают политическую окраску [22, с. 76, 154].

В 2006 г. вышел коллективный труд, суммировавший результаты изучения сибирского самоуправления досоветского периода. В пятом разделе монографии с привлечением новых данных архивных источников рассматриваются проблемы участия органов городского самоуправления в общественно-политической жизни региона. Авторы провели многоаспектный анализ темы за продолжительный период (1860–1919 гг.) и, в частности, указали на то, что в думах не было деления гласных на партии, они часто меняли свои взгляды, «как флюгера, где им выгоднее» [23, с. 107].

В историческом очерке о становлении представительной власти в Зауралье охватывается широкий круг вопросов, в том числе участие городских дум в политической жизни региона. Авторский интерес фокусируется на людях, которые стали символами своей эпохи. Однако проблематика изучается на примере лишь Шадринска и Кургана, что является недостатком [24].

В изданиях, посвященных общественно-политическим и социально-экономическим событиям, которые происходили в отдельных городах в 1917–1921 гг., в общих чертах отслеживается процесс демократизации органов самоуправления на принципах всеобщего и равного избирательного права. Впервые местные выборы проводились на основе пропорциональной избирательной системы, по спискам кандидатов от общественных

² ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 22–50.

объединений и партий. По мнению С.А. Сергеева и Р.С. Цейтлина, муниципальная реформа 1917 г. не оправдала ожиданий, «чрезмерно политизированное городское самоуправление стало совершенно беспомощным в хозяйственном отношении» [25, с. 67]. Специальных работ по этому периоду очень мало [26; 27; 28].

Несмотря на достижения последних лет, в изучении данной темы имеются существенные пробелы, что объясняется недостаточной изученностью специфики региона. Огромные пространства Сибири, разный уровень социально-экономического развития городских поселений, разнообразие проживающих социальных групп обусловили в них значительные отличия в социальной динамике и развитии общественных движений, взаимоотношениях власти и общества. Органы городского самоуправления, занимая промежуточное положение между государственными и общественными институтами, были призваны стать своеобразным мостиком между административной властью и местным населением.

Подводя итоги историографического изучения заявленной темы, следует отметить не только дискуссионность, но и недостаточную изученность ряда вопросов. В большинстве работ процессы отслеживаются на примерах ограниченного числа сибирских городов, данные не позволяют отследить динамику. История участия городских дум и управ в общественно-политической жизни Сибири исследована выборочно – в основном на примере крупных городов. Политическая деятельность муниципалитетов в ходе революций 1917 г. также требует детального, междисциплинарного, комплексного исследования.

Трудности изучения данной темы связаны как с обилием ее составляющих и региональной спецификой, так и с фрагментарностью сохранившихся источников. Одним из тормозящих факторов в осмыслении темы все еще является восприятие ее через призму идеологических и политических постулатов. Сегодня заложен прочный базис для дальнейшего изучения проблемы. Назовем наиболее актуальные и малоизученные направления:

– лоббизм как явление в органах местного самоуправления, влияние группировок гласных дум и партийных организаций на их решения (см., напр.: [29; 30; 31]);

– участие (не участие) представительных собраний малых городов (а их в Сибири – большинство) в политическом процессе, общее и особенное в их действиях;

– динамика взаимоотношений городских управлений с органами государственной власти (губернскими администрациями, жандармерией, полицией), с партиями (кадетами, октябристами, социал-демократами и др.), общественными организациями и средствами массовой информации в межреволюционный период;

– опыт управления городом в чрезвычайных ситуациях, в условиях напряженной общественно-политической борьбы, притока беженцев, дороговизны, дефицита, разрыва экономических связей между городом и селом;

– поиск и введение в научный оборот новых массивов источников, в частности мемуаров и публикаций из сибирских газет и журналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габдрафикова Л.Р.* Место городского самоуправления в аппарате государственного управления в пореформенный период (по материалам Уфы) // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4–1. С. 25–28.
2. *Шлосберг Л.М.* Судьба местного самоуправления в России до сих пор в руках государства, а не граждан // Псковский обозреватель. 2001. № 2. С. 22.
3. *Матвеев М.Н.* Проблема встраиваемости местного самоуправления в государственную вертикаль. Правовой аспект и исторические традиции // Юрист Поволжья. 2009. № 11–12. С. 30–35.
4. *Кривицкий А.Я., Храмов А.Б.* Сравнительный анализ социального состава Тюменской городской думы дореволюционного и современного периодов // Политические процессы в регионе: прошлое, настоящее, будущее. Тюмень, 2005. Вып. 2. С. 28–41.
5. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. 548 с.
6. *Харусь О.А.* Городские думы: замыслы реорганизации и реалии деятельности сибирских либералов в период Первой российской революции // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995. С. 96–102.
7. *Анкушева К.А.* Организация и деятельность Тюменской городской думы и управы на основе Городовых положений 1870 и 1892 гг. // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2007. № 1. С. 206–212.
8. *Лен К.В.* Подготовка и проведение Городской реформы 1870 г. в Западной Сибири (на материалах Томской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 22 с.
9. *Валитов А.А.* Зарождение и становление институтов гражданского общества Западной Сибири 1861–1904 гг. // Вестн. Тюменского гос. ун-та. 2007. № 1. С. 223–228.
10. *Ус Л.Б.* О формировании элементов гражданского общества в начале XX в. (на примере общественного самоуправления Новониколаевска) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 220–224.
11. *Гаврилова Н.И.* Участие горожан Иркутской губернии в органах местного самоуправления во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX в. Иркутск, 2002. Вып. 4. С. 83–110.
12. *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы. 72 с.
13. *Жиров А.А.* Купечество в самоуправлении уездных городов Сибири // Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов. Омск, 2001. С. 164–167.
14. *Носков В.А.* Социальный состав и образовательный ценз чинов местного самоуправления Акмолинской области в 1890–1917 гг. // Омский научный вестник. 2009. № 2. С. 46–49.
15. *Тимофеев В.В.* Старообрядцы на выборных должностях в российской провинции // Регионология. 2004. № 4. С. 232–243.
16. *Краткая энциклопедия истории купечества и коммерции Сибири.* Новосибирск, 1999. Т. 4, кн. 3. 160 с.
17. *Коновалов И.А., Шиманис Б.Б.* Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. // Вестн. Омского ун-та. 2009. № 2. С. 23–28.
18. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 255 с.
19. *Филиппов Д.В.* Политическая деятельность Тюменской городской думы в годы Первой революции // Словоцкие чтения – 2003. Тюмень, 2003. С. 53–55.
20. *Макаруч С.В.* Политизация городского самоуправления в Сибири 1902–1914 гг. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2005. Кн. 2. С. 224–228.

21. Зиновьев В.П. Томская городская дума и революция 1905–1907 гг. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 2004. С. 131–135.
22. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 195 с.
23. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова, Е.А. Дегальцева, А.К. Кириллов, Г.А. Ноздрин, М.В. Шиловский, Л.Б. Ус. Новосибирск, 2006. 351 с.
24. Представительная власть в Зауралье: история и современность / Д.А. Кокшаров. Челябинск, 2009. 343 с.
25. Цейтлин Р.С., Сергеев С.А. История государственного управления и муниципального самоуправления в России. М., 2003. 130 с.
26. Кононенко А.А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009. 228 с.
27. Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны 1917–1921 гг. Нижневартовск, 2005. 267 с.
28. Чудаков О.В. Демократизация органов городского самоуправления в Сибири в период социальных катаклизмов (март – апрель 1917 г.) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 82–85.
29. Вдовин С.Е. Деятельность партийно-политических групп гласных Московской городской думы 1904 – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 486 с.
30. Дробченко В.А. Межпартийные и социально-классовые отношения в Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2008. № 311. С. 79–86.
31. Макаrchuk С.В. Партийно-политическое влияние в городском самоуправлении Красноярска. 1905–1917 гг. // Актуальные проблемы местного самоуправления в РФ. Кемерово, 2005. С. 334–341.

REFERENCES

1. Gabdrifikova L.R. Place of municipal government in the machine-public administration the State has in the post-reform period (based on the Ufa). *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, no 4–1, pp. 25–28. (In Russ.)
2. Schlossberg L.M. Fate of local government in Russia is still in the hands of the state rather than citizens. *Pskovskij obozrevatel'*. 2001, no 2, p. 22. (In Russ.)
3. Matveev M.N. Problem embeddable local governments in the state-governmental hierarchy. Legal aspect and historical traditions. *Jurist Povolzh'ja*. 2009, no 11–12, pp. 30–35. (In Russ.)
4. Krinitzky A.Y., Khramtsov A.B. Comparative analysis of the social composition of the Tyumen city council pre-revolutionary and modern periods. *Politicheskie processy v regione: proshloe, nastojashhee, budushhee*. Tyumen, 2005, v. 2, pp. 28–41. (In Russ.)
5. Mironov B.N. Social history of Russian Empire period (XVIII – beginning of XX century.): in 2 v. SPb., 2000, v. 1, 548 p. (In Russ.)
6. Harus O.A. City councils: plans of reorganization and the realities of the activities of the Siberian liberals during the first russian revolution. *Revoljucija 1905–1907 gg. i obshhestvennoe dvizhenie v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Omsk, 1995, pp. 96–102. (In Russ.)
7. Ankusheva K.A. Organization and operation of the Tyumen city council and the government on the basis of city regulations in 1870 and 1892. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007, no 1, pp. 206–212. (In Russ.)
8. Len K.V. Preparation and conduct of urban reform in 1870 in Western Siberia (Tomsk province on materials): Author. dis. cand. hist. sciences. Barnaul, 2000, 22 p. (In Russ.)
9. Valitov A. The origin and formation of civil society in Western Siberia 1861–1904. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007, no 1, pp. 223–228.
10. Us L.B. On the formation of the elements of civil society in the early XX century (for example, public self Novonikolaevsk). *Istoricheskij opyt hozjajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri*. Barnaul, 2003, pp. 220–224. (In Russ.)
11. Gavrilova N.I. Participation of citizens of Irkutsk province in local government in the second half of the XIX century. *Sibirskij gorod XVIII – nachala XX vv*. Irkutsk, 2002, v. 4, pp. 83–110. (In Russ.)
12. Shilovskij M.V. Socio-political movement in Siberia second half XIX – early XX century. Novosibirsk, 1995, v. 2: Liberals, 72 p. (In Russ.)
13. Zhiron A.A. Merchants in the local government district towns in Siberia. *Gorodskaja kul'tura Sibiri: dinamika kul'turno-istoricheskikh processov*. Omsk, 2001, pp. 164–167. (In Russ.)
14. Noskov V.A. Social composition and educational level officials of local self-government, Akmolola region in 1890–1917. *Omskij nauchnyj vestnik*. 2009, no 2, pp. 46–49. (In Russ.)
15. Timofeev V.V. Old believers in elected office in the russian province. *Regionologija*. 2004, no 4, pp. 232–243. (In Russ.)
16. Brief history encyclopedia merchants and commerce Siberia. Novosibirsk, 1999, v. 4, Bk. 3, 160 p. (In Russ.)
17. Kononov I.A., Shimanis B.B. Structure municipal West Siberia to city regulations 1870. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2009, no 2, pp. 23–28. (In Russ.)
18. Chudakov O.V. Municipal government in Western Siberia during the first world war (july 1914 – february, 1917.): Dis. ... cand. hist. sciences. Omsk, 2002, 255 p. (In Russ.)
19. Filippov D.V. Political activity Tyumen city council during the first revolution. *Slovcovskie chtenija – 2003*. Tyumen, 2003, pp. 53–55. (In Russ.)
20. Makarchuk S.V. Politicization of municipal government in Siberia 1902–1914. *Istoricheskij opyt hozjajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri*. Barnaul, 2005, pr. 2, pp. 224–228. (In Russ.)
21. Zinoviev V.P. Tomsk city council and the revolution of 1905–1907. *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX vv*. Novosibirsk, 2004, pp. 131–135. (In Russ.)
22. Tolochnko A.P., Kononov I.A., Merenkova E.Y., Chudakov O.V. Municipal government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: the establishment and one-ment. Omsk, 2003, 195 p. (In Russ.)
23. The history of public authorities in Siberia second half XIX – early XX century / K.A. Ankusheva, G.A. Bochanova, E.A. Degaltseva, A.K. Kirillov, G.A. Nozdrin, M.V. Shilovskij, L.B. Us. Novosibirsk, 2006, 351 p. (In Russ.)
24. Representative power in the Urals: history and modernity / D.A. Koksharov. Chelyabinsk, 2009, 343 p. (In Russ.)
25. Zeitlin R.S., Sergejev S.A. History of public administration and municipal government in Russia. M., 2003, 130 p. (In Russ.)
26. Kononov A.A. Tyumen at a crossroads: the government and society in 1917–1921. Tyumen, 2009, 228 p. (In Russ.)
27. Zys V.V. North West Siberia during the civil war of 1917–1921. Nizhnevarтовск, 2005, 267 p. (In Russ.)
28. Chudakov O.V. Democratization of municipal government in Siberia during the social upheavals (march-april 1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, no 4, pp. 82–85. (In Russ.)
29. Vdovin S.E. Activities of party-political groups vowels the Moscow city дума 1904 – february 1917: dis. ... cand. hist. sciences. M., 2002, 486 p. (In Russ.)
30. Drobchenko V.A. Inter-party and social class relations in the Tomsk province in march 1917 – may 1918. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, no 311, pp. 79–86. (In Russ.)
31. Makarchuk S.V. Party-political influence in the city of Krasnoyarsk research institute-self governance. 1905–1917 gg. *Aktual'nye problemy mestnogo samoupravlenija v RF*. Kemerovo, 2005, pp. 334–341. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 27.12.2014

УДК 94(47).083

Э.Е. ШУМИЛОВА

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1914–1917 гг.**

Эвелина Евгеньевна Шумилова
аспирант, Институт истории СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: e-shumilova@yandex.ru

В статье впервые предпринимается попытка комплексно рассмотреть демографическую ситуацию в условиях Первой мировой войны в таких крупных городах Западной Сибири, как Омск, Томск, Новониколаевск и Барнаул. Особое внимание уделяется анализу численности населения, брачности, рождаемости, смертности, а также половозрастному составу. Делается вывод о том, что в крупных городах Западной Сибири во время войны не наблюдалось единой тенденции относительно роста или падения численности населения. Довоенное преобладание мужского пола исчезло, произошли или сглаживание численной разницы между полами, или перекося в сторону женского пола. Значительное сокращение количество браков среди горожан вследствие ухода мужчин на фронт вызвало падение рождаемости, а ухудшение эпидемиологической ситуации в городах – увеличение смертности. За счет притока беженцев увеличилось количество стариков и малолетних детей.

Ключевые слова: Первая мировая война, демография, Сибирь, Новониколаевск, Барнаул, Томск, Омск, смертность, рождаемость, брачность, половозрастной состав.

E.E. SHUMILOVA

**THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA
IN 1914–1917**

Evelina Evgenievna Shumilova,
Postgraduate Student,
Institute of History, SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090
e-mail: e-shumilova@yandex.ru

The article attempts to provide comprehensive analysis of the demographic situation in the cities of Western Siberia such as Omsk, Tomsk, Barnaul and Novonikolaevsk under conditions of the First World War. Special attention is paid to the analysis of population size, nuptiality, birth-rate, mortality, as well as age and sex composition. The conclusion is made that there was no uniform trend of population growth or decline in the large cities of Western Siberia during the war. The pre-war dominance of males no longer existed. It was replaced either by smoothing the numerical difference between sexes, or by skewing toward females. A significant reduction in the nuptiality among the citizens due to males being off at the front caused a drop in the birth-rate, while deterioration of the epidemiological situation in the cities led to mortality growth. The number of the elderly and children increased due to the influx of refugees.

Key words: World War I, demography, Siberia, Novonikolaevsk, Barnaul, Tomsk, Omsk, mortality, birth-rate, nuptiality, sex and age composition.

В большинстве воюющих государств Европы в годы Первой мировой войны публикация статистических материалов о движении населения не прекращалась, и эти материалы до сих пор широко используются в научной литературе. Однако сказать то же самое о России нельзя. Издание статистических материалов, которые бы более или менее полно характеризовали движение населения в империи в изучаемый военный период, а также исследования на эту тему с 1914 г. в России почти прекратились [1, с. 6].

Возобновление интереса к теме произошло только в 1920-х гг. – после того как страна немного оправилась от войн и революций, и правительству потребовались статистические данные о потерях в предшествующий исторический период [2; 3; 4; 5]. Отметим, что работу первых советских статистиков во многом осложнял тот факт, что в начале 1920-х гг. все выявленные статистические материалы, характеризующие демографическую ситуацию Российской империи за 1917 г., были вывезены из Ленинграда в Москву, и следы их оказались потерянными [6, с. 35–46].

Великая Отечественная война на время приостановила изучение данной темы, однако уже в 1960-е гг. оно продолжилось. Большой исследовательский интерес до сих пор представляют работы выдающихся отечественных демографов Б.Ц. Урланиса и А.Я. Боярского [7; 8]. Несмотря на все достоинства их исследований, есть основания полагать, что ученые, отдавая дань политической конъюнктуре, несколько драматизировали ситуацию в Российской империи в 1917 г.

В 1990-е гг. предприняли попытку уточнить данные Б.Ц. Урланиса и А.Я. Боярского В.А. Исупов и В.М. Кабузан. Последний, в свою очередь, расширил географию изучения регионов страны за счет работы с фондами Синода, Главного врачебного инспектора и Центрального статистического комитета [1; 9].

В эти же годы выходят в свет и работы сибирских ученых. Одним из первых трудов можно считать статью Л.М. Горюшкина и В.И. Пронина «Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции», напечатанную в 1992 г. в сборнике научных трудов «Историческая демография Сибири». В статье рассматривается динамика численности городского и сельского населения в Сибири в 1914–1917 гг., а также делается первая попытка проанализировать степень достоверности источников по заявленной проблеме [10]. Чуть позже выходят работы Н.Я. Гущина и В.А. Зверева, которые обращают пристальное внимание именно на Западную Сибирь [11; 12]. В 1997 г. появляется коллективная монография «Население Западной Сибири в XX веке», где на высоком профессиональном уровне дается комплексный анализ демографической ситуации в городах и селах Западной Сибири за 100 лет [13].

Несмотря на кажущееся обилие научной информации, до сих пор остается неизученной демографическая обстановка в конкретных сибирских городах в условиях Первой мировой войны. Без ответа остается и вопрос о существовании каких-либо отличий между этими городами в сложившихся условиях. В данной обстановке научный интерес представляет анализ демографической ситуации в военный период в четырех крупнейших городах Западной Сибири – Омске, Томске, Новониколаевске и Барнауле. Причем наиболее сложным препятствием на пути решения поставленной проблемы представляется выявление численности населения в годы войны.

Согласно данным Омского городского санитарно-гигиенического бюро численность населения города в 1913 г. составляла 90 тыс. чел. Причем по половозрастному составу население распределялось следующим образом: 47 095 мужчин и 42 905 женщин. Перепись гражданского населения в Омске в 1917 г. обнаружила 80 327 чел., из них 37 810 мужчин и 42 517 женщин [14, с. 5]. Совершенно другую картину мы получаем, анализируя данные «Памятной книжки Акмолинской области». Городское население Омска на 1 января 1913 г. согласно информации этого источника составляло почти на 43 тыс. чел. больше и исчислялось цифрой 133 280 чел., из них 66 739 мужчин и 66 541 женщина [15, с. 26]. Здесь же находим информацию о том, что к 1 января

1915 г. городское население Омска насчитывало уже 140 589 чел., из них 73 902 мужчины и только 66 687 женщин [16, с. 18]. Похожие данные содержатся в работе А.И. Лубны-Герцык. Со ссылкой на ежегодник Центрального статистического управления советский экономист и статистик говорит о том, что в 1914 г. в Омске проживало 134 800 жителей [3, с. 116]. Наконец, согласно данным Сибстатуправления в 1917 г. население Омска с пригородами Атаманский хутор и Куломзино составляло 113 600 чел. [17, с. 60].

Разобраться в этом потоке цифр достаточно сложно, но попытаться можно. Если взять за основу позицию С.И. Брук и В.М. Кабузана о том, что данные Центрального статистического комитета о численности населения в годы Первой мировой войны «не отвечали действительному положению и не могут быть использованы в каких бы то ни было расчетах», а также согласиться с анализом Л.М. Горюшкина, В.И. Пронина о высокой достоверности переписи 1917 г., то выходит, что в годы войны в Омске происходило снижение численности населения и наблюдался перекося в сторону преобладания женщин [18, с. 75; 19, с. 85].

Городское население Новониколаевска согласно сведениям Сибирского торгово-промышленного ежегодника за 1914–1915 гг. к 1 января 1913 г. насчитывало 86 419 чел., из них 51 218 мужчин и только 35 201 женщину [20, с. 208]. Адресно-справочная книга с краткой историей и планом города «Весь Новониколаевск» за 1924–1926 гг., напечатанная Сибирским отделением Российского телеграфного агентства в 1925 г., рисует похожую картину. Согласно этим данным в 1913 г. в Новониколаевске проживало 89 319 чел., из них 45 783 мужчины и 43 536 женщин, в 1914 г. население уменьшилось до 76 012 чел., причем вплоть до 1917 г. преобладали женщины. В 1917 г. население Новониколаевска выросло до 107 209 чел., из них 58 987 женщин и только 48 142 мужчины [21, с. 31]. Существует и другая цифра – 69 828 чел., полученная в ходе Всероссийской переписи 1917 г. [22, с. 24]. Если же придерживаться гипотезы Л.М. Горюшкина и В.И. Пронина о высокой достоверности переписи 1917 г., то можно сделать вывод, что население Новониколаевска также сократилось.

Численность городского населения Томска, по данным «Сибирского торгово-промышленного ежегодника за 1914–1915 гг.», на 1 января 1913 г. составляла 97 177 чел. По данному показателю в списке самых крупных городов Российской империи Томск занимал к тому времени 22-е место [23, с. 88]. При этом был замечен перекося в сторону мужчин: последних насчитывалось 50 121, а женщин – 47 056 [24, с. 208]. В 1917 г. численность населения Томска без учета временно проживающих, составила по данным Всероссийской переписи 1917 г. уже 101 129 чел., т. е. за годы войны незначительно выросла [22, с. 24]. Резко изменился половой состав: в 1917 г. в Томске было зафиксировано 102,3 женщины на каждые 100 мужчин [12, с. 36].

Городское население Барнаула на 1 января 1913 г. составляло 68 173 чел., из них 35 156 мужчин и 33 017 женщин [9, с. 208]. Составители летописи Барнаула ут-

верждают, что в 1914 г. население города немного увеличилось и составляло уже 70 532 чел. Причем половой состав был таким же, как и в большинстве городов Сибири: преобладали мужчины. На 35 532 мужчин в 1914 г. приходилось 34 880 женщин [25, с. 97]. В статье Ю.С. Булыгина с соавторами находим сведения о том, что в 1916 г. в Барнауле проживало 71,2 тыс. чел. [26, с. 198]. В 1917 г. наблюдается резкое снижение численности населения. Согласно переписи население Барнаула в 1917 г. составляло 56 205 чел., из них 28 136 мужчин и 28 069 женщин [25, с. 111]. Такие же сведения находим в отчете В.Я. Нагнибеды. Во время войны он руководил переписным бюро в Томской губернии и принимал участие на всех стадиях Всероссийской переписи 1917 г. В отчете, опубликованном в Томске в 1920 г., содержатся сведения о том, что численность жителей Барнаула в 1917 г. составляла 56 007 чел. [27, с. 24].

Следовательно, в годы Первой мировой войны в крупных городах Западной Сибири не наблюдалось единой тенденции относительно роста или падения населения. В Омске, Барнауле и Новониколаевске численность населения к 1917 г. упала, а в Томске, напротив, незначительно возросла. В рассматриваемый период изменилось соотношение полов. Если до 1914 г. в рассматриваемые города стремились переехать именно мужчины, так как именно им было проще освоиться на новом месте и найти работу, то во время войны ситуация резко меняется. За счет многочисленных призывов численность мужского населения снижается, происходит или сглаживание численной разницы между полами, как это было, например, в Барнауле, или перекося в сторону женского пола, как это было в Омске, Томске и Новониколаевске.

В годы Первой мировой войны, как и во всей империи, в городах Западной Сибири сильно сократилась доля мужчин трудоспособного возраста. Сравнительный анализ В.А. Зверева переписей 1897 и 1926 гг. показал, что за 30 лет в Сибири особенно заметно сократилась группа лиц мужского пола в возрасте от 22 до 32 лет [28, с. 42]. На половозрастную структуру рассматриваемых нами городов повлиял и приток беженцев. Вынужденные мигранты из белорусских, украинских, западнорусских и прибалтийских губерний предпочитали оседать главным образом в этих городах, так как они были расположены недалеко от железнодорожных станций и там было проще найти работу. По данным Ю.П. Горелова, около 80 % прибывших в Сибирь беженцев были стариками, детьми и женщинами [29, с. 69]. Это подтверждается и данными подворных и поквартирных карточек Всероссийской переписи по г. Барнаулу в 1917 г. Действительно, в Барнауле в 1916 г. в основном проживали женщины, малолетние дети, а также мужчины непризывного возраста¹.

Первая мировая война оказала существенное влияние на брачное поведение жителей Западной Сибири. В первые два года войны из-за мобилизации в городах

большого количества мужчин брачного возраста произошло постепенное снижение количества браков. Ситуация начинает меняться лишь в 1917 г., когда после завершения Февральской революции с фронта постепенно возвращаются мужчины. Так, если в 1913 г. в Омске было заключено 638 браков, т. е. на 1 тыс. чел. приходилось 7,1 брака, то в 1916 г. коэффициент брачности резко снизился и составил 4,6 брака на 1 тыс. чел. [14, с. 41]. В Новониколаевске абсолютное число браков в 1915–1916 гг. также сократилось. В 1914 г. обвенчались 494 пары, в 1915 г. – 378, а в 1916 г. – только 279 пар. Однако резко увеличилось количество браков в 1917 г. По итогам года было официально зарегистрировано уже 562 пары [21, с. 32]. В Барнауле наблюдалась похожая тенденция. Это заметно по метрическим книгам разных церквей г. Барнаула. Если в 1914 г. в Вознесенской церкви обвенчали 33 пары, в 1915 г. – 24, в 1916 г. – 18 пар, то в 1917 г. – 31 пар². Если в 1914 г. в Знаменской церкви обвенчали 86 пар, а в 1915 г. – 43, то уже в 1917 г. – 104 пары³.

Отметим, что во время войны женщины старались выйти замуж любой ценой, потому что от этого зачастую зависело их материальное положение. Во время войны значительно увеличилось количество браков с вдовами. Они старались побыстрее выйти замуж снова, чтобы не голодать. В 1913 г. на каждые 100 браков в Омске приходилось 3,8 брака с вдовами, в 1916 г. – уже 7,0 [14, с. 42].

Другой тенденцией, которая прослеживалась во время войны, стали браки с военнослужащими. Если до войны девушки старались выходить замуж только за отслуживших, то во время войны участились случаи браков с воинами действующей армии. Среди объяснений этому явлению следует остановиться на том, что солдаткам была положена помощь со стороны государства. Например, в Барнауле почти в одно и то же время решили жениться несколько воинов запасного полка. 22 января 1917 г. в Одиотриевской церкви обвенчались 24-летний прапорщик 24-го Сибирского стрелкового запасного полка Вячеслав Ильич Боготов и 19-летняя барнаульская мещанская дочь Маргарита Федоровна Зубкова⁴. В этот же день подпоручик 102-го Вятского пехотного полка Николай Григорьевич Кузнецов обручился с дочерью чиновника девицей Калерией Борисовной Калининой. Ей было 19, ему – 20 лет⁵. А спустя три дня, 27 января 1917 г., – прапорщик того же 24-го Сибирского стрелкового полка и крестьянская дочь, а также младший унтер-офицер того же полка и дочь купца⁶.

Сибирячки выходили замуж и за военнопленных. Такая возможность у них появилась только в конце 1916 г. Так, 12 ноября 1917 г. 28-летний военноплен-

² ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2548. Л. 82; Ф. 144. Оп. 6. Д. 2767. Л. 98; Оп. 6. Д. 2964. Л. 92, 111;

³ Там же. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2550. Л. 103; Д. 2765. Л. 90; Д. 3181. Л. 113.

⁴ Там же. Д. 3180. Л. 51.

⁵ Там же. Л. 52.

⁶ Там же. Л. 53.

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 233. Оп. 6. Д. 24. Л. 1–2 об.; Д. 25. Л. 48–53.

ный, солдат австрийской армии Францишек Лаврентьевич Павлышек обвенчался с 17-летней дочерью барнаульского мещанина Валентиной Луковной Катовой в Знаменской церкви⁷.

Характерной чертой динамики численности населения крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны стало сокращение рождаемости. Причины этого достаточно очевидны: призыв в армию большого количества мужчин, сокращение числа браков, ухудшение положения оставшихся дома женщин. Некоторую роль, вероятно, играло и втягивание женщин в производство: горожанки работали на заводах, фабриках и транспорте.

Так как по величине абсолютного числа родившихся судить о рождаемости затруднительно, обратимся к относительным показателям. Одним из таких показателей является общий коэффициент рождаемости, который показывает, сколько младенцев родилось на 1 тыс. чел. населения. В 1914 г. коэффициент рождаемости в Новониколаевске составлял почти 44 ‰, в 1915 г. – 36, в 1916 г. – 28 ‰. Как видим, за 1914–1916 гг. показатели этого важнейшего элемента воспроизводства населения снизились в Новониколаевске в 1,6 раза. Одновременно выросла смертность: в 1914 г. она составляла 26 ‰, в 1915 г. – 38, в 1916 г. вновь 26 ‰ [30, с. 335].

В Омске тенденция оказалась схожей. В предвоенном 1913 г. коэффициент рождаемости составил 34,2 ‰, смертность – 29,3 ‰. В 1916 г. коэффициент рождаемости снизился и приблизился к 32,2 ‰, смертность, напротив, повысилась до 31 ‰ [14, с. 6].

Томск не стал исключением из общего правила. Если в 1913 г. коэффициент рождаемости в городе, по данным Н.М. Дмитриенко, составлял 38 ‰, а смертности – 33 ‰, то во время войны рождаемость начинает постепенно падать, а смертность увеличиваться. Если в 1914–1915 гг. показатели рождаемости в Томске достигают 38,2 и 37,6 ‰ соответственно, то коэффициент смертности составлял 30,5 и 46,1 ‰, т. е. естественный прирост в Томске уже во второй год войны был отрицательным [31, с. 115].

Среди гражданского населения, как и до войны, самая высокая смертность в городах Западной Сибири наблюдалась у младенцев в возрасте до 1 года. Чаще всего она была вызвана недостатком гинеколога-акушерской помощи женщинам и плохими санитарными условиями их жизни. Среди военнослужащих, находящихся в тылу, почти вся смертность приходится на трудоспособный возраст 19–49 лет – 95,5 ‰, причем на возраст 20–29 лет – 56,2 ‰. Военные умирали чаще всего в результате эпидемий, например сыпного и возвратного тифа. Причем среди гражданского населения не было ни одного такого случая [14, с. 10].

Одним из негативных последствий войны стало увеличение количества детей, родившихся вне брака. Без мужа рожали в основном крестьянки, которые были приписаны к другим губерниям. Городские свя-

щенники комментировали эту ситуацию так: «Нижние чины, расквартированные в пригородах, зеленая молодежь военная – прапорщики, корнеты и прочие, оказались плохими блюстителями женских нравов и внесли много дезорганизующего в семьи городских обывателей» [32, с. 123].

В годы войны в рассматриваемых городах Западной Сибири участились и случаи подбрасывания детей к домам жителей. Особенно острой ситуация стала к 1916 г., когда экономическое положение горожан начало ухудшаться. В 1916 г. только в Вознесенской церкви Барнаула окрестили 17 подкидышей⁸.

Итак, в годы Первой мировой войны в крупных городах Западной Сибири не наблюдалось единой тенденции относительно роста или падения численности населения. В Омске, Барнауле и Новониколаевске она к 1917 г. снижается, а в Томске, напротив, несколько возрастает. За счет многочисленных призывов количество мужского населения снижается, наблюдается или сглаживание количественной разницы между полами, как это было, например, в Барнауле, или перекося в сторону женского пола, как это было в остальных городах края. Несмотря на общее снижение брачности до начала Февральской революции, увеличивается число браков с вдовами и военнослужащими. Значительное сокращение количество браков среди горожан вследствие ухода мужчин на фронт повлияло на падение рождаемости, а ухудшение эпидемиологической ситуации в городах – на увеличение смертности. За счет притока в рассматриваемые города беженцев увеличилось количество стариков и малолетних детей. Последние все чаще оказывались в неполных семьях или вовсе без семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабузан В.М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 3–26.
2. Новосельский С.А. Влияние войны на естественное движение населения // Тр. Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Л., 1923. Вып. I. С. 204–208.
3. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время войны и революции. М., 1926.
4. Россия в мировой войне (1914–1918 гг.) в цифрах. М., 1925.
5. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.
6. Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987.
7. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
8. Боярский А.А. К вопросу о естественном движении населения России и в СССР в 1915–1923 гг. // Население и методы его изучения. М., 1975. С. 225–239.
9. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000. С. 47–57.
10. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 84–101.
11. Гуцин Н.Я. Население Сибири в XX в.: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.

⁷ Там же. Д. 3181. Л. 112.

⁸ Там же. Д. 2964. Л. 64–65.

12. Зверев В.А. Половозрастной состав населения Западной Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 35–38.

13. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.

14. Клячкин В.Е. Естественное движение населения Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926. Омск, 1928.

15. Памятная книжка Ақмолинской области на 1914. Омск, 1914.

16. Памятная книжка Ақмолинской области на 1916 г. Омск, 1916.

17. Алисов Д.А. Города и городское население Омского Прииртышья в XVII – начале XX в. // Омский регион: исторический опыт, проблемы и пути экономического развития в современных условиях. Омск, 1994. Ч. 3. С. 60–62.

18. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.

19. Горюшкин Л.М. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири: сб. стат. Новосибирск, 1992. С. 84–101.

20. Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. Пг., 1915.

21. Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924–1925. Новониколаевск, 1925.

22. Нагнибеда В.Я. Организация Всероссийской переписи 1917 года в Алтайско-Томской части Сибири (краткий отчет). Томск, 1920.

23. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). М., 1956.

24. Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. Пг., 1915.

25. Барнаул: Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007. Т. 2.

26. Булыгин Ю.С., Дьяченко Ю.С., Скубневский В.А. Население // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 197–198.

27. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь. XX век. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.

28. История города: Новониколаевск – Новосибирск (исторические очерки). Новосибирск, 2006. Т. II.

29. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск, 2000.

30. Щербинин П.П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женская повседневность в России XVIII–XX вв. Тамбов, 2003. С. 121–133.

REFERENCES

1. Kabuzan V. The demographic situation in Russia during the First World War. *Naselenie Rossii v 1920–1950 gody: chislennost, poteri, migracii*. Moscow, 1994, pp. 3–26. (In Russ.)

2. Novoselskii S. Impact of war on the natural movement of the population. *Trudy komissii po obsledovaniju sanitarnyh posledstvij vojny. 1914–1920 gg.* Moscow; Leningrad, 1923, is. 1, pp. 204–208. (In Russ.)

3. Lubna-Gertsyk L. Population movement in the Soviet Union during the war and revolution. Moscow, 1926. (In Russ.)

4. Russia in World War I (1914–1918). Figures. Moscow, 1925. (In Russ.)

5. Volkov E. Population dynamics of the USSR for eighty years. Moscow; Leningrad, 1930. (In Russ.)

6. Drobizhev V. At the root of the Soviet demography. Moscow, 1987. (In Russ.)

7. Uralnis B. The birth rate and life duration in the USSR. Moscow, 1963. (In Russ.)

8. Boyarsky A. On the problem of vital statistics in Russia and the USSR in 1915–1923. *Naselenie i metody ego izuchenija*. Moscow, 1975, pp. 225–239. (In Russ.)

9. Isupov V. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century. Novosibirsk, 2000, pp. 47–57. (In Russ.)

10. Goryushkin L., Pronin V. The population of Siberia on the eve of the October Socialist Revolution. *Voprosy istoriografii, istorii i arheologii*. Novosibirsk, 1992, pp. 84–101. (In Russ.)

11. Goushchin N. The population of Siberia in the XX century: the main trends in the development and disasters. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

12. Zverev V. Sex and age composition of the population of West Siberia in 1897–1917. *Voprosy istoriografii, istorii i arheologii*. Омск, 1996, pp. 35–38. (In Russ.)

13. The population of West Siberia in the XX century. Novosibirsk, 1997. (In Russ.)

14. Klyachkin V. The vital statistics of Omsk city on parallel data for 1913, 1916, 1923–1926. Омск, 1928. (In Russ.)

15. The memorial book Akmola region for 1914. Омск, 1914. (In Russ.)

16. The memorial book Akmola region for 1916 Омск, 1916. (In Russ.)

17. Alisov D. Cities and urban population of Omsk Irtysh region in XVII – early XX centuries. *Omskij region: istoricheskij opyt, problemy i puti jekonomicheskogo razvitiya v sovremennykh uslovijah: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 60-letiju Omskoj oblasti*. Омск, 1994, Part III, pp. 60–62. (In Russ.)

18. Brook S., Kabuzan V. Dynamics and ethnic composition of the population of Russia in the era of imperialism (late XIX century – 1917). *Istorija SSSR*. 1980, no 3, pp. 74–93. (In Russ.)

19. Goryushkin L. The population of Siberia on the eve of the October Revolution. *Istoricheskaja demografija Sibiri: sb. statej*. Novosibirsk: Nauka, 1992, pp. 84–101. (In Russ.)

20. Siberian Trade and Industry Yearbook 1914–1915. Petrograd, 1915. (In Russ.)

21. All Novonikolayevsk: address-reference book with a brief history and the city plan, 1924–1925. Novonikolayevsk, 1925. (In Russ.)

22. Naghibeda V. Census organization in 1917 in Tomsk-Altai region of Siberia (brief report). Tomsk, 1920. (In Russ.)

23. Rashnin A. The population of Russia for 100 years (1811–1913). Moscow, 1956. (In Russ.)

24. Siberian Trade and Industry Yearbook 1914–1915. Petrograd, 1915. (In Russ.)

25. Barnaul. Annals of the city. Chronology, facts. Barnaul, 2007, v. 2. (In Russ.)

26. Bulygin Y., Dyachenko Y., Skubnevskiy V. Population. *Barnaul: Encyclopediya*. Barnaul, 2000, pp. 197–198. (In Russ.)

27. Gorelov Y.P. Reception of refugees in Siberia during World War I. *Sibir' XX vek*. Кемерово, 2002, v. 4, pp. 66–73. (In Russ.)

28. The history of the city: Novonikolayevsk – Novosibirsk (historical essays). Novosibirsk, 2006. V. 2. (In Russ.)

29. Dmitrienko N. Siberian city of Tomsk in XIX – early XX centuries: management, economy, population. Tomsk, 2000. (In Russ.)

30. Scherbinin P. Everyday life in provincial Russia during the First World War (1914–1918). *Zhenskaja povsednevnost' v Rossii XVIII–XX vv.: Materialy mezhdunar. nauch. konf. 25 sent. 2003. Tambov, 2003*, pp. 121–133. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.02.2015

УДК 94(332).083

П.В. ЮРЛОВ

**ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОРГОВЛИ В СИБИРИ
В НАЧАЛЕ НЭПА (1921–1923 гг.)**

Петр Вениаминович Юрлов,
преподаватель,
Сибирский федеральный университет (СФУ)
660112, Красноярск, ул. Л. Прушинской, 2А
e-mail: yermak87@mail.ru

Статья посвящена вопросу создания и функционирования в первые годы нэпа государственного сектора торговли. Предпринимается попытка по-новому осветить проблему эффективности государственного торгового капитала и доказать, что он выполнил возлагаемые на него задачи создания широкой товаропроводящей сети. Прибыльность отдельных государственных торговых учреждений не рассматривается как ключевой фактор, поскольку он играл, на наш взгляд, второстепенную роль. Главными мотивами создания государственной торговли служили задачи контроля рыночных отношений путем создания сильного государственного капитала и формирования сети учреждений, способных выполнять функции снабжения населения и заготовок экспортного сырья. Рассматриваются такие проблемы, как процесс оформления и функционирования аппаратов государственных торговых предприятий, их методы работы и основные деловые партнеры, налаживание связей с конечным потребителем, бытовые трудности и работа с покупателями.

Ключевые слова: государственный торговый капитал, государственное торговое предприятие, заготовки, снабжение, рыночные отношения.

P.V. YURLOV

**THE STATE TRADE PHENOMENON IN SIBERIA
AT THE BEGINNING OF THE NEW ECONOMIC POLICY (1921–1923)**

Petr Veniaminovich Yurlov,
Teacher,
Siberian Federal University
2A, L. Prushinskaya St., Krasnoyarsk, 660112
e-mail: yermak87@mail.ru

The article focuses on the establishment and operation of the state trade sector in the early period of NEP. An attempt is made to elucidate the problem of the state trading capital efficiency and to prove that it fulfilled the assigned task by creating a broad commodity distribution network. The profitability of individual state trading agencies is not considered a key factor, as it played a secondary role. The main reasons for the state trade creation were the tasks of controlling market relations by establishing a powerful state capital and forming a network of institutions capable of supplying the population and procurement of raw materials for export. The author studies such problems as the process of creating the state trading enterprises apparatus, its functioning, methods and main business partners, networking with the end user, everyday difficulties and work with buyers.

Key words: state commercial capital, state trading enterprise, procurement, supply, market relations.

Функционирование рыночных отношений в период нэпа, их возникновение, расцвет и административное свертывание привлекают общественное внимание и являются темой ряда научных исследований. Рынок 1920-х гг. стал уникальным опытом легального сосуществования трех экономических секторов – частного, кооперативного и государ-

ственного. Однако в настоящее время в отечественной историографии наблюдается некоторая диспропорция в исследованиях перечисленных рыночных агентов. Если в советский период истории предпочитали изучать деятельность кооперации, то современные исследования посвящены в основном частному предпринимательству.

Функционирование государственного торгового капитала, как правило, является косвенной темой современных исследований, посвященных другим более широким вопросам [1–4]. Однако стоит отметить труды В.И. Дудукалова (хотя данный автор работал в советский период, его фактические данные имеют большую ценность по сей день) и Г.А. Чермисинова, посвященные вопросу казенного предпринимательства [5; 6]. Таким образом, сегодня отмечается недостаток работ по вопросам функционирования государственного торгового капитала. Отчасти это происходит потому, что среди исследователей считается априори, что государственная торговая сеть по природе своей убыточна и неэффективна в силу своего бюрократизма и неспособности реагировать на быстро меняющуюся рыночную конъюнктуру.

Мы считаем данное положение необоснованным. Создание государственной торговой сети диктовалось экономической и политической необходимостью – новой, большевистской власти требовались эффективные экономические рычаги воздействия на рынок и надежные товаропроводящие каналы. На примере Сибири в статье рассматривается процесс создания сети государственных торговых учреждений и их функционирование в первые годы нэпа. Мы полагаем, что государственная торговля, несмотря на все свои отрицательные черты (бюрократизм, разросшийся административный аппарат, высокая коррупционность и т. д.) в годы нэпа, решила возложенные на нее задачи создания развитой торгово-заготовительной сети и контроля над ростом цен. В связи с этим стоит отметить, что вопросы экономической выгоды отдельных госторгов отошли на второй план, так как государственная торговля вскоре после ее создания стала выполнять задачи снабжения и заготовок экспортного сырья.

В первые годы нэпа ближайшей целью государственного торгового капитала являлась максимальная прибыль, которая рассматривалась как база для охвата всего обмена страны или, другими словами, на начальном этапе главной задачей госторговли было первоначальное накопление капитала. После объявления в марте 1921 г. о введении нэпа государственный торговый капитал в ходе своего формирования пережил несколько этапов. На первом этапе государственные торговые предприятия (госторги) были организованы в составе бывших аппаратов снабжения. В виде торгово-заготовительных отделов они подчинялись обслуживанию не промышленности в целом, а определенному кругу предприятий, подведомственных Губернскому совету народного хозяйства (ГСНХ) или высшим органам Совета народного хозяйства (СНХ). Собственных капиталов для торговых операций отделы не имели и производили операции на средства, отпущенные в авансовом порядке. Купленные предметы для предприятий или средства, вырученные от реализации их продукции, отделы передавали по прямому назначению без права распоряжения ими.

С осени 1921 г. начался второй этап развития государственной торговли, когда предприятия стали переводиться на хозяйственный расчет с выделением им особых фондов. Параллельно этому началась организация самостоятельных губернских и областных торговых отделов и бюро на основе торговых бюро губернских советов народного хозяйства. Торготделы и торгбюро представляли собой юридически самостоятельные органы, действовавшие на особом положении и оперировавшие выделенным им оборотным капиталом. Государственный торговый капитал также подчинялся обслуживанию промышленности соответствующего района согласно общей директиве о задачах бюро (отдела). Однако уже устанавливался свободный договор между предприятием и торгбюро (торготделом). Право выбора предприятий, места, времени и оборотов торговли, предоставленное торгбюро, а также право выбора для предприятий свело на нет подчинение торгового капитала промышленности. Большинство предприятий обзавелось собственными торгово-заготовительными аппаратами и уклонялись работать через торгбюро. Предприятия стали продавать свою продукцию там, где можно было выручить большую цену, скорее продать и получить средства.

Третий этап организации государственной торговли начался с организации паевых торговых обществ. На данном этапе развития взаимоотношения между государственными торговыми органами и государственными промышленными предприятиями определялись свободными соглашениями. К тому же выбор клиентуры из числа предприятий происходил по свободному усмотрению торговых органов. Торговые органы получали свободу в выборе форм, объектов и методов торговли. Связь торгового капитала с частной промышленностью допускалась для помещения свободного капитала или для усиления операций с государственной промышленностью.

Взаимоотношения государственных торговых учреждений с другими государственными организациями, кооперативами и частными предпринимателями регламентировались серией постановлений о государственных подрядах и поставках. 30 сентября 1921 г. вышло постановление СНК «О государственных подрядах и поставках», где были определены нормы заключения государственных договоров. Согласно положению «сдача поставки и подряда органами государства производится путем публичных торгов, о дне и условиях коих заблаговременно публикуется во всеобщее сведение». Таким образом, вводился новый порядок сдачи подрядов через аукционы. Предполагалось, что это удешевит выполнение заготовок и снизит коррупцию.

Государство с учетом экономических факторов и собственной слабости постоянно шло на уступки рыночным отношениям, все более освобождая предприятия от своего контроля. 16 августа 1921 г. опубликован декрет «О расширении прав государственных предприятий», согласно которому предприятиям пре-

доставлялось право заказа и покупки на рынке всех продуктов кустарного и мелкого производства; снабжение остальной продукцией возлагалось на губснабы. Уже 26 октября 1921 г. был издан декрет «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарооборотных и заготовительных организаций» [7]. Для устранения частного торговца из сферы снабжения только кооперация имела право снабжать предприятия и реализовывать их продукцию. Однако вскоре, 4 декабря 1921 г., предприятия получили право приобретать недостающее продовольствие и фураж на вольном рынке и покупать все предметы в случае недополучения от ВСНХ. 6 февраля 1922 г. по указу ВСНХ узаконился вольный рынок для снабжения государственных предприятий и реализации их продукции [8, с. 17].

Такое обилие законодательных актов за столь короткий срок свидетельствовало о беспомощности государства. Чтобы восстановить разрушенную экономику, оно пыталось организовать рыночные отношения, придать им какую-либо законодательную форму и, следовательно, постоянно шло на уступки рынку и узаконивало уже сложившиеся хозяйственные отношения. Так, 27 июля 1923 г. СНК издал новое положение «О государственных подрядах и поставках», согласно которому государственные органы, не находившиеся на государственном бюджете, освобождались от обязательного проведения публичных торгов. Кроме того, подряды и поставки между государственными органами отныне заключались без производства торгов.

Аппарат госторгов состоял из главной конторы, которая, как правило, находилась в Москве и занималась покупкой товаров для отделений, покупкой и продажей сырья, осуществляя общее руководство и контроль над отделениями. Отделения и конторы в свою очередь располагались на местах и занимались продажей товаров потребителю и заготовкой сырья. Главная контора концентрировала у себя все закупочные операции товаров для сибирских отделений. Покупка проводилась по заказам-выпискам отделений, получаемым через установленный промежуток времени (как правило, не больше одной недели). Установленные главной конторой цены были обязательными для отделений как минимальные, в свою очередь отделения могли их повышать. Оборот принимался в 75 дней, так как 45 дней товар находился в пути (с момента передачи заказа до фактической возможности пустить товар в продажу) и 30 дней занимал период мобилизации средств, вырученных от продаж. Номенклатура товаров определялась главной конторой. Тем не менее отделения имели право принимать от местных предприятий товары для комиссионной торговли. Как общее правило, отделения не могли заниматься самостоятельной покупкой товаров с целью их продажи. Вырученные от продажи деньги отделения переводили главной конторе, оставляя у себя только суммы для покрытия накладных и организационных расходов.

В начале нэпа заготовки госторгов (в том числе торгбюро) для нужд промышленности строились на контрагентстве. Как правило, частники или другие государственные учреждения получали авансы от госторгов и обязывались в определенные сроки сдать договоренные количества на склады госторгов. Таким образом, собственный аппарат госторгов был нужен лишь для приемки сырья и переправки в места продаж. Весь активный аппарат, учитывавший рынок и организовывавший покупку сырья, образовывался вне госторгов у его контрагентов. Контрагентские заготовки удлинляли период оборота капиталов и лишали части выгоды государственные торговые организации. В газете «Красноярский рабочий» от 9 апреля 1922 г. был напечатан фельетон «На пути к нэпу», который обрисовал данную ситуацию следующим образом:

Что ни день, то объявления –
«Торги... торги с переторжкой...
торги без переторжки...»
Торги на все: на сдачу завода,
на заготовку сырья, на постройки,
на расстройки...
Вы думаете это торговля?..
Это аукцион.
Мы хотим торговать и промышленять
по ученому.
У нас ни какнибудь.
Сибторг, Губторг, Уторг, Волторг,
Сельторг... Комитеты цен...
Биржа, маклера...
А оборотистый человек «ломает»
поряд за порядом и опустошает
Советские склады¹.

Соотношение клиентуры госторгов выглядело следующим образом: государственные органы (в основном производственные органы) занимали 67,2 % операций, частные предприниматели – 30, кооперация – 2,8 %. Малая доля кооперации свидетельствовала о том, что реальной связи с деревней у госторгов не было, чем пользовался частный капитал, доля которого в операциях государственного торгового капитала составляла 30 %. Более того, недоверие и конкуренция государственных органов также создавали питательную среду для развития частного предпринимательства.

По предметам оборота доминировали фабрично-заводские товары, что видно из таблицы.

Из таблицы следует, что государственные торговые учреждения занимались продажей в основном мануфактуры (57,8 %). Остальные наименования товаров занимали у них не более 4,3 % (товары из кожи).

Рассматривая вопрос эффективности государственной торговли, следует отметить, что на рынке функционировало большое количество госторгов, как успешных, так и быстро разоряющихся. Показатель-

¹ Чернятин В. Вместо фельетона. На пути к нэпу // Красноярский рабочий. 1922. 9 апр. С. 2.

Состав оборота госторгов в 1922 г.*

Наименование	Занимаемая доля, %
Мануфактура	57,8
Кожаные товары	4,3
Каменный уголь	3
Пушнина	1,6
Металлы	1,5
Стекло оконное	0,7
Соль	0,6
Табак	0,2
Прочее (товары, чья доля менее 0,1 %)	30,2

* Составлена по: Жизнь Сибири. 1923. № 2–3. С. 102.

ной является деятельность двух торговых учреждений: Сибторга и Енисейского госторга. В январе 1922 г. в Новониколаевске появился Сибпромбюро ВСНХ (Сибторг), который стал объединять губернские торговые бюро Сибири. В начале своей деятельности Сибторг мог выделить на торговые операции не более 3 млн руб. зол., из коих на торговлю фабрично-заводскими товарами – 2 млн руб. зол. [9, с. 136]. Сибторг ввозил фабрично-заводские товары в Сибирь из Центральной России. Номенклатура товаров включала мануфактуру, нитки, папиросы (главным образом для рабочего и городского населения) и сахар. По закону рынка вскоре многие мелкие и слабые предприятия стали закрываться, а более крупные, наоборот, продолжали расти и увеличивать обороты. Так, один Сибторг имел за 1922 г. 2 млн руб. зол. чистой прибыли [10, с. 70].

Другой пример – созданное 1 марта 1922 г. Енисейское губернское торговое бюро (Губторг). Работа учреждения началась лишь на фонды, полученные от губернского СНХ, всего 232.416 руб. зол.² Значительное количество товаров передано не было за их отсутствием, а среди сданных материалов оказалось много недоброкачественных. Например, были получены заготовки обуви без подошв, блюдца без чашек и т. д.³ Более того, губторг потерпел неудачу в заготовках сырья: его контрагенты не выполнили взятых ими подрядов. Как следствие, в конце декабря 1922 г. губторг реорганизуют в новое торговое учреждение – Государственное торгово-промышленное товарищество на паях (губпайторг, или промторг). Основной капитал общества составлял 1 млн руб. зол.⁴ Несмотря на многообещающее начало, губпайторг прекратил свое существование уже в октябре 1923 г. вследствие его убыточности. Предприятия стали предпочитать самостоятельно сбы-

вать свою продукцию и вести заготовки, устанавливая контакты с рынком через свои объединения: комбинаты и тресты. Успешность того или иного госторга зависела от многих факторов, как субъективных, так и объективных.

В течение 1923 г. товарная масса от основных оптовиков Сибири к потребителю поступала четырьмя путями (госторги, кооперация, частники и акционерные общества), причем главными из них являлись кооперация и частная торговля. Они охватывали 76,1 % всего оборота, из них на долю кооперации приходилось 40,1 %, а на долю частного торговца – 36 %. По сравнению с ними доля непосредственного обслуживания потребителя через госторговлю и розничная продажа крупных оптовиков занимали более скромное место: на госторговлю приходилось 15,8 %, на розничную торговлю – 8,1 % оборота 1923 г. [5, с. 19].

Распределение оборотов по отдельным торговым организациям значительно отклонялось от среднего соотношения оборотов по клиентуре. Так, по Сибторгу обороты с частным торговцем в 1923 г. достигали 51,8 %, на долю кооперации приходилось лишь 14,3 %, на государственную торговлю – 9,2, на собственную розницу – 24,7 %. По Сибирскому краевому союзу кооперативов (Сибкрайсоюз) главную массу оборота обеспечивала кооперация – 60,2 %. На частную торговлю приходилось 24,6 %, на государственную – 15,2 % [11, с. 56–57].

Следует отметить, что основной крупный продавец на рынке – госорганы – работал в значительной степени непланомерно. Особенно это касалось торгового аппарата и политики цен. Аппарат создавался слишком громоздким, тяжелым бременем для отпускных цен были накладные расходы. Кроме того, госорганы, в сущности, не имели торгового аппарата, который доводил товары до крестьянина. Например, аппарат губторга лишь в некоторых пунктах Енисейского уезда и в Туруханском крае вышел за пределы уездных городов, аппарат же «Хлебопродукта» до марта 1923 г. вел не торговлю, а главным образом заготовку. Хотя аппарат последнего отличался более широкой сетью в губернии, его периферийные органы были еще слабы по размерам операций.

По данным биржевой и внебиржевой торговли, госорганы являлись главными продавцами, но они создали ситуацию, когда частный посредник стал главным проводником товаров государственной промышленности. Перед госорганами встала дилемма: или создать и развить свой аппарат до размеров проводника товаров к массовому потребителю, или превратиться в оптовых торговцев, а непосредственным проводником к потребителю сделать кооперацию. В тот период определился именно второй путь. Опыт непосредственной торговли госорганов в сельской местности не дал желаемых результатов, и отказ от массовой торговли был актуальным, так как накладные расходы аппарата на местах оказывались слишком обременительными.

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 91. Л. 72.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. Р-824. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Бытовая оснащенность даже таких крупных организаций, как госторги, была очень бедной. Обыденная жизнь работников торговли оставляла желать лучшего. Например, современник описывал деятельность лавки «Хлебопродукта» следующим образом: «В лавке № 6 Хлебопродукта, находящейся в Николаевской слободе, имеется весьма своеобразная касса. Представляет из себя эта касса незапирающуюся комнату... В распоряжении кассирши предоставлен простой столик с выдвижным ящиком, тоже незапирающимся... Если кассирше необходимо отлучиться, ей приходится надевать пальто, расстав по его карманам все наличные деньги, а их иногда может быть до 10 миллиардов и уже в таком забронированном виде выходить. Неужели у Хлебопродукта не найдется средств устроить приличную кассу или просто купить замок к столу?»⁵. При обзоре дежурного магазина «Губмясохладобойни» выяснилось, что заведующий (которого, оказывается, давно постановили уволить) вел «борьбу с бумажной волокитой» весьма оригинальным способом: никакой отчетности в магазине не было, бухгалтерских книг не велось, цены повышали и понижали без всякой фиксации. Когда же начали проверять наличие товара и кассу, то оказалось, что товару было лишнего на 2 915 р. 15 к., а в кассе были лишних 834 р. 21 к.⁶

Причем, чем крупнее было предприятие, тем хуже обслуживали в магазинах. Споры, ругань продавцов с покупателями, обвешивание были не редкими явлениями. Продавец часто мог встать спиной к покупателям или продавать испорченный, некондиционный товар по цене нормального. На страницах газеты «Красноярский рабочий» так описывался поход в магазин губпайторга: «Пошли мы в Губпайторг: там подали нам катанки – голая коровья шерсть да еще и разлазится. Попросил показать другие, а приказчик обиделся: поставил катанки на место и сказал: – “Нечего вам показывать, вы не покупать пришли, а разглядывать!”»⁷. Даже сама покупка интересующего товара могла стать серьезной проблемой. Один покупатель так описал процесс покупки сбоев (остатки после разделки туш животных) в губпродкоме: «Входим в учреждение. Стены грязные, полы грязные... в углу куча мусора... Мы всех спрашивали, все не знали, наконец, нам ткнули на одну дверь... Сперва нужно написать заявление. С ним идти в распред. Там напишут резолюцию. Оттуда идти в главный запрет. Там наложат вторую – окончательную. Потом к главному бухгалтеру. Там напишут ордер. Потом в распред. Там тоже подпишут. Потом к главному бухгалтеру, он поставит номер. Потом в кассу, там возьмут ордер, примут деньги и выдадут ордерочек. Потом, если только

вас не разобьет паралич, если вы не закружитесь и не угадите на Качу в прорубь, то идите прямо в склад и получите сбой. Побывав везде, на пятый день мы торжественно везли воз сбоев»⁸. Как видим, государственная торговая сеть не только испытывала экономические трудности, но и имела большие недоработки с обслуживанием клиентов. Именно с последней проблемой непосредственные участники рынка сталкивались каждый день, что оставляло у них негативное впечатление о работе госторгов.

Таким образом, в начале нэпа в сфере торговли появился еще один сектор – государственные торговые предприятия. Созданные с целью снабжения промышленности и реализации ее продукции госторги вскоре обособились в самостоятельные торговые организации. Данный процесс был вызван сложными конъюнктурными условиями рынка и задачами периода накопления первоначального капитала. Местные власти всеми силами пытались организовать работу народного хозяйства, возлагая все надежды на государственный сектор как наиболее сильный и способный урегулировать экономические отношения. Большим испытанием для государственной торговли стал кризис сбыта рубежа 1923-1924 гг. (в Сибири он проявился позднее). Выход из кризиса сбыта был найден в улучшении организации торгового аппарата, расширении возможностей для развития частной торговли. В области государственной торговли решено было развивать оптово-розничную торговлю трестов и синдикатов, а также устраивать склады и базы и расширять торговую агентуру. Кроме того, власти начали кампанию по снижению цен на продукты фабрично-заводской промышленности и по перераспределению кредитов. Кризис сбыта 1923 г. показал необходимость улучшения товаропроводящей сети. В последующие годы центральные и местные власти административным порядком стали вмешиваться в работу государственных торговых учреждений, а это означало, что государственная торговля все больше переходила на принципы планового снабжения. По нашему мнению, именно функция снабжения была определяющей при создании сектора государственной торговли. В начале 1920-х гг. шел процесс оформления государственного торгового капитала, госторги имели относительную свободу, поскольку еще не существовало надежной товаропроводящей сети, а главное – государство еще не располагало достаточными ресурсами для перевода торговли на плановые рельсы снабжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердников Л.П., Лонина С.Л. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории финансового управления Енисейской губернии и Красноярского края: в 2 ч. Красноярск; М., 2012. Ч. 2. 384 с.

2. Гимпельсон Е.Г. «Советские управленцы». 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. 228 с.

⁸ Сенотрусов Н. Кооперация // Красноярский рабочий. 1923. 30 мая. С. 3.

⁵ Хроника Красноярска // Красноярский рабочий. 1923. 10 марта. С. 3.

⁶ Первые итоги продработы // Красноярский рабочий. 1923. 31 июля. С. 3.

⁷ Рабоч. СПО. «Хорошо» торгуют // Красноярский рабочий. 1923. 11 окт. С. 3.

3. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. 284 с.

4. Розенберг У. Социально-экономическое положение и политика советского государства при переходе к нэпу // История СССР. 1989. № 4. С. 12–25.

5. Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928 гг.). Томск, 1978. 218 с.

6. Черемисинов Г.А. Государственное предпринимательство в годы нэпа: 1921–1932 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2003. 426 с.

7. Сборник обязательных постановлений, приказов и распоряжений Енгубисполкома. Красноярск, 1922. С 12.

8. Сопов Н. Торговля в условиях нэпа // Жизнь Сибири. 1922. № 2.

9. Ботвиник Е. Основные положения к операционному плану Сибирского торгового товарищества на 1923 г. // Жизнь Сибири. 1923. № 1.

10. Ботвиник Е. Экономическое положение Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 70.

11. Ботвиник Е. Торговля в 1923–24 году и ближайшие задачи // Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 56–57.

REFERENCES

1. *Berdnikov L.P., Lonina S.L.* From monetary pantry to the Ministry of Finance: Essays on the History of the financial management

of the Yenisei province and the Krasnoyarsk Territory: in 2 vol. Krasnoyarsk; M., 2010, v. 2, 384 p. (In Russ.)

2. *Gimpelson E.G.* «Soviet managers». The 1920s. (Managerial staff of the state apparatus of the USSR). Moscow, 2001, 228 p. (In Russ.)

3. *Il'nikh V.A.* The state regulation of agricultural market in NEP conditions (1921–1928). Novosibirsk, 2005, 284 p. (In Russ.)

4. *Rozenberg U.* Social-economic condition and politics of the Soviet state in the transition period to NEP. *Istoria SSSR*. 1989, no 4, pp. 12–25. (In Russ.)

5. *Dudukalov V.I.* The Soviet trade development in Siberia during a period of socialist construction (1921–1928). Tomsk, 1978, 218 p. (In Russ.)

6. *Cheremisinov G.A.* State entrepreneurship during NEP: 1921–1932: Dissertation of DPh. Saratov, 2003, 426 p. (In Russ.)

7. The collection of compulsory decrees, orders and instructions of Yengubispolkom. Krasnoyarsk, 1922, p. 12. (In Russ.)

8. *Sopov N.* The trade under NEP conditions. *Zhizn' Sibiri*. 1922, no 2.

9. *Botvinik E.* Main regulations to the operational plan of Siberian trade partnership for 1923 // *Zhizn' Sibiri*. 1923, no 1. (In Russ.)

10. *Botvinik E.* Economic state of Siberia. *Zhizn' Sibiri*. 1923, no 6–7, p. 70. (In Russ.)

11. *Botvinik E.* Trade in 1923–24 and the nearest targets. *Zhizn' Sibiri*. 1924, no 7–9, pp. 56–57. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.12.2014

УДК 621.039(57.1.6)

И.М. САВИЦКИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СВЯЗИ С ИСПЫТАНИЕМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НА НОВОЗЕМЕЛЬСКОМ ПОЛИГОНЕ

Иван Михайлович Савицкий,
д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: politik@history.nsc.ru

В статье рассматриваются последствия, связанные с гонкой особо мощных систем вооружения в годы «холодной войны». Ядерный полигон на Новой Земле находился на сопредельной территории с Западной Сибирью. На этом полигоне подрывались самые мощные ядерные заряды. Причем испытания проводились только с учетом того, что роза ветров была в восточном направлении и воздушные потоки кружили несколько суток, не выходя за пределы СССР. В связи с этим компоненты ядерного оружия – стронций и цезий – загрязняли большие территории страны, особенно Западной Сибири, оказывая зловещее влияние на природную среду, животный мир и население. Вся пищевая цепочка – почва, растительность, животные и человек – оказалась загрязнена радиоактивными веществами. В результате заболеваемость населения злокачественными новообразованиями в Западной Сибири – самая высокая в Российской Федерации. Актуальность данной статьи состоит в том, чтобы показать жителям региона причины такого состояния здоровья, а органам власти принять соответствующие меры.

Ключевые слова: испытание ядерного оружия, природная среда, ядерные следы, радиационная обстановка, загрязненные территории, населенные пункты.

I.M. SAVITSKY

**THE ENVIRONMENTAL SITUATION IN WESTERN SIBERIA
IN CONNECTION WITH THE NUCLEAR WEAPONS TESTING
AT THE NOVOZEMELSKY NUCLEAR SITE**

Ivan Mikhailovich Savitsky,
Doctor of historical Sciences,
Institute of History SB RAS
630090, Novosibirsk, Nikolaev st., 8
e-mail: politik@history.nsc.ru

Historically, confrontation between the two great powers led to the arms race in the heart of which was creation of super weapons systems. Under these conditions, the Soviet Union did its best to create a nuclear missile shield. In the territories adjacent to the Western Siberia the nuclear test sites began to function, where nuclear and thermonuclear tests were carried out. A total of 132 tests were conducted at Novaya Zemlya (the Northern nuclear site («Object 700») was the main site in the USSR). It is noted that nuclear tests were conducted only when the wind rose showed a spike in the eastern direction so the nuclear cloud drifted within a few days along the territory of the USSR. Importantly, the most powerful nuclear and thermonuclear weapons were tested at Novaya Zemlya. As a result of these nuclear tests the large territories in Western Siberia, particularly, the Arctic areas were contaminated by radioactive substances. For example, in October, 1958 a total of 13 tests were carried out at the Novozemelsky nuclear site. Maximum levels of beta activity of radioactive fall-outs occurred on October, 6 - 7 and it was 89,60 um/cm per day. The nuclear traces affected southern areas of Western Siberia and the north of Kazakhstan in the second half-beginning of the third decade of August, the first decade of September and the first half of October. The largest thermonuclear test in the world was detonated at Novaya Zemlya on October 30, 1961. It is clear that the components of nuclear weapons - strontium and cesium polluted the vast territory, particularly the areas of Western Siberia. Of course, the terrible consequences of radiation had a great impact on the natural environment, wildlife, animals and population of the region, which was completely in the dark about the negative impact of nuclear tests. As a result of this and other factors, the morbidity caused by malignant tumors among the population of Western Siberia remains the highest in the Russian Federation.

Key words: nuclear weapons test, environment, nuclear traces, polluted areas, human settlements.

Испытание ядерного оружия на Новоземельском полигоне оставило большие территории, загрязненные радиоактивными и другими опасными веществами в Западной Сибири, особенно в северных районах, оказало влияние на окружающую природную среду, жизнедеятельность населения.

Главный в СССР ядерный полигон – «Объект-700» – располагался на Новой Земле. Государственная комиссия рекомендовала базу полигона разместить в становище Белужья, аэродром – в Рогачеве, а в качестве боевого поля использовать Черную губу. В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 31 июля 1954 г. началось строительство полигона. В губе Белужья строители сдали в эксплуатацию радиотехническую, физико-техническую, медико-биологическую, кинофототехническую лаборатории; специальное сооружение для сборки зарядов; служебные, складские, жилые и бетонные помещения.

В Рогачеве был введен в строй аэродром с металлической полосой для базирования полка реактивной истребительной авиации с целью охраны полигона, а также смешанной эскадрильи специального назначения для кино съемки, забора проб воздуха, слежения за радиоактивными облаками и т. п. и эскадрильи транспортной авиации для связи с Большой землей. Построен новый подопытный объект в губе Черная [1, с. 158, 160].

На полигоне испытывалось ядерное и термоядерное оружие большой мощности на суше, в воде и атмосфере. Всесторонне использовалось воздействие ядерных взрывов на все виды вооружения и военной

техники, в том числе на корабли, подводные лодки, фортификационные сооружения и т. п. На полигоне Новая Земля произведено 132 взрыва, из них воздушных – 86, наземных – 1, под водой – 3, подземных – 42.

7 сентября 1957 г. в районе губы Черной был произведен наземный атомный взрыв мощностью 32 тыс. т. Взрыв вызвал незначительное и кратковременное загрязнение района Карского моря в восточном направлении до п-ова Ямал. 24 сентября 1957 г. состоялся ядерный взрыв на высоте 2 км опытного изделия 205 более высокой мощности, чем на Семипалатинском полигоне. Боевое поле Д-2 стало единственным в стране местом проведения взрывов зарядов мегатонного класса [1, с. 164, 167].

Новоземельский полигон расположен в 2,5 тыс. км от Новосибирска. При существующих скоростях ветра на большой высоте ядерный след при северо-западных атмосферных процессах мог достигнуть города через двое-трое суток. В зону загрязнения Новосибирск не входил, но направление ветра 31 октября 1961 г. способствовало переносу воздушных масс на город. Траектория прохождения следов испытаний на полигоне подтверждает прямое воздействие, как минимум, двух взрывов на радиоактивное загрязнение атмосферных выпадений в городах Новосибирске и Карасуке в конце сентября – начале октября 1958 г. и в декабре 1962 г.

23 марта 1958 г. ядерные взрывы на Семипалатинском полигоне прекратились и не проводились до 1 сентября 1961 г., а на Новоземельском полигоне в октябре 1958 г. было произведено 13 ядерных испы-

таный. Максимальная бета-активность выпадений за сутки в Новосибирске в 1958 г. приходится на 6–7 октября – 89,60 мКи/км², а в Карасуке на 10–11 октября – 28,80 мКи/км² в сут. С 18 по 25 декабря 1962 г. было произведено 11 особо мощных взрывов. Один из них (24 декабря) – более 10 000 Кт. 25–26 декабря 1962 г. в Новосибирске была зафиксирована максимальная суммарная бета-активность выпадений – 98,90 мКи/км² в сут. Сказывалось влияние новоземельских ядерных следов на юг Западной Сибири и север Казахстана во второй – начале третьей декады августа, первой декаде сентября и первой половине октября 1962 г.

Аналогичная картина наблюдалась и в первой половине октября 1961 г. В первой декаде октября 1961 г. было произведено шесть взрывов мощностью до 5 000 Кт, а в первой декаде ноября – по три взрыва в день мощностью до 5 000 Кт. В эти месяцы максимальные значения среднесуточной бета-активности атмосферных выпадений в Новосибирске отмечены 11–12 октября – 29,7 мКи/км² в сут, 8–9 ноября – 12,4 мКи/км² в сут, а в Карасуке – 9–10 октября (92,3 мКи/км² в сут) и 9–10 ноября 1961 г. (57,9 мКи/км² в сут).

Исследователь В.В. Селегей сообщает, что, не располагая данными синоптических условий формирования и движения воздушных масс из эпицентра взрыва на Новой Земле, невозможно точно определить число ядерных взрывов, оказавших влияние на радиоактивное загрязнение Новосибирской области и западных районов Сибири, но то, что новоземельских следов прошло через область минимум четыре и они оказались определяющими по загрязнению – очевидно, хотя траектория их движения еще не воссоздана¹.

30 октября 1961 г. на Новой Земле был испытан самый мощный в мире термоядерный воздушный взрыв. Изделие-202 имело невиданные еще размеры: 8-метровая бомба толщиной в 2 м весила 26 т. Чтобы поднять в воздух такую махину, требовалась специальная переделка дальнего стратегического бомбардировщика Ту-95. Бомба должна была взорваться в воздухе высоко над землей. Для этого пришлось разработать уникальную парашютную систему.

В назначенное время сверхтяжелый корабль поднялся в воздух. Вслед за ним взлетел и самолет-дублер Ту-16. Наступил ответственный момент – с высоты полета 10 500 м в 11 ч 30 мин бомба была сброшена по цели в районе Маточкина Шара. Взрыв произошел по команде, как и планировалось, на высоте 4 000 м. В момент вспышки самолет-носитель находился от взрыва на удалении 40 км. Ударная волна на самолеты воздействовала многократно, начиная с удаления от взрыва на 115 км для носителя и 250 км для самолета-дублера. Воздействие ударной волны для экипажа было достаточно ощутимым, но затруднений в пилотировании не вызвало.

Тем не менее летчики испытали немало пренеприятных минут. Во время вспышки в кабинах, закрытых светонепроницаемыми шторками, стало жарко, по-

явился запах гари, с рабочего места штурмана-бомбардира потянуло дымом. Вскоре выяснилось, что пожара не случилось. Хуже было в кормовой кабине, обращенной непосредственно в сторону взрыва. Там было так жарко, что воздушному стрелку жгло лицо и руки. На самолет воздействовало три ударные волны. Первая волна была самая ощутимой – мощный удар потряс самолет, летчики парировали колебания штурвала.

Процесс развития облака взрыва длился в течение 8–9 мин, а высота его верхней кромки достигала 15–16 км, диаметр 30–40 км. Через 10–12 мин после взрыва купол облака стал растягиваться по ветру и через 15 мин облако приняло вытянутую форму. Академик А.Д. Сахаров назвал этот заряд «супербомбой» с тротиловым эквивалентом примерно 50 мт. Взрыв произошел в нескольких десятках километров от центра полигона пос. Белужья Губа.

Известный знаток Арктики Н.Г. Бабич, проработавший в гидрометеослужбе Северного морского пути на Диксоне более 20 лет, хорошо знал, как аукнулся для Севера тот рекордный взрыв. Он свидетельствовал: «Взрывная волна трижды обогнула земной шар. Потом еще много лет увозили людей с островов Карского моря, накрытых радиооблаком. Людей лечили, а вот тысячи белых медведей погибли от переоблучения».

Руководитель группы прогнозирования академик Ю.А. Израэль доложил комиссии, что сейчас основной ветер северо-восточного направления продержится на основных высотах день-два, а затем облако покружит по Арктике. Не исключалось, что часть его перенесется на материк и может достичь Японии и даже Америки, но степень радиоактивности от бомбы будет незначительной.

По данному взрыву сведений нет, но после испытания 23 октября 1961 г. ядерной бомбы мощностью около 30 мт сейсмическая волна от взрыва впервые была засечена в США. Ее зафиксировали в Финляндии и во всех скандинавских странах. Все посты, в том числе на побережье, видели вспышку. До Диксона, более 700 км, ударная волна дошла незначительной силы. Повышение радиационного фона там не отмечалось.

Два истребителя, сопровождавшие самолет-носитель бомбы, произвели посадку на аэродроме Амдерма. Амдерма – это небольшой поселок на юго-западном берегу Карского моря. Во время очередного обследования поселка, проводимого в ходе испытаний ядерного оружия на Новой Земле, военные увидели, что почти около каждого дома стоял ящик с оконным стеклом. Местные жители это объяснили так: «Никита Сергеевич обещал испытать такую бомбу, что в Америке стекла полетят. Ну, а мы немного ближе к полигону, поэтому решили подготовиться».

В Амдерме во время взрыва 30 октября 1961 г. стекла уцелели, но этот взрыв в совокупности с другими ядерными испытаниями, проводимыми в мире, ускорил введение в систему мер радиационной безопасности населения межотраслевого экспертного обследования единовременно всех важнейших регионов северного побережья страны, охватывающего припо-

¹ Российская газета. 1999. 18 июня; 2000. 10 нояб.

лярные районы протяженностью 10 тыс. км. Оседая на земную поверхность из стратосферы, радиоактивные частицы образовывали вытянутые в широком направлении полосы загрязнения. Их изотопный состав определялся долгоживущими радиоактивными продуктами, главным образом стронцием-90, цезием-137, цирконием-95 и ниобием-95 [2, с. 903; 3, с. 139, 147, 168–169; 4, с. 63].

Оценка радиационной обстановки в районе Крайнего Севера, сложившаяся в итоге испытания 1961 г., проводилась в марте-апреле 1962 г. под руководством профессора Л.А. Перцева из НИИ Министерства обороны СССР. В распоряжение экспедиции был представлен специально оборудованный самолет Ил-14 с военным экипажем. Аэрогамма съемка производилась на высоте 50–200 м по трассе Ленинград–Петрозаводск–Мурманск–Архангельск–Нарьян-Мар–Амдерма–Ямал–Диксон–Норильск–Воркута–Сыктывкар–Ленинград.

Маршрут полета позволял гарантировать обнаружение любых локальных выпадений от взрывов в случае их проникновения с полигона на побережье. Проводился отбор проб воздуха в наземных пунктах с последующим измерением количества долгоживущих радиоактивных изотопов, с определением возраста, т. е. даты взрыва. Отбирались пробы на радиоактивность продуктов питания местного происхождения, из суточных рационов жителей, мышцы и кости от умерших жителей Крайнего Севера. Контролировалась суммарная бета-активность почвы, растительности тундры, снега, воды. Все это доставлялось в Ленинград для радиохимического анализа.

Как показали результаты анализа проб, гамма-фон весной 1962 г. по всему маршруту находился на уровне 8–10 мкР/ч, исключая сам полигон. В отдельных местах он достигал 20 мкР/ч. Оказалось, что суммарная бета-активность составляла в Архангельске 1,8–1,9 ср. Ки/л, Нарьян-Маре – 0,8, Амдерме – 4,5–6,1, порту Каменный на Ямале – 1,7–1,8, Диксоне – 2,5–3,0, в Норильске – 3,9–4,0 ср. Ки/л. Весной 1962 г., после серии мощных воздушных взрывов на Новой Земле, была проведена гамма-съемка территории СССР с отбором наземных проб, на основе которой составлена карта дальних выпадений радионуклидов циркония-95 и ниобия-95, распространявшихся на Куйбышев, Свердловск, по Оби и Енисею, Киренск, Якутск, Тикси и т. д.

При изучении почв Севера учитывалась цепочка: почва–растение–продукты животноводства–человек. Ведущей отраслью северного животноводства является оленеводство. поголовье оленей в то время составляло 2,2 млн, или $\frac{3}{4}$ мирового поголовья. Кормовой их базой служили лишайники, не имеющие корневой системы. Основным источником их радиоактивного загрязнения являлись выпадения частиц взрывов. Лишайники были загрязнены цезием-137 и стронцием-90 от ядерных взрывов и радионуклидами – свинцом-210 и полонием-210 в 5–10 раз больше, чем однолетние травы, произрастающие в тундре. Сотрудники санэпидстанции еще в 1958 г. обнаружили в костях

северных оленей суммарную бета-активность, достигавшую 200 000 пКи/кг, тогда как активность говяжьих костей была в 100 раз меньше. Результаты обследования в 1962 г. в Мурманской области, Ненецком национальном округе и Коми АССР показали, что в костях оленей зарегистрированы концентрации стронция-90 – 4 000 и цезия-137 – 10 000 пКи/кг. Уровень стронция в костях оленей был выше в 5–80 раз по сравнению с костями коров, овец и свиней. Лишайники, основной корм оленей, также примерно на порядок выше были загрязнены цезием-137 и стронцием-90, чем однолетние травы – корм для коров и овец.

Измерения у пастухов – оленеводов Мурманской области, показали, что у них показатели цезия-137 (на все тело) составляли 77–171 мкКи, что в 32–85 раз превышало аналогичный уровень у ленинградцев. У оленеводов из Ненецкого, Таймырского округов и Коми АССР это превышение оказалось 10–20-кратным. В последующие годы стало известно, что в костях оленей стронция-90 накапливалось на порядок больше, чем у оленеводов. После подписания в 1963 г. Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой интенсивность глобальных выпадений несколько сократилась [2, с. 903; 3, с. 168–173].

В 1955–1962 гг. на Новоземельском полигоне было произведено 86 воздушных, один наземный и три подводных взрыва, оказавших огромное влияние на радиоактивное загрязнение Арктики и Сибири. После 1963 г. на острове было произведено 42 подземных испытания. Суммарная мощность всех взрывов составляла в тротиловом эквиваленте 273 млн т, или 94 %, от мощности всех испытательных взрывов в СССР.

По данным Госкомгидромета СССР, максимальная плотность выпадений по суммарной бета-активности в 1962 г. в результате испытаний на Новой Земле достигала в Салехарде (800 км от полигона) показателей в 10 раз выше, чем ранее. Радиоактивный след приземного испытания в сентябре 1957 г., наиболее грозный в радиационном отношении, прослеживался на 1 500 км от эпицентра: в 1964 г. максимальный уровень радиации был 300 мкР/ч. Жители Северного полушария получили дополнительные дозы в 60–70 Мбэр в год. Уровни радиоактивности в пищевой цепочке лишайники–северный олень–человек превышали фоновые в десятки раз. В связи с этим внутреннее облучение оленеводов от выпадения радиоактивных осадков на 1–2 порядка превышало внешнее: накопление стронция-90 в скелетах оленеводов в 20–40 раз было выше, чем у горожан. Онкологическая смертность у коренных народов в 2 раза выше средней, а рак пищевода встречался у живущих в районах Крайнего Севера в 15–20 раз чаще.

Во время испытания в 1970 г. в мирных целях ряда мегатонного класса при взрыве из штольни произошло просачивание инертных радиоактивных паров в атмосферу. В первые сутки вынос происходил на юг, а затем струя повернула на север в район п-ова Ямал и о-ва Белый. На высоте 0,7–0,8 км в центре струи мощность дозы достигла 0,3 мР/ч. После взрыва в штольню

12 сентября 1973 г. произошло просачивание инертных радиоактивных газов (ИРГ) в атмосферу. Через 5 ч на высоте 1 км они были вынесены в Карское море и распространились в юго-восточном направлении.

9 сентября 1977 г. ядерное устройство небольшой мощности (20 кг) было взорвано в штольне, в которой за 8 лет до этого состоялось испытание заряда на два порядка мощнее. На этот раз просачивание ИРГ произошло по горной выработке. Из прол. Маточкин Шар радиоактивные вещества поступили в Карское море и распространились на юго-восток до Салехарда. 25 октября 1984 г. при испытании устройства мощностью 15 кг в штольне было зарегистрировано просачивание ИРГ. На технологической площадке максимальная мощность дозы достигала 500 р/ч. Через несколько часов ИРГ распространились над Карским морем, затем достигли района Сургута. При движении антициклонов по оси Карское море – Юг Сибири территория Новосибирской области подверглась дополнительному загрязнению радионуклидами с Новоземельского полигона [3, с. 117–118; 5, с. 201; 6, с. 18–21].

В результате обследования более 20 районов Российской Арктики было обнаружено присутствие изотопов стронция-90 и цезия-137 во всех наземных экосистемах, а наиболее высокие концентрации отмечены у растений и животных тундры Кольского полуострова, Ямала и Таймыра. Максимальные концентрации радионуклидов содержались во мхах, лишайниках и мышцах оленей в 1964–1965 гг. после наземных ядерных испытаний.

В середине 1990-х гг. содержание стронция-90 и цезия-137 в лишайниках снизилось в 5–10 раз, а в мышцах оленей – в среднем в 100 раз. Загрязнение почвы и биоты тундры на обследованной территории приблизилось к фоновым значениям. Максимальная концентрация стронция-90 во мхах и лишайниках составляла 10–20 Бк на килограмм сухой массы, а максимальная – 100–130 Бк/кг. Концентрация цезия-137 варьировала от 20–50 до 150–350 Бк/кг.

Максимальная плотность выпадений по суммарной бета-активности в 1962 г. в Амдерме, расположенной в 300 км от Новоземельского полигона, превышала фоновые значения в середине 1990-х гг. в 11 тыс. раз. В десятки и сотни раз они были ниже в Салехарде. Новые данные подтвердили правильность ранее сделанных выводов о том, что содержание стронция в некоторых видах мхов достигло 27 тыс. Бк/кг, а в костях оленей – до 13 тыс. Бк/кг.

В 1957 г. произошел тепловой взрыв одной из емкостей, содержащих жидкие отходы активностью 20 млн Ки. Выброшенные в воздух радионуклиды активностью около 2 млн Ки образовали облако радиоактивных отходов, которое прошло над Челябинской, Свердловской и Тюменской областями, оказав влияние на северные районы Западной Сибири [7, с. 46–47].

Известный специалист в области климатологии и экологии, академик Ю.А. Израэль, посвятивший многие годы исследованию радиоактивности природной среды после ядерных взрывов, отмечал, что начало

антропогенному радиоактивному загрязнению земной поверхности положили испытания атомного оружия. Кандидат географических наук, старший научный сотрудник Сибирского НИИ гидрометеорологии В.Н. Барахтин во время ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне был ответственным представителем от Госкомитета по гидрометеорологии и контролю за окружающей средой СССР с 1967 г. Зная предыдущую историю ядерных испытаний, он сообщил, что его задачей было контролировать, чтобы радиоактивные вещества в случае аварийных выбросов после взрывов не уходили за пределы страны. Только по рекомендации метеорологов принималось решение о проведении взрывов. Засекречивался момент каждого взрыва, чтобы исключить возможность контроля зарубежными станциями, так как по составу выбросов зарубежные специалисты могли определить, какое оружие испытывается на территории СССР, выбросам было разрешено «растекаться» по всей территории СССР, за исключением московского направления.

Бывший начальник Центра мониторинга загрязнения окружающей среды Запсибгидромета В.В. Селегей сообщил, что в 1950–1970-е гг. население находилось в полном неведении о влиянии взрывов и было совершенно беззащитно. Военные требовали от синоптиков выдать такой прогноз метеорологических условий, чтобы после взрыва ядерное облако в течение нескольких суток «дрейфовало» внутри страны. Это делалось для того, чтобы другие страны не обнаружили по радионуклидам вид оружия. Существовало секретное предписание о том, что если радиоактивное облако проходит через атмосферу города и дозиметрическая служба, которая в Новосибирске появилась только в 1954 г., обнаруживала высокий уровень радиоактивного загрязнения, то информация об этом срочно кодировалась и, минуя местные органы власти, передавалась в Москву².

Таким образом, Новоземельский, основной полигон СССР, на котором испытывались наиболее мощные ядерные заряды, оказывал большое радиоактивное влияние на Западную Сибирь, особенно на арктические и приарктические территории. Причем своевременно это влияние не изучалось. Однако исследования, проводимые в 1990-х гг. и в последующие годы, свидетельствуют о том, что Новоземельский полигон наряду с Семипалатинским и полигоном Лобнор КНР вносил значительный вклад в радиоактивное загрязнение Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая Земля. Природа, история, археология, культура. М., 1998. Кн. 1: Природа.
2. Израэль Ю.А. Радиоактивное загрязнение земной поверхности // Вестн. РАН. 1988. Т. 68, № 10.
3. Ядерный архипелаг / сост. Б.И. Огородников. М., 1995.
4. Селегей В. Радиоактивное загрязнение г. Новосибирска – прошлое и настоящее. Новосибирск, 1997.

² Аргументы и факты. 1999. № 38; 2001. № 38; Российская газета. 2007, 19 июля.

5. Булатов В.И. Россия радиоактивная. Новосибирск, 1996.
 6. Якимец В. Смерть идет с Севера // Евразия – мониторинг. 1992. № 2. С. 18–21.
 7. Глазов М.В., Горячкин С.В. Изменение природных зон Российской Арктики. Экспедиция и экология Тундры-99 // Природа. 1997. № 5.

REFERENCES

1. Novaya Zemlja. Priroda, istorija, arheologija, kul'tura [Novaya Zemlya islands. Nature, history, archeology, culture]. M., 1998, kn. 1: Priroda. (In Russ.)
 2. Izrael' Ju.A. Radioaktivnoe zagrjaznenie zemnoj poverhnosti [Land surface radioactive pollution]. *Vestn. RAN*. 1988, т. 68, no 10. (In Russ.)

3. Jadernyj arhipelag [The nuclear archipelago] / sost. B.I. Ogorodnikov. M., 1995. (In Russ.)
 4. Selegej V. Radioaktivnoe zagrjaznenie g. Novosibirsk – proshloe i nastojashhee [Radioactive pollution of Novosibirsk city – past and present]. Novosibirsk, 1997. (In Russ.)
 5. Bulatov V.I. Rossiya radioaktivnaja [Radioactive Russia]. Novosibirsk, 1996. (In Russ.)
 6. Jakimec V. Smert' idet s Severa [Death comes from the North]. *Evracija – monitoring*. 1992, no 2, pp. 18–21. (In Russ.)
 7. Glazov M.V., Gorjachkin S.V. Izmenenie prirodnyh zon Rossijskoj Arktiki. Jekspedicija i jekologija Tundry-99 [Changing natural zones of the Russian Arctic. Expedition Tundra-99 and ecology]. *Priroda*. 1997, no 5. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.12.2014

УДК 622.32(571.1)

В.П. КАРПОВ

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Виктор Петрович Карпов,
д-р ист. наук, профессор, доцент,
Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТюмГНГУ)
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38
e-mail: 7654321.58@mail.ru

В статье анализируются перспективы политики «новой индустриализации» Тюменского Севера. Особое внимание уделено Ямалу, ставшему центром экономического роста современной России. Рассмотрены задачи реализации трех северных мегапроектов: «Ямал СПГ», «Сабетта», «Северный широтный ход». Показано влияние Тюменского нефтегазового комплекса на развитие региона и страны. Обосновано, что для отечественной экономики опасно не увеличение добычи углеводородов, а сужение обрабатывающего сектора. Отмечены риски и ограничители «новой индустриализации» в виде отсталых институтов государственного управления, падения темпов экономического роста страны, воздействия западных санкций. Подчеркивается необходимость преодоления зависимости нефтегазового кластера от зарубежной технико-технологической помощи. Обращается внимание на задачи развития арктической инфраструктуры, ледокольного флота, ускорения научно-технического прогресса.

Ключевые слова: Арктика, Ямал, северные проекты, индустриализация, наука, технологии, инфраструктура, интегральное развитие.

V.P. KARPOV

NEW INDUSTRIALIZATION OF THE TYUMEN NORTH: OPPORTUNITIES AND RISKS

Viktor Petrovich Karpov,
Doctor of historical Sciences, Professor,
Associate Professor,
Tyumen State Oil and Gas University
Tyumen, 625000, st. Volodarskogo, 38
e-mail: 7654321.58@mail.ru

The objective of the article is to consider the prospects of the Tyumen North new industrialization. Its first wave took place in 1960-80s and was caused by the West Siberian oil and gas complex development. In 1990s the state was far from the problems of the North, but in the 2000s it was recognized that such perception of the North was erroneous. During the last five years the “new industrialization” course led to creating the new branches of industry and doubling of the volume of industrial production in the region. The northern mega-projects were launched: 1) creation

of a center for liquefied natural gas (LNG) production in Yamal Peninsula (project "Yamal LNG"); 2) construction of Sabetta seaport considered by experts as the beginning of the Northern Sea Route (NSR) revival; 3) implementation of large-scale infrastructural project "The Northern Latitudinal Way", which will connect the Northern and Sverdlovsk railways in order to provide access of the Russian integrated transportation system to the Arctic infrastructure in future.

Implementation of the northern projects in the Tyumen Arctic could be an important step in Russia's development. However, the Tyumen region cannot develop in isolation from the Russian and global trends. Opportunities provided by the "new industrialization" policy are limited by internal and external factors. External factors include the global economic crisis, Western sanctions, drop in oil prices. A disputed status of the Arctic territories and the Northern Sea Route (NSR) may also be a factor limiting the Tyumen Far North development.

Underdeveloped government institutions, decelerating economic growth, dependence of the domestic economy on foreign technical and technological assistance constitute internal risks of new industrialization. The article ascertains that the Russian economy is endangered not by further growth in hydrocarbon production but by weakness of engineering and manufacturing industries; emphasizes the necessity of solving such problems as infrastructure development, ice-breaking fleet and integration in the Arctic.

Key words: Arctic, Yamal, Northern projects, industrialization, science, technology, infrastructure, integration.

В поисках новых решений и преодоления стереотипов государственной экономической политики важно учитывать уроки прошлого. В 1990-е гг. государство фактически ушло с Севера, в 2000-е гг. взяло курс на исправление этой ошибки, однако возвращаться – дорогое удовольствие. В постсоветский период основательно разрушена инфраструктура Крайнего Севера, почти на треть сократилось количество обитаемых поселков и городов. Военный плацдарм, созданный здесь в эпоху СССР, в значительной степени утрачен. В 2013 г. президент В. Путин подписал стратегическую программу развития Арктики до 2020 г. Ее главные задачи – изучение арктического шельфа, подготовка его углеводородных ресурсов к освоению и формированию на их основе резервного фонда месторождений. По прогнозам, запасы газа российской части Арктики превышают 80 трлн м³ [1, с. 20]. Возвращение в Арктику началось с Тюмени, ставшей одним из немногих регионов РФ, где проводится политика «новой индустриализации».

В советский период при планировании введения в хозяйственный оборот новых территорий речь шла о создании территориально-производственных комплексов (ТПК) и входящих в них промышленных узлов. В постсоветский период возникло новое понятие – «кластер». Если интегратором ТПК выступала в первую очередь производственная инфраструктура, обязательной при этом была технологическая связь между предприятиями, их вертикальная интеграция, то в кластерах интегрирующими факторами должны выступать инновации, информационно-коммуникационные сети. Предполагается, что в кластере главным фактором развития являются компетентные, творчески мыслящие люди. Именно на кластеры возлагается задача – придать наукоемкий характер традиционному ресурсному освоению Крайнего Севера.

В 2010-е гг. в Роснедрах РФ родилось еще одно новое понятие – центр экономического роста (ЦЭР), основным критерием выделения которого предложено считать значимое влияние крупных месторождений, объектов минерально-сырьевого комплекса на социально-экономическое развитие территорий. Распоряжением Правительства РФ от 21.06.2010 г. № 1039-р «Об утверждении Стратегии развития геологической отрасли Российской Федерации до 2030 года» определено понятие минерально-сырьевых центров как

совокупности разрабатываемых и планируемых к освоению месторождений и перспективных площадей, связанных общей существующей и планируемой инфраструктурой и имеющих единый пункт отгрузки добываемого сырья или продуктов его обогащения в федеральную или региональную транспортную систему (железнодорожный, трубопроводный и морской транспорт) для доставки потребителям [2, с. 13].

Самым ярким примером ЦЭР РФ стал Ямало-Ненецкий автономный округ, где сосредоточены колоссальные природные богатства – водные, минерально-сырьевые, энергетические. Крайний Север Тюменского региона переживает вторую волну индустриализации и является самым подготовленным российским плацдармом для дальнейшего продвижения в высокие широты. Арктика, включая ее шельф, – последняя провинция, способная в перспективе поддержать уровень нефтегазодобычи в стране. Поэтому освоение Тюменского сектора Арктики может стать важным этапом для развития экономики России, ее машиностроения, основным источником поступления финансовых средств и катализатором инноваций. В регионе в зависимости от конъюнктуры (спрос на внутреннем и мировом рынках) ежегодно добывается до 600 млрд м³ газа, или почти 90 % всего природного газа РФ.

В 2012 г. на п-ове Ямал началась эксплуатация Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения (БНГКМ), в 2018 г. планируется старт Харасавэйского месторождения. Это превращает полуостров в новую крупнейшую нефтегазовую провинцию РФ. Ведь только БНГКМ, разработку которого ведет ООО «Газпром добыча Надым» (в советском прошлом – объединение «Надымгазпром»), располагает запасами около 5 трлн м³ газа.

На территории ЯНАО реализуется ряд крупномасштабных проектов, которые могут изменить экономику не только Тюменской области, но и всей страны. Во-первых, это создание центра по производству сжиженного природного газа (СПГ) на п-ове Ямал (проект «Ямал СПГ»). Пока объемы производства СПГ в России не соответствуют имеющимся ресурсам и статусу РФ как энергетической державы: текущая доля РФ в мировой торговле СПГ – 4,5 % (8-е место в мире). С выходом на проектную мощность – 16,5 млн т ежегодно – Ямальский завод будет давать треть всего объема российского СПГ (вместе с проектами на Сахалине и

«Штокманом» – около 45 млн т), что покроет значительную долю мирового спроса [3, с. 18].

Географическое положение «Ямал СПГ» позволяет ему, в отличие от других СПГ-проектов, ориентированных на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), снабжать газом и Азию, и Европу, и Северную Америку. СПГ будет обладать очевидными преимуществами перед трубным – отсутствием зависимости от стран-транзитеров, снятием претензий Третьего энергопакета относительно трубопроводных поставок, маркетинговой гибкостью и выходом на новые рынки.

В соответствии с проектом «Ямал СПГ» в июле 2012 г. началась реализация другого мегапроекта – строительство морского порта Сабетта, которое расценивается экспертами как начало возрождения Северного морского пути (СМП). Порт находится в северо-восточной части полуострова, на западном берегу Обской губы, в 5 км к северо-востоку от вахтового пос. Сабетта, служившего перевалочной базой для газовиков еще в советское время. Уникальное местоположение ямальского порта позволяет обеспечивать круглогодичные поставки СПГ на рынки Европы, Америки и АТР по СМП. Первое судно из Сабетты планируется отгрузить в первом квартале 2017 г. Бесперебойность поставок должны обеспечить четыре ледокола и флотилия до 20 судов вместимостью 140–160 тыс. м³ газа [4, с. 112].

Учитывая уникальное расположение морского порта – самый центр российской Арктики, было бы нерационально использовать Сабетту только как монопорт для транспорта СПГ. Поэтому для раскрытия потенциала нового порта реализуется третий масштабный инфраструктурный проект – «Северный широтный ход». Это объединяющее название нескольких участков железной дороги и мостовых переходов, которые требуют строительства или реконструкции. Маршрут станция Обская-2–Салехард–Надым–Пангоды–Новый Уренгой–Коротчаево должен разгрузить ветку Транссиба Новый Уренгой–Сургут–Тобольск–Тюмень, которая сейчас перегружена.

В освоении отечественного Севера организующее значение имеет маршрут. Он намечает новые ориентиры хозяйственного развития территории, закладывает основу попутной схемы расселения в качестве примитивного каркаса. Опорный каркас расселения Тюменского Севера, сложившийся в советский период, демонстрирует фрагментарность его структуры. Поэтому артерии северного транспортного коридора призваны непосредственно связать целый ряд узловых элементов каркаса [5, с. 76]. Формирование Северного широтного хода соединит Свердловскую и Северную железные дороги, позволит в будущем довести «железку» до Сабетты, а значит – до СМП, тем самым обеспечив доступ единой транспортной системы России к инфраструктуре Арктики.

Все ямальские проекты, кроме экономической эффективности, имеют важное геополитическое значение. Межгосударственная конкуренция за право владения богатствами высоких широт растет, и подтверждать прежние достижения в Арктике можно,

лишь наращивая свое присутствие в регионе, демонстрируя миру не только исторические основания, но и возможности работать в Арктике.

Надежным тылом продвижения в высокие широты остается Тюмень, ставшая научным и административным центром Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1980-е гг. Вместе с тем, бурное развитие северных округов области оказывает не менее существенное влияние на юг региона. Мультипликативный эффект нефтегазовых проектов – в увеличении объемов производства машиностроения, металлургии, нефтепереработки, стройиндустрии и других отраслей экономики. На юге области сформирован нефтегазосервисный кластер, в который входят заводы «Нефтемаш», «Сибнефтемаш», «ГазТурбоСервис», «Электрон», «Halliburton», «Schlumberger» и «Baker Hughes».

Большие перспективы связаны с нефтегазохимией, базирующейся на переработке широкой фракции легких углеводородов, получаемой из попутного нефтяного газа и газового конденсата. В 2013 г. в Тобольске был введен в эксплуатацию крупнейший в России комплекс по выпуску полипропилена – «Тобольск-Полимер» – мощностью 500 тыс. т в год. Это позволит России не только полностью покрыть собственные потребности в основных марках полипропилена, но и стать крупным экспортером данной продукции.

Начавшаяся реализация северных проектов вывела Тюменский регион в число лидеров отечественной экономики. Если в России промышленное производство перестало расти уже в 2013 г., то в Тюменской области (без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) рост составил 17 % к уровню предыдущего года, в 2014 г. – 11 %¹.

Вместе с тем Тюмень не сможет развиваться в отрыве от общероссийских и мировых трендов. Ограничителями политики «новой индустриализации» являются как внутренние, так и внешние факторы. К последним относятся, в первую очередь, мировой экономический кризис, падение цен на нефть и западные санкции, объявленные России в связи с украинскими событиями. Уже в 2014 г. поток инвестиций в экономику региона заметно сократился.

В качестве главного отрицательного фактора для развития областной экономики эксперты называют нестабильность нефтегазовой ренты. Снижение цен на нефть означает и снижение налога на прибыль, поступающего в областной бюджет, а он составляет более 60 %. В 2014 г. налог на прибыль предприятий составил 68 % в бюджете региона, в то время как по РФ в среднем – 25 %². Если доходы от нефтегазового сектора будут снижаться, пострадают и тюменские нефтегазосервисные компании.

Еще одна серьезная опасность для новой индустриализации региона заключается в том, что значительную

¹ *Зубков А.* Региональная политика: вызовы и возможности // Тюменская область сегодня. 2014. 10 дек. С. 2.

² *Чупров И.* Жизнь на ренту: прогнозы развития и риски тюменской экономики // Вслух о главном. 2014. 11 дек. С. 9.

долю в сервисе занимают иностранные компании. Зависимость нефтегазового комплекса от импортных технологий и оборудования «родом из СССР» в постсоветский период не только не сократилась, но и заметно увеличилась. Крупномасштабный импорт западной технологии в счет кредитов под освоение ресурсов не решил проблем технологического обновления производства, поскольку любой технологический импорт с Запада – это всегда отставание от самого передового уровня минимум на 2–3 года [6, с. 123]. Чрезмерное увлечение закупкой импортного оборудования не стимулировало собственные научно-технические разработки, на что обращали внимание и западные эксперты, отмечая ущербность торговли сырьем и прогнозируя накопление в перспективе крупных технико-технологических проблем [7, с. 89].

Сегодня модернизация отечественных нефтеперерабатывающих заводов базируется на разработках зарубежных компаний и закупленном за рубежом оборудовании. Его доля в отечественной экономике – около 80 %. Многие эксперты жалуются на то, что ведущие зарубежные нефтегазосервисы диктуют цены, вытесняют российские компании с отечественного рынка, экономят на российском персонале, ограничивают доступ к технологиям и нередко действуют с оффшорных территорий. Свыше 65 % нефтегазосервисного рынка РФ принадлежит иностранцам, что представляет национальную угрозу – заявляет губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Н. Комарова³. Для успешной конкуренции с мировыми лидерами российским машиностроителям нужны инвестиции и правительственная поддержка. Государство должно четко определить приоритеты в данной области, как это сделали Казахстан, Норвегия и Китай.

На возрождение отечественной научной и технической базы в нефтегазовой отрасли потребуются годы и крупные инвестиции. Однако российские нефтегазовые компании пока не форсируют вложения в новые разработки. Вводимые Западом санкции против России могут вновь «отодвинуть» нашу страну от моря, сделав ее пассивным наблюдателем общемирового процесса освоения шельфа. Если Россия не хочет остаться «на берегу», ей предстоит решить очень широкий комплекс проблем – от разработки собственных технологий разведки и добычи до организации массового строительства буровых и добычных платформ, от окончательного правового урегулирования международного статуса Арктики до создания эффективного инвестиционного механизма ее освоения.

Существуют риски и более общего порядка. По мнению экспертов, в России наблюдается дисбаланс в перераспределении ресурсов между центром и периферией, что мешает регионам формировать собственные точки роста. Москва выкачивает из успешных регионов все финансовые ресурсы, инвестируя их в различные сомнительные проекты на депрессивных территориях. В итоге лидеры экономического роста

теряют возможности для ускоренного развития, а дотационные регионы не пытаются проявлять собственную экономическую активность.

Если смотреть шире, то уровень государственных институтов в России сегодня не отвечает современным вызовам. Об этом свидетельствует драматическое замедление темпов экономического роста в 2010-е гг. На несоответствие качества институтов государственного управления современным требованиям обратил внимание и премьер-министр России Д. Медведев, отчитываясь в апреле 2014 г. в Государственной думе. В результате неэффективного управления экономика не растет, динамика прибыли в добывающих отраслях в 2013 г. по сравнению с 2012 г. снизилась на 10 %, а в обрабатывающих – на 35 %, по экономике в целом – на 20 %⁴. В 2014 г. девальвация рубля, падение цен на нефть и санкции лишь усугубили тупик, в котором оказалась институциональная система, не способствующая развитию и инвестициям.

Препятствием в освоении Тюменского Севера может стать нерешенность вопроса о правовом статусе арктических территорий и, в частности, о статусе Северного морского пути, который является главной сухоходной магистралью России в Арктике. Проблема правового статуса заключается в различном понимании его определения: либо как интернациональной, либо как национальной трансконтинентальной магистрали. Существует противоречие между необходимостью сохранения особых прав России на СМП как акватории, имеющей большое историческое, географическое и экологическое значение для нашего государства, и его интернационализацией в качестве акватории, свободной для беспрепятственного плавания любых иностранных судов. Это противоречие в политическом смысле является одним из факторов международного соперничества в Арктике.

Кроме России, основными претендентами на право пользования арктической трассой, согласно географии арктического региона, можно считать Данию, Канаду, Норвегию и США, т. е. государства, имеющие особую экономическую зону в акватории Северного Ледовитого океана. Можно ожидать и появления новых участников «битвы за Арктику», пока не заявивших о своих интересах в этом регионе мира, например Китая, столь остро нуждающегося в углеводородном сырье.

Соперничество за контроль над СМП не представляет для России опасности вооруженного столкновения. Гораздо большую опасность представляют внутренние экономические и социальные проблемы страны. Это медленное развитие транспортной инфраструктуры в арктических регионах РФ, деградация существующей инфраструктуры в арктических городах и поселках, проблемы, связанные со старением ледокольного флота, отсутствие необходимого финансирования и механизмов привлечения иностранных капиталов и технологий, растущая международная изоляция России.

³ Рябова Н. В поиске стимулов. Нефтяники не получают льгот, но им помогут // Вечерняя Тюмень. 2014. № 8 (528). С. 1.

⁴ Огнев И. Анемичное государство топит и экономику // Тюменская правда. 2014. 30 мая. С. 2.

Одним из важных условий российского присутствия в акватории СМП является модернизация отечественного ледокольного флота. В 1950-е гг. наша страна стала лидером по производству мощных ледоколов (более 25 тыс. л. с.) [8, с. 83]. Сегодня фактически действующими атомными ледоколами остаются четыре судна: «50 лет Победы», «Ямал», «Таймыр» и «Вайгач». Возраст самого старого – «Таймыр» – приближается к 25 годам – это ориентировочно заявленный срок службы атомных судов. К 2022 г. из названных судов останется лишь один – относительно новый ледокол «50 лет Победы», построенный в 2007 г. [9, с. 95].

Старение ледокольного флота является основной угрозой не только для полноценного развития Ямала, но и для лидерства России в Арктическом регионе. Для решения этой проблемы в рамках «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» и в соответствии с изменениями от 24 октября 2013 г. в Федеральной целевой программе «Развитие гражданской морской техники» предусмотрено создание новых судов арктического класса, включая атомные ледоколы. Но реализация этих планов осложняется нестабильной экономической ситуацией, обесцениванием рубля и не полным финансированием проектов. Росатом, осуществляющий уже пять лет управление атомным ледокольным флотом в лице Атомфлота, не планирует собственных больших финансовых вливаний во флот, так как это не является целевым направлением деятельности государственной корпорации. Министерство финансов не спешит с полным финансированием строительства, поскольку в бюджете уже запланирован дефицит на ближайшие три года [9, с. 95].

Задача развития арктической транспортной системы носит стратегический характер, а выгоды проявятся с ростом грузоперевозок по СМП и, как следствие, с увеличением спроса на флот, с развитием многофункциональной портовой инфраструктуры, в частности порта Сабетта. Скорейшая модернизация арктического флота и активное строительство необходимых портовых коммуникаций становятся ключевыми проблемами для развития Арктической зоны РФ.

Нельзя забывать и о рисках экологических, о техногенной нагрузке мегапроектов на природу Арктики. Ученые утверждают, что пока разработки в области высокотехнологичной ликвидации возможных аварий и чрезвычайных ситуаций в районах Крайнего Севера невелики. Не существует их и в мире. Поэтому, по мнению властей ЯНАО, наиболее актуальны сегодня проблемы обеспечения экологической безопасности всех крупных инфраструктурных проектов, включая освоение шельфовой зоны Баренцева и Карского морей, «Ямал СПГ», освоение БНГКМ и других промышленных гигантов. Не случайно третий международный форум «Арктика – территория диалога», посвященный экологическим проблемам в Арктике, прошел в 2013 г. в Салехарде.

Объявленная в регионе «новая индустриализация» позволила за последние пять лет удвоить объемы промышленного производства, создать новые отрасли индустрии. Декларации правительства о необходи-

мости инновационной экономики могут наполниться вполне конкретным содержанием, если власть организует модернизацию наиболее сильного сектора отечественной экономики – нефтегазового комплекса. А его перспективы связаны с освоением сибирской Арктики. Внимательное прочтение истории нефтегазовой сибиряды и первый опыт новой тюменской индустриализации могут быть полезны в решении этой задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. С кем будет битва за Арктику? Круглый стол // Нефть России. 2014. № 9. С. 16–21.
2. Силин А.Н. Регулирование социальных процессов на нефтегазовых предприятиях Российской Арктики и Субарктики. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2011. 260 с.
3. Карнов В.П. Тюменский энергоресурс страны: история, экономика и политика // Налоги, инвестиции, капитал. 2014. № 4. С. 13–23.
4. Карнов В.П. Северный морской путь – инструмент освоения Арктики // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 108–114.
5. Карнов В.П., Ганопольский М.Г. За туманом и за запахом тайги? // Родина. 2013. № 2. С. 74–76.
6. Тимошенко В.П. Конфронтация и сотрудничество (советский опыт международных связей в освоении Севера) // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 115–124.
7. Тимошенко В.П., Карнов В.П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс в орбите международных отношений: обретения и потери // Горные ведомости. 2014. № 4. С. 82–90.
8. Тимошенко А.И. Советский опыт освоения Арктики и Северного морского пути: формирование мобилизационной экономики // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14., № 1–2. С. 73–95.
9. Ильясов Р.М. Российский ледокольный флот и освоение Арктики // Горные ведомости. 2014. № 7. С. 92–99.

REFERENCES

1. With whom will be a battle for the Arctic? Round Table. *Nefti Rossii*. 2014, no 9, pp. 16–21. (In Russ.)
2. Silin A.N. Regulation of social processes in the oil and gas enterprises of the Russian Arctic and Subarctic. Tyumen, 2011, 260 p. (In Russ.)
3. Karpov V.P. Tyumen energy resource of the country: history, economics and politics. *Nalogi, investicii, capital*. 2014, no 4, pp. 13–23. (In Russ.)
4. Karpov V.P. The Northern Sea Route – the tool of Arctic exploration. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2014, no 2 (43), pp. 108–114. (In Russ.)
5. Karpov V.P., Ganopolsky M.G. Over the fog and the smell of the taiga? *Rodina*. 2013, no 2, pp. 74–76. (In Russ.)
6. Tymoshenko V.P. Confrontation and cooperation (the Soviet experience in the development of international relations of the North). *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2014, no 2 (43), pp. 115–124.
7. Tymoshenko V.P., Karpov V.P. West-Siberian oil-and-gas complex in the context of foreign affair: acquisitions and losses. *Gornye vedomosti*. 2014, no 4, pp. 82–90.
8. Tymoshenko A.I. The Soviet experience of Arctic exploration and the Northern Sea Route: the formation of a mobilization economy. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2013, v. 14, no 1–2, pp. 73–95. (In Russ.)
9. Ilyasov R.M. Russian icebreaker fleet and the development of the Arctic. *Gornye vedomosti*. 2014, no 7, pp. 92–99.

Статья принята редакцией 24.01.2015

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).073

В.В. ВЕДЕРНИКОВ

СУЗУНСКАЯ МЕДЬ И МОНЕТА В 1766–1848 гг.

Виталий Валерьевич Ведерников,
д-р ист. наук, профессор
Алтайский институт экономики;
Санкт-Петербургский университет управления и экономики,
656011, Барнаул, ул. Кулагина, 13/15
e-mail: vedernikov75@mail.ru

В статье впервые рассматривается монетное производство в течение всего периода деятельности Сузунского монетного двора, детально восстановлена картина монетного производства, показано место Сузуна в общероссийском производстве монеты, отражены тесные алтайско-уральские производственные связи. Отмечено, что основной специфической чертой горнозаводской промышленности Алтая является то, что производство меди тесно переплеталось с металлургией серебра. Сузунское предприятие получало медь из продуктов серебряной плавки с других заводов и само в небольших количествах производило серебро.

Ключевые слова: Екатеринбургский монетный двор, Колывано-Воскресенские заводы, медь, монета, серебро, Сузунский монетный двор.

V.V. VEDERNIKOV

SUZUN COPPER AND COINS IN 1766–1848

Vitaly Valerievich Vedernikov,
Doctor of historical Sciences, Professor
Altai Institute of Economic,
Saint-Petersburg University of Management and Economic
Kulagina st., 13/15, Barnaul, 656011
e-mail: vedernikov75@mail.ru

The Suzun coining has been studied very unevenly and generally insufficiently. Researchers paid attention only to the early stage of Suzun mint's activities and to its liquidation. The purpose of this article is to observe the copper money production in Suzun mint during the entire period of 1766–1848. Silver was the main product in Altai, therefore ore deposits containing industrial concentrations of silver were considered argentiferous although they could also contain copper. The copper production was an integral part of the whole cycle of silver production. By 1765, about 520 tons of copper mattes had been accumulated in Kolyvano-Voskresensk foundries. Construction of the special copper foundry on the Nizhny Suzun River in 1764 led to separation of silver and copper smelting. Thus, copper production started to play a separate role. All produced copper was used for coining. At first due to technology imperfections it was impossible to refine copper removing both the detrimental impurities and precious metals. Since the produced copper contained gold and silver the Kolyvan coins rouleau was increased up to 25 rubles from pood as opposed to Ekaterinburg roleau of 16 rubles / pood. However, the general progress in metallurgy of the 1770s allowed improving the copper refinement to an extent that stamping of state coins began already in 1781. By 1848, the share of Suzun mint in the Russian copper coining had increased up to 12.8% while the share of Ekaterinburg mint was 70%. In 1830–1855 the Ministry of finances improved the copper metallurgy essentially and reduced the production costs. On the other hand, it reduced the number of ovens and delayed the repair of Suzun foundry after the fire in 1829. Following the 1847 fire at the Suzun mint the Ministry of Finances stopped the coinage switching over to production of sorted copper and to delivery of Suzun copper to Ekaterinburg mint.

Key words: coins, copper, Ekaterinburg mint, Suzun mint, Kolyvano-Voskresensk foundries, money, silver.

В 2014 г. праздновалась 250-я годовщина основания Сузунского завода и монетного двора. Сузунская монета всегда вызывала устойчивый интерес ученых-нумизматов. Само же монетное производство в Сузуне от его начала в 1764–1766 гг. до ликвидации в 1848 г. изучалось крайне неравномерно и недостаточно полно: началу производства меди и монеты в Сузуне посвящена лишь одна статья [1, с. 221–226]; его ликвидация затрагивается в монографии А.П. Бородавкина по отмене крепостного права на Алтае [2, с. 32, 55]. История рабочих кадров Сузунского монетного двора (далее – СМД) интересовала Т.И. Агапову [3, с. 71–87] и С.И. Маслениковского [4, с. 239–251]. Они освещали этот аспект с точки зрения сверхэксплуатации подневольных работников. Причем Т.И. Агапова особо отметила отрицательное значение ликвидации монетного производства в Сузуне, что привело к исчезновению специальностей монетчиков.

Деятельность Сузунского завода была органической частью общего цикла сереброплавильного производства Колывано-Воскресенских заводов, однако в заявленном контексте это производство в историографии подробно не освещалось, а доля Сузунского монетного двора в общероссийском производстве медных денег до сих пор остается не выясненной. Целью настоящей статьи является обзор производства медной монеты в Сузуне в течение всего периода деятельности СМД – 1766–1848 гг.

С 1747 по 1755 г. на Колывано-Воскресенских заводах произвели 2,5 тыс. пуд. серебра и 6,9 тыс. пуд. меди, т. е. меди было выплавлено в 2,8 раза больше, чем серебра [5, с. 55]. С 1760 г. право строить новые заводы на Алтае закреплялось за главным командиром Колывано-Воскресенских заводов. А.И. Порошиным. Среди других важнейших задач ему предстояло разобраться с возникшим скоплением большого количества меди и полуфабрикатов.

На повестке дня стоял вопрос о закрытии Колыванского завода из-за истощения лесов в его окрестностях вследствие непрерывных с 1727 г. порубок. Порошин рассматривал «Ново-Павловский» завод как замену Колыванскому, но предложение о строительстве монетного двора при Павловском заводе он сразу отменил, потому что заводская плотина на р. Касмале не смогла бы обеспечить действие наливных колес и завода, и монетного двора. С этой задачей, напротив, справилась бы плотина Барнаульского завода, более полная, но тогда потребовалась бы коренная реконструкция самого Барнаульского предприятия. И было очевидно, что этого не стоит делать с действующим сереброплавильным заводом.

В 1752 г. уже нашли удачное место для нового завода на р. Инге, в качестве запасного рассматривалось место на р. Каракан. Но Порошин все же предпочел начать строительство медеплавильного завода и при нем монетного двора на р. Нижний Сузун. В 1764 г. было начато строительство Павловского и Сузунского заводов. Таким образом, произошло разделение серебряной и медной плавки путем строительства отдельного медеплавильного завода. Тем самым производство меди приобретало самостоятельное значение. До 1772 г. Сузунский завод всю медь получал из медистых штейнов Барнаульского и Павловского заводов.

Но плавка серебряных руд на Сузунском заводе велась уже тогда. После извлечения меди из купферштейнов пла-

вильные остатки еще содержали серебро и затем плавилась с серебряными рудами, чтобы увеличить концентрацию серебра в полуфабрикатах. Эти штейны снова отправлялись на Барнаульский и Павловский заводы. Так медь и серебро бесконечно тянулись по заводским оборотам и по отчетности не считались потерянными. С 1772 по 1821 г. Сузунский завод производил серебро и медь, с 1821 по 1831 г. – только медь, а с 1831 г. – снова серебро и медь¹, причем небольшое количество – до 50 пуд. серебра в год – завод давал и в 1870-е гг. На Сузунском заводе для обеспечения потребностей монетного производства действовали литье и металлообработка, которые не исчезли и после ликвидации СМД в 1848 г.

Сузунский завод не был единственным медеплавильным предприятием на Колывано-Воскресенских заводах. В 1784 г. вблизи Локтевского рудника построили одноименный Локтевский медеплавильный завод для производства полуфабрикатов. Масса купферштейнов была в 10–15 раз меньше, чем масса руд, поэтому потребовалось кратно меньшее количество крестьян извозчиков, чтобы решить проблему доставки сырья на Сузунское предприятие. В 1821 г. Локтевский завод был репрофилирован на производство серебра.

Строительство Сузунского медеплавильного завода и пуск монетного производства в течение 1764–1766 гг. – это начальный период его деятельности. Главным мотивом выбора места под будущий завод была скорость притока воды в р. Нижний Сузун: «спрудная» вода должна была обеспечить вращение 20 наливных колес не только самого предприятия, но и монетного двора. Возведение плотины продолжалось в течение 1764–1766 гг. Плотина имела размер 315×30 м².

Опасность прорыва заводских плотин под давлением талых вод существовала всегда и грозила большой бедой, потому что заводские корпуса располагались сразу за плотинной, перпендикулярно к ней, зачастую на старом русле. Уже весной 1765 г. подтопило нижнюю часть Сузунского завода. Столб воды достигал 1,5 м. Но особенно крупными были наводнения 1776 и 1802 гг., когда вода срывала с фундаментов заводские постройки, а на территории монетного двора река образовала новое русло с водоворотами. Было унесено течением и заилено много инструментов. «В первых числах апреля действие завода останавливается для пропуска весенней воды, которая здесь весьма опасна»³, – писал А.Н. Кулибин в 1833 г.

После половодья летом 1765 г. недостроенный комплекс Сузунского завода и монетного двора горел, поэтому первая монета была отчеканена лишь в 1766 г. Начало производства монеты на СМД обострило давнюю проблему очистки «медей» от примесей. В 1764 г. для передела подготовили лишь 635 пуд. (10 т) меди, годной в ковку. Суть проблемы состояла в невозможности извлечения золота и серебра без «многих огней», т. е. дополнительных переплавок и бесполезных потерь драгоценных металлов. Из-за примеси серебра и золота монетная стопа колыванской монеты составляла 25 руб. А в Европейской России имела хождение медная монета по 16 руб. с пуда. Колыванская медь по внешнему

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2098а. Л. 61.

² ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 401. Л. 42, 306 об.; Оп. 2. Д. 5. Л. 19.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2098а. Л. 64 об.

Место Сузунского монетного двора в производстве медной монеты в России от Екатерины II до Николая I (1763–1847 гг.)*

Правление	Произведено монеты, руб.					
	СМД		ЕМД**		В России	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Екатерина II	6 733 182	9,6	58 904 905	84,3	69 822 929	100
Павел I	974 000	17,4	4 030 524	72	5 598 754	100
Александр I	6 081 000	13	34 746 874	74	47 025 784	100
Николай I	5 985 676	18,6	26 153 697	81,4	32 139 373	100
Итого:	19 773 858	12,8	123 836 000	80	154 586 840	100

* Составлена по: *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1889. Т. I. С. 338, 341; *Он же.* Монеты царствования императора Павла I. СПб., 1890. С. 22–23; *Он же.* Монеты царствования императора Александра I. СПб., 1891. С. 78–79; *Он же.* Монеты царствования Николая I. СПб., 1890. С. 179.

** ЕМД – Екатеринбургский монетный двор.

виду не отличалась от меди любого другого производства, и если бы колыванская монета обращалась на территории Европейской России, то стопа 25 руб. с пуда обеспечивала бы фальшивомонетчикам получение 600 % чистой прибыли от стоимости меди и дала бы большой толчок росту этого вида преступлений в Европейской России. Но это легче всегда предупредить, чем потом справиться с ним. Поэтому сузунская монета обращалась только в пределах Сибири, что создавало проблему перемещения капиталов от уплаты подушной подати монетой Сибирского царства.

Дальнейший прогресс колыванской металлургии в 1770-е гг. обусловил успех извлечения серебра и золота из медьсодержащих продуктов, что привело к улучшению ковкости меди. С 1772 г. Сузунский завод также начал плавить медные руды, не содержавшие серебра. На каждые 5 пуд. меди из оборотных продуктов серебряной плавки приходилось 2 пуда меди из руд.

Достигнутый прогресс позволил перейти на общероссийскую 16-пудовую стопу. Всего за весь период деятельности СМД монетная стопа менялась 5 раз. В 1766–1781 гг. чеканилось 25 руб. с пуда меди, в 1781–1810 гг. – 16 руб., в 1810–1830 гг. – 24 руб., в 1830–1839 – 36 руб., в 1840–1847 гг. – 16 руб. с пуда⁴.

Долю СМД до 13 % в общероссийском производстве монеты следует признать существенной. Как и Екатеринбургский монетный двор, СМД чеканил «шестисортную» монету достоинством 10 коп. (гривенник), 5 коп. (пятак), 2 коп. (грош), 1 коп. (копейка), ½ коп. (деньга) и ¼ коп. (полушка).

Рассмотрим технологию монетного производства на СМД, затем сравним его с производством монеты на ЕМД. При переделе в монеты медь проходила следующие операции: 1) «плющение», или прокат полосок; 2) вырезание из них кружков; 3) изготовление гурта; 4) тиснение монеты. Прокат полосок, из которых затем вырезались кружки, был

ответственной операцией, потому что от толщины полоски зависело соответствие монеты «указному» весу. За 12-часовую смену получали от 120 до 160 пуд. полосок.

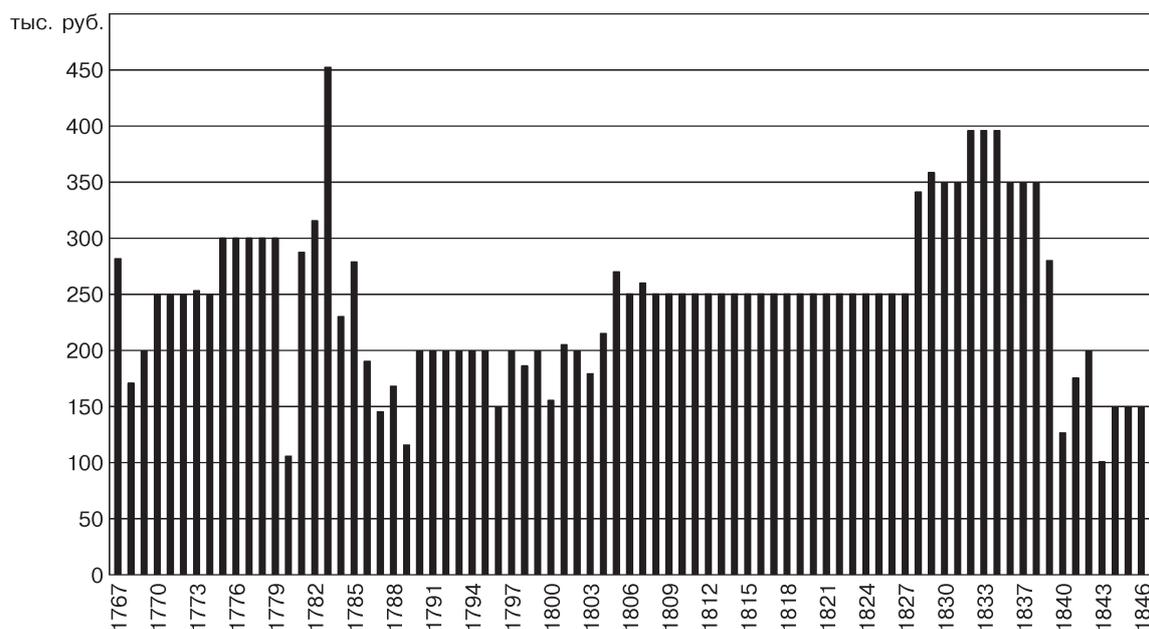
Далее полоски меди обрабатывались на прорезном стане для получения кружков. Плохо прорезанные или обретенные кружки браковались. За сутки производили более 100 тыс. кружков, за год – более 2,3 млн. Годные кружки обжигались и потом промывались в бочках, чтобы при трении кружков с них снималась окалина. За один раз нагружалось кружков для производства монеты на сумму 300–500 руб.

Промытые кружки высушивались на каленице и поступали на гуртильный стан. После гурчения кружки снова браковались, годные паковались в мешки, по 25 руб. в каждом, и отдавались в печатное отделение. От наливного колеса действовало шесть печатных станков. Монета помещалась вручную на нижний чекан. После удара по кружку верхнего чекана нижний чекан через мгновение совершал толчок вверх, чтобы выбросить монету. Верхний чекан производил 17–20 ударов в минуту, т. е. у подкладчика было 2–3 секунды, чтобы положить новый кружок, у каждого из двух браковщиков было 4–6 секунд, чтобы рассмотреть, получилась монета или нет, и взять новую. У привода имелся недостаток: чтобы заменить чекан на одном стане, следовало остановить работу на пяти остальных. В 12-часовую смену на одном стане получалось 125 руб. монетой достоинством 1 коп., 250 руб. – грошовой, пятикопеечной – 500 руб., или 1 тыс. руб. гривенников, включая брак. Чеканы, хотя и выдерживали до 7 тыс. ударов, или 6–7 ч непрерывной работы, портились некоторые даже при первом ударе, или «постанове». Если лицо чекана уменьшалось в толщину хотя бы на волос, монета не пропечатывалась и браковалась.

Вообще на каждой стадии – изготовлении кружков, гурчении, чеканке – осуществлялся контроль качества. Брак на каждой стадии достигал 30–35 %.

Всего работников, занятых на монетном производстве, в конце 1810-х гг. было в ЕМД 855 чел., в СМД – 188 чел., включая занятых на плавке остатков, а также в слесарной, инструментальной и якорной мастерских.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). ПСЗРИ-I. Т. XVII, № 11893; Т. XXI, № 15168; Т. XXXI, № 24334; ПСЗРИ-II. Т. VII, № 5406; Т. XV, Отд. 1-е, № 13757.

Динамика монетного производства в Сузуне в 1766–1847 г.*

*См.: ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1600. Л. 194 об. – 195; Ф. 2. Оп. 1. Д. 3651. Л. 15–17; Д. 3373. Л. 38.

Т а б л и ц а 2

Производственный процесс на Екатеринбургском и Сузунском монетных дворах к началу 1820-х гг.*

Параметры сравнения	ЕМД	СМД
<i>Плющильные фабрики</i>		
Производительность в сут.	1–1,4 тыс. пуд.	150–160 пуд.
Количество работников в сут.	104	14
<i>Прорезные фабрики</i>		
Количество станов	20 с двумя прорезами	6 с одним прорезом
Количество кружков, получаемых на фабрике за один удар	80	6
Количество работников в сут.	98	14
<i>Гуртильные фабрики</i>		
Бочек для чистки кружков	4	2
Количество работников в сут.	50	20
<i>Монетные фабрики</i>		
Станов, шт.	34	3
Количество работников в сут.	138	28
<i>Итого работников по всем цехам</i>	390	76

* Составлена по: ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2258. Л. 16 об. – 20.

Главным приоритетом качества было соответствие фактического веса монеты «указному» весу \pm допустимые отклонения, или ремедиум. Однако на мануфактурном уровне трудно было достичь этого. Деревянные конструкции станов находились вблизи наливных колес, влажность воздуха существенно влияла на качество производственного процесса.

Внешний вид монеты определялся прежде всего чеканкой. Главное требование сводилось к тому, чтобы напечатанные деньги «во всей своей фигуре» имели «явственное изображение штемпеля».

Возврат бракованной монеты из подведомственных мест был мал по своему размеру, потому что на всех стади-

ях производства в СМД действовал тщательный внутренний контроль качества, причем из жалования монетчиков вычиталась сумма, которую понес завод за переплавку бракованной монеты.

В 1830 г. чеканилась монета достоинством 2, 1 и ½ коп., с 1831 по 1839 г. – 10, 5, 2 и 1 коп., с 1839 г. до конца деятельности СМД – 3, 2, 1, ½ и ¼ коп.

По данным за 1831 и 1832 гг., доходы Колывано-Воскресенских заводов (включая себестоимость производства серебра, золота и монеты) составляли 7,6 млн руб., а из выплавленной за эти два года на заводах меди было приготовлено монеты на сумму 746 тыс. руб.⁵ Таким образом, в структуре доходов монетное производство занимало почти 10 %. Передел старой монеты по новому образцу также приносил существенную прибыль, несмотря на расходы по доставке монеты, например, из Иркутской губернии.

В 1830–1855 гг. продолжалась аренда Колывано-Воскресенских заводов Министерством финансов. Для усовершенствования медной плавки в 1832 г. на Алтай были посланы два мастера с Пермских и Богословских заводов. Так, в 1831 г. себестоимость пуда меди составляла 5 руб. 8 коп.⁶ (иногда до 8 руб.), а накануне ликвидации монетного производства в Сузуне в 1846 г. выплавка пуда меди обходилась уже в 1 руб. 96 коп.⁷

Пожар Сузунского завода в 1829 г. заставил провести ремонт строений, поскольку производственный процесс был фактически невозможен. Плавильная фабрика перестраивалась только летом 1848 г.⁸

В 1845 г. министр финансов объявил о «стеснительном» излишке медной монеты в уездных казначействах в империи. В казначействах сибирских губерний мертвым грузом лежало 3 млн руб. медной монеты, тогда как в обращение было выпущено ее 6,5 млн руб. Производство медной монеты в Сузуне и Екатеринбурге прекращалось. Распоряжение прекратить выделку медной монеты на Сузунском монетном дворе по той же причине последовало в 1846 г.⁹ В конце 1847 г. Сузунский монетный двор горел, что приблизило развязку. В 1848 г. монетное производство в Сузуне упразднилось официально, возобновления деятельности СМД не предусматривалось. Из штатов 1849 г. монетное производство специальным приказом исключалось. Производство монеты в Екатеринбурге было возобновлено в 1850–1876 гг. и кратно увеличивалось. С ликвидацией СМД Алтайским заводам отпущалось 163 тыс. руб. компенсации ежегодно [6, с. 118].

В течение нескольких лет до ликвидации монетного производства его себестоимость составляла 33,9 тыс. руб., тогда как чеканилось монеты на 150 тыс. руб. Таким образом, чистая прибыль составила 342 % на затраченный капитал.

На рубеже 1830–1840-х гг. на Сузунском заводе выплавляли в среднем 11,9 тыс. пуд. меди. Каждый пуд обошелся в 1 руб. 96 коп., а рыночная цена меди составляла 9 руб. 50 коп. Таким образом, чистая прибыль завода составила бы 485 %. Штыковую медь отправляли на монетный двор в Екатерин-

бурге, а листовую – на Макарьевскую ярмарку. Эта листовая медь производства Сузунского завода не всегда имела должное качество из-за хрупкости, ломкости, что вредило репутации Алтайских заводов (особенно среди купцов).

По мнению автора статьи, переход от чеканки монет к производству сортовой меди в течение 1766–1848 гг. был продиктован прежде всего рыночной конъюнктурой. Сначала примесь меди в составе серебряных руд представляла собой реальную проблему колыванской металлургии, практическое решение которой откладывалось с 1747 до 1764 г.

Переработка медистых обесеребренных продуктов, которая велась параллельно и во вред производству серебра, со строительством Сузунского завода была выделена в самостоятельный процесс. Но удаленность от крупных рынков сбыта, узость местного рынка, побочный характер медной плавки на Колывано-Воскресенских заводах и, как следствие, низкое качество самой меди заставляли сомневаться в рентабельности производства. Чеканка монеты на месте была на редкость идеальным решением всех этих проблем в рамках всего комплекса задач по дальнейшему хозяйственному освоению недр Алтая.

Общий прогресс металлургии в стране, а также успехи очистки меди от примесей на самом Сузунском заводе к концу первой четверти XIX в. не только привели к увеличению производства монеты, но и положили начало выпуску сортовой, листовой меди и реализации ее на внутреннем рынке.

Однако в 1830-х гг., спустя 80 лет с начала деятельности Сузунского монетного двора, монетное производство в Сузуне уже начало восприниматься как анахронизм. Кардинальные улучшения технологии медной плавки с участием уральских мастеров в 1832 г. способствовали резкому росту рентабельности производства (до 485 %), что открывало широкие возможности для сбыта листовой меди на Макарьевской ярмарке. Пожар 1846 г., уничтоживший монетный двор, ускориł прекращение монетного производства в Сузуне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вилков О.Н.* К истории основания и начала действия Сузунского медеплавильного завода с монетным двором // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. С. 221–226.
2. *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
3. *Агапова Т.И.* Влияние Алтая на горнозаводское производство в России в конце XVIII – начале XIX в. // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул, 1968. С. 71–87.
4. *Масленниковский С.И.* Формы феодальной эксплуатации мастеровых в Сузуне в 1765–1861 гг. // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 239–251.
5. *Ведерников В.В.* Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 2012.
6. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890.

REFERENCES

1. *Vilkov O.N.* On the history of foundation and activity start of Suzun copper metallurgical plant with a mint. *Gulyaevskie chteniya*. Barnaul, 1998. Vyp. 1: Materialy pervoy, vtoroy i tretyey istoriko-arhivnykh konferentsiy, pp. 221–226. (In Russ.)
2. *Borodavkin A.P.* Reforma 1861 g. na Altae [The reform of 1861 in the Altai]. Tomsk, 1972. (In Russ.)

⁵ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2098а. Л. 132.

⁶ Там же. Д. 3423. Л. 7–7 об.

⁷ Там же. Д. 2524. Л. 30 об. – 31.

⁸ Там же. Д. 2324. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 1750. Л. 17–17 об.

3. *Agapova T.I.* Influence of Altai on mining production in Russia in the late XVIII - early XIX centuries. *Iz istorii Sibiri i Altaya*. Barnaul, 1968, pp. 71–87. (In Russ.)

4. *Maslennikovskiy S.I.* Forms of artisans eudal exploitation in Suzun in 1765-1861. *Iz istorii Altaya*. Tomsk, 1978, pp. 239–251. (In Russ.)

5. *Vedernikov V.V.* The Cabinet nonferrous metallurgy of Siberia in XVIII – the first half of XIX centuries. Barnaul, 2012. (In Russ.)

6. *Georgiy Mihaylovich, vel. kn.* Coins of Emperor Nicholas I reign period. St. Petersburg., 1890. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.12.2014

УДК 94(470)

И.Н. НИКАНОРОВ

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ФЕДОСЕЕВЦЕВ И ФИЛИППОВЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

Иван Николаевич Никаноров,
аспирант, Институт истории СО РАН (ИИ СО РАН),
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: nikanorov1203@ya.ru

Статья посвящена проблеме взаимоотношений в первой половине XIX в. двух родственных беспоповских согласий – федосеевцев и филипповцев. Старообрядческие согласия, на которые разделилось первоначально единое религиозно-общественное движение, вели полемику и искали точки соприкосновения на протяжении всей своей истории. Изучение их взаимоотношений позволяет определить, как осмысливали историю старообрядчества и свое место в ней лидеры согласий, какую позицию они занимали по отношению к существовавшей до реформ патриарха Никона православной традиции. Анализ рукописного сборника РНБ. ОСПК. О.І. 370 позволил выявить наиболее острые вопросы полемики, препятствовавшие воссоединению двух согласий, осознававших себя продолжателями традиций раннего Выга. Автором статьи сделан вывод, что сборник представляет собой пример новационной полемической литературы, в котором сделана попытка представить взаимоотношения двух согласий в форме равноправного диалога.

Ключевые слова: старообрядчество, согласие, полемика, федосеевцы, филипповцы, рукописные сборники, православная традиция.

I.N. NIKANOROV

ON RELATIONSHIPS OF FEDOSEEVTSY AND FILIPPOVTSY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Ivan Nikolaevich Nikanorov
Postgraduate Student,
Institute of History, SB RAS.
630090, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8
e-mail: nikanorov1203@ya.ru

The article is devoted to mutual relationships of the two priestless Old-Believers' Agreements - Fedoseevtsy and Filippovtsy – in the first half of the XIX century. The author analyzes materials from the Russian National Library manuscript collection previously unused by scholars that allowed him to reveal the most topical issues of the controversy that prevented reunion of the two Old-Believers' Agreements considering themselves as successors of the early Vyg tradition. The author draws attention to the collection structure and composition, concluding that it is an example of novation polemical literature, which attempted to present the relations between the two religious agreements in the form of equitable dialogue. The article details the main points of polemics between the two agreements. Some of them had retained their relevance since the early XVIII century, others appeared later being caused by changes in the social-economic realities due to modernization and urbanization of the Russian Empire.

Key words: Old Believers, Agreement, controversy, Fedoseevtsy, Filippovtsy, manuscript collections, Orthodox tradition.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ (НШ-219.2014.6).

Старообрядчество с конца XVII в. является неотъемлемой частью культурного ландшафта России, оказывая существенное влияние на ее социальный и конфессиональный облик. Уже в конце XVII в. старообрядческое движение начало распадаться на консервативное и радикальное направления, что объяснялось противоречиями и неоднородностью православной традиции, существовавшей до церковной реформы патриарха Никона [1, с. 253–279]. Как убедительно показал Н.Н. Покровский, изучение старообрядчества как «единого и нерасчлененного явления» крайне неэффективно [2, с. 7], исследователями давно взят курс на исследование отдельных согласий и толков как автономных идеологических систем и установление их взаимосвязей. Рассмотрение проблемы взаимоотношений согласий внутри старообрядчества крайне актуально, поскольку отражает процесс самоопределения согласия в пространстве христианской традиции, осознание им собственной идентичности в рамках этой традиции.

Взаимоотношения между филипповским и федосеевским согласиями весьма примечательны, поскольку оба согласия оформились в результате размежевания с умеренным поморским, представляя наиболее радикальный вариант взгляда старообрядцев на социум и государство. На протяжении XVIII в. между ними не прекращалась полемика с целью найти основание для примирения и оформления общей идеологии, о чем свидетельствует общее самоназвание двух согласий – «старопоморцы».

Взаимоотношения двух согласий в XVIII – начале XIX в. детально проанализированы в монографии А.И. Мальцева [3]. Н.С. Гурьянова и М.В. Першина, обратившись к тексту сборника Макарова из рукописного собрания ИИ СО РАН, охарактеризовали ключевые вопросы в полемике между согласиями во второй половине XIX в. [4; 5]. Однако взаимоотношения согласий в первой половине XIX в. не попадали в фокус внимания исследователей.

Обращение к данному вопросу позволит дополнить представление о взаимоотношениях федосеевского и филипповского согласий на длительном историческом промежутке, проследить их динамику, эволюцию полемики, а также охарактеризовать место сборника «Отеческие завещания» в данном процессе.

Наметить пути решения поставленной задачи позволяет сборник из основного собрания рукописных книг РНБ, датируемый серединой XIX в. Он состоит из писем и посланий центральных общин двух согласий, в которых обсуждалась возможность и условия примирения, а также включает старообрядческие уставные сочинения, ставшие предметом полемики¹. Анализ данных текстов позволит прояснить некоторые ключевые направления взаимоотношений между федосеевцами и филипповцами в первой половине XIX в. и выявить наиболее актуальные вопросы в их полемике.

Федосеевское согласие во второй половине XVIII – начале XIX в. претерпело серьезные структурные изменения: его признанным центром стало Преображенское кладбище,

благодаря И.А. Ковылину получившее в 1809 г. легальный статус. Оно подчинило себе многие региональные общины. Филипповское согласие с момента разделения с поморцами оставалось децентрализованным, что серьезно осложняло возможности диалога и установления прочного мира и приводило к необходимости ведения диалога с каждой общиной, претендовавшей на лидерство в согласии. В начале XIX в. внутри филипповского согласия ключевую роль стала играть кимрская община [6]. Это обусловило усиление контактов между данной общиной и Преображенским кладбищем.

Сборник открывается соборным постановлением из 29 статей, принятым совместно федосеевцами и руководителями кимрской общины филипповцев в Москве на Преображенском кладбище. Данные статьи явно воспринимались составителями как идейная платформа для объединения федосеевцев и филипповцев, о чем свидетельствует преамбула. В ней авторы обозначили цель постановления: «Мы же ныне в лето 7228 (1820)... по воле Божии собравихомся для примирения и совокупления со старопоморцы...» (Л. 2). Особо подчеркивалось, что их текст не направлен на внесение нового в учение согласий, а разъясняет и дополняет унаследованное от предков учение, которое в свою очередь сохраняет неискаженной древнерусскую традицию: «Мы... благочестие сим исправляя засвидетельствуем, что и сие мы не новое предание внесение, но древнее укрепляюще поновихом, последующее заповедом святых апостол и... отец наших учению...» (Л. 2).

Развивая эту тему, авторы приводят цитату из Послания апостола Павла: «Поминайте, рече, наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их»² (Л. 3). Цитата, с одной стороны, позволила авторам подтвердить приверженность «заповедом святых апостол» через прямую референцию и аргументировать свою ценность ориентацию на традицию, а с другой – подвести читателя к мысли о связи защитников старого обряда с дониконовской церковной иерархией, легитимировавшей их существование, с точки зрения православного канонического права.

Справедливость такой интерпретации подкрепляет следующий далее перечень представителей духовенства, связывающий защитников старого обряда и архиереев, неприязненно относившихся к патриарху Никону. В качестве первого «новин обличителя» указан Константинопольский патриарх Афанасий³, далее назван епископ Павел Коломенский. Чтобы усилить значимость личности Павла Коломенского, авторы соотносят его с одноименным апостолом, процитированным выше, связывая этим различные смысловые блоки преамбулы – «Павел блаженный Коломенский, иже со именем ревностно великому оному апостолу уподобился тако же и прочих преподобных отец, множеству за веру пострадавших...» (Л. 3). Соотнесение Павла Коломенского с апостолом преследует также и идеологическую цель – пред-

² Евр.13:7.

³ Источником данного утверждения служит «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского», атрибутированное П.С. Смироновым Андрею Денисову. Также упоминание о нем присутствует в подложном деянии легендарного Курженского собора. – Об этом подробнее см.: [7].

¹ РНБ. ОСРК. О.И. 370. Середина XIX в. Л. 1–79. (Далее ссылки на эту рукопись будут даваться в основном тексте в круглых скобках.)

ставить его в глазах читателя мучеником, погибшим за распространение «истинной веры», а репрессии в отношении старообрядцев уподобить гонениям на христиан во времена Римской империи.

Далее, продолжая перечислять мучеников во имя веры, авторы называют участников Соловецкого восстания [8; 9]: «...за веру пострадавших как и Соловецкия великия обители... священных же иноков, и от мирского чина за древле истинное благочестие... от злых мучителей пострадавших...» (Л. 3 об.). Апелляция к Соловецкому монастырю объяснялась авторитетностью обители среди русского населения и во всех направлениях старообрядчества [10; 11]. Авторитетность и легитимность выговцев в данном тексте проводятся именно через сопряженность с Соловецкой обителью: «...яко сущих хранителей почитаем также и прежде бывших православных учителей отец наших поморского выгорецкого общежительства начальников» (Л. 3 об.). После этого перечислены руководители Выга, которые почитаются в согласии. Данный список примечателен, поскольку позволяет проследить, кто из поморцев оставался авторитетен среди филипповцев и федосеевцев и кого они считали частью общей истории.

Список «выгорецкого общежительства начальников» можно разделить на три группы. Первые три лица – знаковые фигуры, связывающие выговцев и Соловецкую обитель – Игнатий, Корнилий и Кирилл. Особенно примечательно включение дьякона Игнатия Соловецкого в число почитаемых федосеевцами отцов, поскольку на протяжении XVIII в. учение Игнатия о титуле на кресте и самосожжениях считалось ими ложным, поэтому опровергалось в федосеевских сочинениях [12; 13]. Заметные уступки филипповцам и переход на позицию поморцев и филипповцев в вопросе о титуле на кресте позволили включить Игнатия в число почитаемых.

Далее указываются основатели выговского общежительства – Даниил Викулин, Андрей Денисов, Петр Прокöpfeв [14, с. 15–65, 171–192, 407–462]. Следует обратить внимание, что в списке отсутствует Семен Денисов – преемник Андрея Денисова, при котором на Выге было в 1739 г. введено моление за государственную власть, что стало причиной разделения поморцев и филипповцев. Вместо него далее указаны Филипп и Терентий – основатели филипповского согласия [15]. Это позволило представить филипповцев как прямых наследников первого поколения руководителей Выга, а с точки зрения исторической схемы – продолжателей традиций Соловецкого монастыря. Данный список «выгорецких начальников», с одной стороны, должен был продемонстрировать фундамент примирения – общую историю двух согласий, а с другой – уверить филипповцев в лояльном отношении федосеевцев к поминовению старца Филиппа.

Далее указывается, что «подобно же сим» почитаются и новгородские «учителя», и «страдальцы», т. е. авторитетные наставники федосеевского согласия – «подобно же сим и великоновгородския области... учителей и страдалец... Пафнутия, Варлаама, Иоанна, Феодосия, Игнатия и прочих всех в православии скончавшихся яко сущих поминаем» (Л. 3 об.). Для обоснования законности почитания новгородских наставников приводятся сведения о примирительном

соборе между поморцами и федосеевцами, состоявшемся на Выге в 1727 г. [3, с. 67–74; 16; 17].

Для федосеевцев важно было подчеркнуть это примирение с поморцами, поскольку наставники филипповцев неоднократно указывали на то, что именно Феодосий Васильев был инициатором разделения с Выгом и поэтому не может поминаться в качестве «православного». Федосеевцы настаивали на допустимости поминовения Феодосия Васильева, используя в качестве аргумента именно миротворческий собор между федосеевцами и поморцами, состоявшийся в 1727 г. Этот аргумент сформулирован федосеевцами в одном из полемических сочинений ранее: «По учиненным с федосеевцами 7235 году мире, Феодосия Васильева и других страдалец, для вечного их поминовения, в общежительныя синодики своя вложиша. В коих и поныне зрятя всеми»⁴. В тексте преамбулы особо подчеркивалось участие Андрея Денисова в данном соборе, что, по-видимому, позволяло логически связать почитание новгородских наставников с упомянутыми ранее начальниками выговской пустыни и подчеркнуть для читателя идею преемственности.

Развивая эту мысль, авторы указывают, что собор 1727 г. «яко истинный и праведный почитаем, ибо от многих той подкрепляется». И в качестве аргументов далее перечислены последующие примирительные соборы – 1791 г., 1803 г.; и один федосеевский – 1809 г., послуживший шагом к примирению с филипповцами. Таким образом, авторы, с одной стороны, укрепили авторитет собора 1727 г., сославшись на упоминавшие его мирные соединения, а с другой – выстроив их в единую линию, подчеркивали, что проводимый ими собор является продолжением этих мирных соединений: «Подобно ныне и мы... в царствующем граде Москве, от обоех стран собравшиеся купно все православные христиане собор сей святыи церкви соединения сотворяем» (Л. 5). Далее помещены статьи «ко исправлению церковному», которые должны были стать фундаментом для объединения и устранения разногласий между федосеевцами и филипповцами.

Подробный анализ преамбулы к статьям позволил выявить, каким образом два родственных согласия представляли свое место в христианской традиции и общую историю. Авторы попытались представить консолидирующим элементом общего прошлого представителей первого поколения выговцев – основателей поморского согласия. В частности, знаковой оказалась фигура Андрея Денисова, поскольку старец Филипп представлен как его преемник, и первое примирение с федосеевцами также связывается с этой личностью.

Помещенные далее 29 статей носят, скорее, компилятивный характер и во многом воспроизводят подобные соборные деяния предшествующих примирительных соборов, указанных ранее. Например, статьи с 14 по 28 представляют собой почти дословное воспроизведение статей постановления Петербургского федосеевского собора 1809 г. По-видимому, включение статей Петербургского собора было необходимо для того, чтобы они получили также одобрение филипповцев.

⁴ БАН. Собр. Дружинина. № 701. Л. 355 об. – 356.

Тематическим блоком, представлявшим определенные новации, стали статьи, направленные на централизацию власти в согласии и регламентацию полномочий наставников. Данные вопросы являются важными для понимания внутренней структуры обоих согласий, поэтому остановимся на них подробнее. Особое развитие получила идея централизации власти и усиления роли Преображенского кладбища в качестве общепризнанного беспоповского центра. В статье 7 закреплено избрание из настоятелей «единого в старейшины», который должен находиться на Преображенском кладбище. Остальным наставникам предписывалось «повиноваться и без совету онаго собою ничего не предпринимати» (Л. 7).

Таким образом, филипповская община, согласившаяся с данными статьями, фактически инкорпорировалась в структуру федосеевских общин, объединенных вокруг Преображенского кладбища. Подобная статья содержалась и в примирительном письме 1803 г. между московской балчужной общиной и федосеевцами⁵. Однако данные статьи являлись более широкой объединительной платформой и были дополнены другими статьями, определяющими полномочия и компетенции старейшины Преображенского кладбища.

В следующих статьях подробно разъяснялись полномочия «старейшего наставника». В статье 3 наставникам и книжным предписывалось совершать «соборныя службы с ведома и благословения настоятельствующего всеми Преображенского кладбища» (Л. 6), а в статье 4 – совершать панихиды и погребения только на Преображенском кладбище. Исключения допускались лишь в крайних случаях и с благословения «старейшаго», т. е. настоятеля Преображенского кладбища. Судя по этим статьям, власть наставников региональных общин серьезно урезалась и полностью отдавалась руководству Преображенского кладбища. Кроме того, «старейшему отцу» передавался суд в мирских делах: «...настоятелям в... пристрастиях мирским людям не судить, но токмо старейшему отцу...». В его руки переходило и разрешение принимать приезжающих из других мест единоверцев: «...странных гостей без дозволения и благословения кладбищенского старейшего отца... не принимать и с ним не сообщаться и дел духовных не иметь» (Л. 8 об.). Тем самым у наставников общин отнималось еще право на любое «внешнее» общение и на суд, их роль сводилась к исключительно духовному руководству и донесению до паствы решений Преображенского кладбища.

В статьях прописан и механизм избрания новых наставников. В статье 9 закреплено правило о поставлении новых наставников «начальным отцом» келейно, а в молитвенном доме, т. е. открыто. В статье 10 прописано обязательство новопоставленных настоятелей предоставлять письменное свидетельство о понимании догматов и обрядов и обещание следовать им.

Таким образом, в отличие от статей предыдущих миротворческих соборов, сосредоточенных, как правило, на четком закреплении понимания спорных догматических вопросов, в данных статьях внимание сконцентрировано

но на проблеме централизации власти и подчинения всех федосеевских и филипповских общин Преображенскому кладбищу.

Далее в сборнике РНБ.О.1.370 помещен текст письма в адрес наставников Преображенского кладбища от филипповцев, не участвовавших в примирительном соборе, но получивших текст статей в качестве платформы для возможного примирения через «хадателя сему миротворному соединению» (Л. 18). Они одобрили отказ федосеевцев от учения Феодосия Васильева и согласие с учением Андрея Денисовича, Петра Прокопьевича и Даниила Викуича. При этом они напоминали наставникам о скандале в связи с выбором попечителей Преображенского кладбища⁶, отметив, что «много лишлись наружного имени по судам... так много ровно уронили и душевного спасения» (Л. 17).

В отношении статей филипповцы заявили, что они «...с духовным разумом написанныя сходственно... и з древлепоморскими помянутыми отцы и с нашим разумением согласующии» и они готовы «возстановити на таковых правилах церковный мир» (Л. 19 об. – 20). Однако подчеркнули, что для восстановления церковного мира кроме утверждения этих статей федосеевцам требуется испразвить некоторые «сомнительныя дела». Затем они сформулировали в семи пронумерованных пунктах свои требования. Остановимся на наиболее принципиальных из них, чтобы продемонстрировать то, что, по мнению филипповцев, продолжало препятствовать их соединению с федосеевцами.

В частности, филипповцы выразили сомнение в отношении «Польского устава», принятого федосеевцами в 1751 г., который, по их мнению, отражал учение Феодосия Васильева и его разделение с поморскими отцами (Андреем Денисовичем и Даниилом Викуличем) [18, с. 415–423; 19]. Кроме того, в вину федосеевцам вменялось составление сборника «Отеческие завещания» и его соборное одобрение на Преображенском кладбище. Это оценивалось филипповцами как возвращение федосеевцев к первоначальному учению Феодосия Васильева. Поэтому филипповцы требовали от наставников Преображенского кладбища составить опровержение на статьи Польского устава и сборник на «Отеческие завещания». Таким образом, фактически филипповцы настаивали на полном переходе федосеевцев на их позиции.

Тут же в сборнике помещен ответ федосеевцев, подробно разбирающий каждый пункт высказанных претензий. Все семь претензий филипповцев рассмотрены в письме очень обстоятельно с приведением аргументов, с тем чтобы убедить читателя, что никаких препятствий для мирного соединения двух согласий нет. Завершается текст ответного послания пожеланием мира и указанием, что стремиться к нему должны обе стороны.

Далее в составе сборника полностью приведен Польский устав 1751 г., в котором статьи, вызвавшие возражение филипповцев, представлены в исправленном виде⁷. После этого в сборник включены первые шесть статей постановле-

⁵ Статьи примирительные московских филипповцев и федосеевцев. ИИ СО РАН. Собр. рукописей. № 14/74. Л. 578–579 об.

⁶ О конфликте попечителей Преображенского кладбища см.: РГБ. Собр. Шибанова. № 210. Л. 130–141.

⁷ Там же. Л. 50–60.

ния Петербургского собора 1809 г. с объяснением и утверждением Преображенского кладбища⁸. Таким образом, федосеевцы попытались представить свои авторитетные тексты в таком виде, чтобы все препятствия к примирению можно было считать устраненными.

Сборник РНБ. ОСРК. О.І. 370 представляет собой пример полемической литературы, представляющий взаимоотношения двух согласий в форме равноправного диалога. При этом сборник структурирован федосеевцами таким образом, чтобы подвести читателя к мысли об устранении всех препятствий для примирения двух согласий и появлении возможности объединить отдельные филипповские общины под началом наставников Преображенского кладбища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: в 2 т. М.: Квадрига, 2009.
2. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 391 с.
3. *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск: Сова, 2006. 572 с.
4. *Гурьянова Н.С.* К истории взаимоотношений между филипповским и федосеевским согласиями // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 59–63.
5. *Першина М.В.* Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 19–23.
6. *Першина М.В.* Филипповское согласие в XIX в.: идеология, полемика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010.
7. *Никаноров И.Н.* Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отческие завещания» // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 67–71.
8. *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 196 с.
9. *Чумичева О.В.* Соловецкий монастырь как старообрядческая альтернатива Новому Иерусалиму патриарха Никона // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре: Материалы междунар. симпозиума. М., 2006. С. 160–162.
10. *Юхименко Е.М., Поньрко Н.В.* История об отцах и страдальцах соловецких Семена Денисова в духовной жизни русского старообрядчества XVIII–XX вв. // История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 2002. С. 7–30.
11. *Гурьянова Н.С., Крамми Р.* Историческая схема в сочинениях писателей Выговской исторической школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 120–138.
12. *Бубнов Н.Ю., Чумичева О.В.* Дьякон Игнатий Соловецкий: жизнь и сочинения // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 39–45.
13. Старообрядческие писатели об Игнатии Соловецком / Публ. подг. Н.Ю. Бубновым // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 190–230.
14. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н.В. Поньрко. М.: Языки славян. культуры, 2002. Т. 1–2
15. *Демкова Н.С., Титова Л.В.* Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Демкова Н.С. Сочинения протопопа Аввакума

и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 308–326.

16. *Иустинов П.Д.* К истории федосеевского толка (Игнатий Трофимов). Часть 1 // Богословский вестник. М., 1910. № 11. С. 483–497.
17. *Иустинов П.Д.* К истории федосеевского толка (Игнатий Трофимов). Часть 2 // Богословский вестник. М., 1911. № 5. С. 194–208.
18. *Потащенко Г.* Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX в. Исследования, документы и материалы. Вильнюс: Aidai, 2006. 543 с.
19. *Гурьянова Н.С., Никаноров И.Н.* «Польский устав» и реалии окружающего мира // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: Материалы междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апр. 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 430–436.

REFERENCES

1. *Zenkovsky S.* Russian Old Believers. In 2 vol. Moscow: Quadriga, 2009, v. 1–2. (In Russ.)
2. *Pokrovski N.* Feudal protest Ural-Siberian peasant Old Believers in the XVIII century. Novosibirsk: Nauka: SB, 1974. (In Russ.)
3. *Maltsev A.* Old Believers priestless denominations XVIII – early XIX century: The problem of relations. Novosibirsk: Owl, 2006. (In Russ.)
4. *Guryanova N.* On the history of the relationship between filippovs and fedoseevts denominations. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2003, no 3, pp. 59–63. (In Russ.)
5. *Pershina M.* Filippovs` community of town Tyumen and Bratskiy dvor. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2009, no 3, pp. 19–23. (In Russ.)
6. *Pershina M.* Filippovsts denomination in the XIX century: ideology controversy: Abstr. of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Novosibirsk: IH SB RAS, 2010. (In Russ.)
7. *Nikanorov I.* Resolution of the legendary Old Believer`s council and a collection «Otecheskie zaveshaniya». *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013, no 4, pp. 67–71. (In Russ.)
8. *Chumicheva O.* Solovetsky Monastery rebellion 1667–1676. Novosibirsk: SB RAS, 1998. (In Russ.)
9. *Chumicheva O.* Solovetsky monastery as Old Believer`s alternative to the New Jerusalem of Patriarch Nikon. *New Jerusalem. The transfer of sacred spaces in the Christian culture. Proceedings of the International Symposium*. Moscow, 2006, pp. 160–162. (In Russ.)
10. *Yuhimenko E., Ponyrko N.* Symeon Denisov`s story about fathers and martyrs of Solovetsky Monastery in the spiritual life of Russian Old Believers XVIII–XX centuries. *Istoriya ob otsakh i stradaltsah solovetskih: Litsevoy spisok iz sobraniya F.F. Mazurina*. Moscow, 2002, pp. 7–30. (In Russ.)
11. *Guryanova N., Crumme R.* Historical scheme in the works of Vyg historical school writers. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)*. Moscow, 1994, pp. 120–138. (In Russ.)
12. *Bubnov N., Chumicheva O.* Deacon Ignatius Solovetsky: the life and writings. *Pamyatniki staroobryadcheskoy pismennosti*. SPb., 1998, pp. 39–45. (In Russ.)
13. *Bubnov N.* (ed.) Writers – Old Believers about Ignatius Solovetsky. *Pamyatniki staroobryadcheskoy pismennosti*. SPb., 1998, pp. 190–230. (In Russ.)
14. *Yuhimenko E.* Vyg Old Believers monastery: Spiritual Life and Literature. Moscow: Yazyiki slavyanskoy kultury, 2002, v. 1–2. (In Russ.)
15. *Demkova N., Titova L.* Little-known Old Believer writing of the middle of the XVIII century. «History of the martyr fathers Philip and Terence». *Sochineniya protopopa Avvakuma i publitsisticheskaya literatura rannego staroobryadchestva: Materialy i issledovaniya*. SPb., 1998, pp. 308–326. (In Russ.)
16. *Iustinov P.* On the history of Fedoseevts denomination (Ignatius Trofimov). Part 1. *Bogoslovskiy vestnik*. 1910, no 11, pp. 483–497. (In Russ.)

⁸ Там же. Л. 60–77.

17. *Iustinov P.* On the history of Fedoseevts denomination (Ignatiy Trofimov). Part 2. *Bogoslovskiy vestnik*. 1911, no 5, pp. 194–208. (In Russ.)

18. *Potashenko G.* Old Believers in Lithuania: the second half of XVII–XIX centuries. Studies, documents and materials. Vilnius: Aidai, 2006. (In Russ.)

19. *Guryanova N., Nikanorov I.* «Polish charter» and social conditions. *Problems of the Russian-Polish history and cultural dialogue*. The international scientific conference, (Novosibirsk, April 23–24, 2013). Novosibirsk, 2013, pp. 430–436. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 16.01.2015

УДК 94(574)“1941/45”:32

М.Ч. КАЛЫБЕКОВА

ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Манара Чальтеновна Калыбекова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культуры Казахстана
Института магистратуры и докторантуры КазНПУ им. Абая;
Республика Казахстан, Алматы, пр. Абая 202/41, 050060;
e-mail: k.manara@mail.ru

В статье освещается массовая депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны. На основе вводимых в научный оборот новых архивных источников изучаются причины, основные тенденции, масштабы и последствия проводимых государством репрессивных мер по отношению к различным категориям населения Казахстана, анализируются доминирующие стереотипы эпохи. Рассматривается роль спецпереселенцев в создании мощного индустриального потенциала страны в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями. Особый интерес представляет изучение деятельности государственных органов власти по созданию условий для жизни и работы спецпереселенцев на спецпоселениях, а также проблемы правового положения спецпереселенцев.

Ключевые слова: депортация, спецпереселенцы, НКВД СССР, расселение, миграция, выселение, хозяйственное устройство, правовой статус.

M.CH. KALYBEKOVA

DEPORTATION OF PEOPLE TO KAZAKHSTAN DURING THE SECOND WORLD WAR

Manara Chaltenovna Kalybekova,
Candidate of historical Sciences,
Associate Professor of History and Culture,
Kazakhstan Institute of Higher Degrees (PhD)
Kazakhstan National Pedagogical University named after Abai
202/41, Abay av., Almaty, Kazakhstan, 050060;
e-mail: k.manara@mail.ru

The article covers the mass deportation of people to Kazakhstan during the Second World War. The author introduces new archival sources into scientific circulation (from the Archive of the Karlaq, Archive of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's of the Republic of Kazakhstan (materials of NKVD and MVD), Archive of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the Karaganda region) regarding the notion of the Stalin stereotypes. The primary goal of research is to better understand the causes, major trends, extent and effect of the state repressive measures carried out in relation to the various categories of the population of Kazakhstan. Analysis of the agricultural equipment of the deported people allows us to identify the role of special settlers in creating the powerful industrial potential of the country in remote areas with harsh climatic conditions. Also of particular interest is the role of public authorities in creating living conditions and meeting the special needs of the settlers. The author also considers the results of governmental activities in this sphere as well as legal provision for the settlers. The research findings provide the opportunity to obtain new methodological and theoretical insights, to revisit this issue and evaluate the events that took place in the period under study. Significance of the theme lies in the fact that examining the topic through the prism of research makes it possible to analyze the historical processes which took place in the whole country. It also provides an opportunity to analyze

the socio-political, economic and cultural life of the people who were deported to Kazakhstan. An objective study of this issue will contribute to consolidation of the Kazakh society and strengthening the foundations of national unity.

Key words: deportation, special migrants, NKVD SSSR, relocation, migration, eviction, agricultural equipment, legal status.

В исторической литературе последних десятилетий истории депортации в СССР посвящено немало исследований, при этом изучение массовых репрессий в настоящее время окончательно перешло из разряда популярных тем в разряд научных фундаментальных исследований. Однако существует ряд вопросов, которые еще не нашли отражения, главным образом по причине недоступности архивных материалов, первичных источников, на основе которых предпринималось выселение. Одним из таких вопросов является изучение истории депортации народов на территорию Казахстана в годы Великой Отечественной войны. В частности, малоисследованными остаются вопросы размещения депортированных народов в Казахстане, их материально-бытового положения, правового статуса, трудоустройства и последствий насильственного переселения как для них самих, так и для казахстанского общества.

Изучение истории депортированных народов Казахстана важно не только с точки зрения познания этими народами своего прошлого, но и для исследования страниц истории Казахстана, связанных с освещением переселенческого движения на территории Казахстана.

С началом Великой Отечественной войны в Казахстан первыми были депортированы советские немцы. Началось их выселение из Поволжья, Грузии, Азербайджана, Армении. Трагическая участь депортации постигла и народы Северного Кавказа, в 1943–1944 гг. депортации подверглись карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши. Затем последовала депортация калмыков и крымских татар. В 1944 г. началась депортация турок. Также был принят ряд постановлений правительства о депортации греков, болгар и армян. Продолжалось выселение отдельных групп населения с освобождаемых территорий. Кроме немцев в конце войны с территории Западной Украины переселялись оуновцы (ОУН – Организация украинских националистов) и члены их семей, «указники» (по Указу от 2 июня 1948 г. об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и аналогичному Указу от 23 июня 1951 г.). Депортации подверглись кабардинцы, народы Прибалтики, калмыки и др. В целом переселение народов продолжалось вплоть до конца 1940-х гг.

По данным НКВД, на начало Великой Отечественной войны всего состоял на учете 175 831 спецпереселенец (45 620 семей), которые были расселены, за исключением Западно-Казахстанской области, по 10 областям: Алма-Атинской, Джамбулской, Южно-Казахстанской, Кызыл-Ординской, Семипалатинской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Карагандинской и Акмолинской¹. С 1944 г. в Казахстане резко увеличилось число депортированных народов. Это напрямую было связано с переселением народов Северного Кавказа.

По данным Государственного архива Карагандинской области в период войны в Казахстане находилось на спецпоселении от 900 тыс. до 1 млн 209 тыс. чел., а по данным НКВД КазССР на 1 января 1945 г. состояло на учете 815 319 чел. (232 593 семей) (не считая корейцев), из них: 135 308 бывших «кулаков», 243 722 немца, 360 405 чеченцев и ингушей, 20 288 кабардинцев и балкарцев, 8 064 спецпоселенца из Молдавии и Прибалтики, 2 541 калмык, 40 767 карачаевцев, 4 224 крымчанина. Таким образом, ареалом наибольшей концентрации спецпереселенцев были северные и южные области Казахстана.

Численность спецпереселенцев на территории Казахстана изменялась, так как в связи с разведением семей происходил миграционный процесс как внутри республики, так и между республиками. Наиболее интенсивно шел обмен с Узбекистаном и Киргизией.

Анализ половозрастного состава спецпереселенцев показывает, что основная их часть была представлена детьми, из 815 319 чел. было детей и подростков до 16 лет – 394 048 (42,8 %), в трудоспособном возрасте находился 421 271 чел., из них 259 050 женщин (61,5 %) и 162 221 мужчина (38,5 %).

Прибывавшие спецпереселенцы размещались в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях. Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев были тяжелыми. Несмотря на то, что для спецпереселенцев устанавливалась норма жилплощади в 3 м² на человека и предусматривалось размещение их семей в отдельных комнатах, на практике большинству из них были предоставлены только участки земли под индивидуальное строительство. В редких случаях некоторые из них имели дома, построенные при помощи хозяйственных организаций. Чаще всего спецпереселенцы жили по две-три семьи в одной квартире, на одного человека приходилось не более 2,2 м² (трудпоселки № 29, 30 Карагандинской области). В г. Степняк Акмолинской области работавшие спецпереселенцы в тресте «Каззолото» жили в землянках, нуждавшихся в капитальном ремонте, а жилплощадь на одного человека составляла 1,5 м²; в ОСМЦ № 6 Акчетаустроа 170 чел. жили в домах без крыши и в овощехранилищах; в Осакаровском районе люди были размещены в сараях, на скотных дворах и во вспомогательных постройках, непригодных для жилья [1, с. 72].

О недобросовестном отношении руководителей районов и предприятий к спецпереселенцам свидетельствует тот факт, что в конце сентября 1944 г. на строительный участок № 5 Сталинско-Магнитогорской магистрали было переброшено из Кокчетауской области 1 618 спецпереселенцев, в то время как жилплощади для их размещения не было². Случались факты разбазаривания строительных материалов, предусмотренных на строительство домов для переселенцев.

¹ Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9.

² Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 78–79.

Обеспечение продовольствием и промышленными товарами было значительно хуже, чем других категорий населения. Хотя спецпереселенцам полагалось «снабжаться по месту работы на общих основаниях вместе с «нетрудпоселенцами» имеющейся сетью торговых точек», имели место факты «урезывания выдачи хлеба по карточкам спецпереселенцам, не выполняющим норму выработки», хлеб выдавался также и за наличный расчет³. Аналогичное положение сложилось со снабжением промышленными товарами. Не только спецпереселенцы, но и все население республики испытывало тогда острую нужду в продовольствии и товарах первой необходимости. Переселение людей потребовало огромных расходов со стороны государства, изнуренного тяжелой войной. Поэтому одновременное размещение такого большого количества людей затруднило снабжение республики, и без того испытывавшей кризис в обеспечении населения продовольствием.

В плачевном состоянии находилось и санитарно-медицинское обслуживание спецпереселенцев. В отдельных местах больницы и медицинские пункты были не укомплектованы медицинским персоналом. В спецпоселке № 20 Май-Кудук Карагандинской области в среднем ежедневно являлись на прием 75–80 чел., а обслуживались только 30–40 чел. На три поселка Осакаровской комендатуры имелся один медпункт, расположенный в 9–18 км от поселков⁴.

Результатом такого медико-санитарного обслуживания спецпереселенцев, тяжелого материального и бытового положения, недоедания, нехватки продовольствия стала высокая смертность, особенно среди детей. Анализ данных НКВД о причинах смертности спецпереселенцев показывает, что наиболее распространенными были эпидемические заболевания – особенно брюшной и сыпной тиф, корь и дистрофия, которые приняли массовый характер в северных областях с весны 1944 г., а также цинга и дизентерия.

Все трудности, которые испытывали взрослые, ощущали на себе и дети спецпереселенцев. Из-за недоедания, отсутствия одежды и обуви многие дети не могли посещать школы.

Таким образом, институт депортации народов в том виде, в каком он сложился в бывшем СССР, изначально был сопряжен с массовыми нарушениями прав человека. Во-первых, человек независимо от того, совершил он или не совершил вменяемое ему деяние, подвергался наказанию. Тем самым государство поставило всех представителей депортированных народов в юридически ущербное положение. Во-вторых, правовая незащищенность, уязвимость всех выселенных сопровождалась на местах выдворения новыми нарушениями их прав и свобод. Представители депортированных народов были морально и социально ущемлены, лишены элементарных прав. Не обеспечивалось право сохранности личного имущества и собственности спецпереселенцев, хотя это и предусматривалось государственными документами, практиковалась сдача специальным комиссиям принадлежавших спецпереселенцам сельскохозяйственного

инвентаря, скота, зернофуража с последующим возмещением их на месте расселения. Спецпереселенцы подвергались унижительным процедурам регистрации, перерегистрации и отметок в местных комендатурах, органах НКВД. Контролировался каждый их шаг, малейшее нарушение немедленно пресекалось.

Только 8 января 1945 г. вышло постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев», согласно которому спецпереселенцы формально определялись как полноправные граждане. Начальник ГУЛАГа МВД СССР генерал-лейтенант Наседкин разъяснял: «Лица, переведенные на положение спецпереселенцев, пользуются всеми правами вольнонаемных, как в отношении размера оплаты труда, обеспечения жилищно-коммунального питания, торговли и культурно-бытовых учреждений, исключая право выезда за пределы района поселения, в т.ч. при использовании очередного отпуска»⁵. Однако это обнадеживающее разъяснение сводилось на нет, как только начиналось перечисление всех ограничений в гражданских правах спецпереселенцев, в первую очередь передвижения.

Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения. Начальникам ИТЛ/УИТЛК предоставлялось право в отдельных уважительных случаях разрешать спецпереселенцам временный выезд с места поселения для свидания с семьей. Выезд главы семьи, находившегося на поселении при лагере для постоянного жительства, к месту проживания семьи, находящейся на спецпоселении в другом районе, мог быть разрешен только по особому ходатайству начальника ИТЛ перед министром внутренних дел республики, начальником УМВД края и области. В противном случае самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Спецпереселенцы были обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться всем указаниям и распоряжениям спецкомендатуры НКВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа или ареста. Все уголовные деяния спецпереселенцев были подсудны лагерным судам, в том числе побегу. В архиве Карлага хранятся отдельные дела под грифом «совершенно секретно», среди них – «Алфавитные списки выселенцев, бежавших с мест поселения, подлежащих розыску, задержанию и привлечению к уголовной ответственности»⁶.

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г. за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежали уголовной ответственности в виде 20 лет каторжных работ. Дела о побегах рассматривались на Особом совещании при МВД СССР – неконституционным административно-управленческим органом, слепо выполнявшим волю правящей верхушки тоталитарного режима. Суровая кара

³ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 843. Л. 100.

⁴ Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

⁵ Архив Карлага. Карагандинский ИТЛ. № 20. Л. 97.

⁶ Там же. Отдел спецпоселений МВД СССР. Д. 391.

(лишение свободы на срок до 5 лет) ожидала лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения или способствовавших их побегу, а также лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, лиц, оказывавших помощь в устройстве их в местах прежнего жительства. К ответственности привлекались и работники, допустившие побegi. Нужно отметить, что в процессе приема и размещения спецпереселенцев чеченцев и ингушей от оперативных работников, их сопровождавших, принимался список агентыры и осведомителей. Для агентурной разработки составлялся план с целью вербовки осведомителей. В промышленных районах создавались резидентуры, курирующие агентурное «обслуживание» спецпереселенцев. Для пополнения агентурно-оперативных знаний комендантского состава организовывались семинары по агентурно-оперативной работе. Со старшими десятидворок проводились собрания, на которых разъяснялась их ответственность за побegi спецпереселенцев, входивших в десятидворки. Проводились совещания и с членами групп содействия.

Следует отметить, что спецпереселенцы избирательным правом пользовались на общих со всем населением основаниях. Но поскольку спецпереселенцы согласно положению не могли иметь на руках документов, удостоверяющих их личность, существовало указание НКВД СССР о том, что документом при явке спецпереселенца на голосование могут служить трудовые книжки, которые выдавались на один день. Спецпереселенцам, не занятым на производстве (неработающие члены семьи – иждивенцы), комендатуры трудпоселков должны были выдавать специальные бланки. Нормы оперативного и административного обслуживания спецпереселенцев, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством предусматривались Положением о спецкомендатурах НКВД, утвержденным Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 34-14с и объявленным приказом НКВД СССР 1945 г. № 04. Ведение персонального учета спецпереселенцев, хранение их личных дел возлагалось на комендатуры, а количественный учет и отчетность перед ГУЛАГом – на ОУРЗ лагеря⁷.

Несмотря на тяжелейшее положение и унижение, депортированные народы были полны патриотизма. Испытывая на себе недоверие властей, ограничения в гражданских

правах, они полностью разделили горе и трудности всего советского народа. Но особым уделом в годы войны стала трудовая армия. Проявляя стойкость и героизм на трудовом фронте, спецпереселенцы внесли большой вклад в общенародную Победу, что в истории Великой Отечественной войны значило не меньше, чем героизм на фронте военном.

В годы войны на территории Казахстана имелся 31 наркомат. В их ведении находилось 58 трудпоселков, где проживали 145 329 спецпереселенцев, из них 27 820 мужчин, 28 398 женщин и 4 075 подростков. Использовался труд 60 293 спецпереселенцев, в том числе подростков от 14 до 16 лет⁸. Помимо этих наркоматов в конце 1943 г. сюда прибыли и предприятия оборонного строительства, куда входили Тагиллаг, Алтайлаг, Каруголь, Кузбассуголь, Богословлаг, Главнефть станции Бокань и промышленные оборонные организации, где было задействовано еще 1 567 чел. Всего трудилось по предприятиям наркоматов 76 060 спецпереселенцев.

Народы Казахстана понесли большие потери в ходе политических репрессий. Деформация национальной политики в сочетании с негативными политико-экономическими и этническими факторами усиливала социальную напряженность в республике. Депортация целых народов в годы Великой Отечественной войны создавала новые проблемы – экономические, хозяйственные, идеологические, политические, межнациональные. Спецпереселенцы до середины 1950-х гг. были ущемлены в правах. Однако они составляли значительную часть рабочей силы республики. Среди них проводился организованный набор рабочих на срок до трех лет в угольную и горнорудную промышленность, в строительство и сельское хозяйство, а также на освоение целинных и залежных земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калыбекова М. История депортированных народов Казахстана (1937–1956 гг.). Алматы: LEM, 2008. 188 с.

REFERENCES

1. Kalybekova M. History of the deported peoples of Kazakhstan (1937–1956). Almaty: LEM, 2008. 188 p.

Статья принята редакцией 16.01.2015

⁷ Архив Управления Комитета по правовой статистике и спецучетам по Карагандинской области. Ф. № Пр. исх. 136. Д. 5409.

⁸ Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 81.

УДК 394(=1.161.1-81)(571.56-17)

С.Е. НИКИТИНА

**ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ
РУССКИХ АРКТИЧЕСКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ**

Саргылана Егоровна Никитина,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИИПМНС СО РАН)
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: Sarg_Nik.ykt@mail.ru

Культура русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия), несмотря на чуждый ландшафт, суровые условия жизнеобеспечения, успешно прошла адаптацию в течение четырех столетий в географической изоляции от генерального этногенеза русского народа. В иноязычном окружении они сумели сохранить язык, этническое самосознание, православную веру, материальную и духовную культуру исторической родины, в настоящее время представляющую «уходящую натуру». На полевом материале экспедиций 2012–2014 гг. в села Русское Устье и Походск – места компактного проживания русских старожилов Арктики РС(Я), рассмотрены актуальные вопросы адаптации в чуждой экологической среде, повседневные практики традиционного природопользования, их трансформации в условиях экономических и социальных процессов и перспективы сохранения данной культуры.

Ключевые слова: русские арктические старожилы, самобытный язык и фольклор, традиционные промыслы, традиционное природопользование, этническое самосознание.

S.YE. NIKITINA

**CULTURAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN OLD-SETTLERS
IN THE ARCTIC AREAS OF YAKUTIA**

Sargylana Yegorovna Nikitina,
Candidate of historical Sciences, Researcher,
The Institute of humanities Research and the indigenous Studies of the North, SB RAS
677027, Yakutsk, Petrovsky st., 1
e-mail: Sarg_Nik.ykt@mail.ru

The historical literature about the Old Russian culture of the XVI century preserved by the old-settlers in the Arctic areas of Yakutia represents «participant observation» of the exiles (at the end of the XIX century) and members of scientific expeditions of the XX century. Although this topic is of high scientific interest some issues remain unresolved, i.e. the question about the time of their origin, specifics of their adaptation and inter-civilization interaction. Special attention should be paid to the problem of their transformation in the XX–XXI centuries.

The present paper supports the hypothesis of their «arrival» from the Russian North via the «Northern Sea». They were accompanied by their families that provided the Russian old-settlers of Yakutia with an adequate social environment for inter-generational transmission of their original language and folklore and, ultimately, of their ethnic identity. The Russian identity's opposition to the alien linguistic landscape under the conditions of geographic isolation contributed to preservation of the Old Russian culture.

Unification of the Soviet educational system, regular transportation links with European Russia, new cultural values promoted the Russian literary language as the means of communication to an extent that one can talk about the «vanishing scenery». Field materials of the 2012-2014 expeditions allowed making the following conclusions: positive academic interest in the Old Russian language and folklore along with the State protectionist policy preserving the unique Arctic microeconomics had, undoubtedly, supported the tradition of their existence. An important condition for preserving this culture has been a mono-ethnic compact settlement (Russian Ust'e, Pokhodsk), where the basis of the people's life sustenance depended on the traditional use of natural resources. Collapse of the existing system of economic relations (the decline of the fur hunting industry, especially hunting the Arctic fox; collapse of the single system for delivering fishery products) changed the structure of the economy of the Russian enclave in the Arctic: the local people refused from dog breeding and fur hunting but retained the basic element of the traditional way of life – fishing. However, their legal insecurity threatens the prospects of their traditional trades.

Key words: Russian Arctic old-settlers, original language and folklore, traditional nature management, ethnic identity.

Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия) представлены группами русского населения, компактно проживающими в с. Русское Устье Аллаиховского улуса на устье р. Индигирки и с. Походск Нижнеколымского улуса на устье р. Колымы за 71° с.ш. Природно-географический ландшафт этой арктической территории сам по себе вызывает определенные социальные фобии, поэтому актуален исторический опыт адаптации рассматриваемого анклава русских старожилов с XVII в. Возможный путь транспортного сообщения – только по реке, доступность этих мест ограничивается сезонными природно-климатическими факторами даже в современных условиях транспортного разнообразия.

В 2012–2014 гг. состоялись комплексные экспедиции в села Русское Устье и Походск, в которых приняли участие сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). Были проведены социологические опросы, интервьюирование, анкетирование, антропометрические замеры, сбор фото-, аудио- и видеоматериалов. Собраны лингвистические, фольклорные, историко-этнографические, социолингвистические материалы.

Имеющаяся литература о русских арктических старожилах Якутии представлена этнографическими исследованиями «включенного наблюдения» отбывавших в конце XIX в. ссылку на Индигирку – В.М. Зензинова, на Колыме – В.Г. Богораза, зафиксировавших язык, фольклор, быт, занятия старорусской культуры XVI в. [1; 2; 3], а также исследованиями научных экспедиций XX в. [4; 5; 6]. При высоком научном интересе к теме остается нерешенным вопрос о времени появления русских, адаптации и межцивилизационном взаимодействии, особое внимание заслуживает проблема трансформации в XX–XXI вв.

В статье подерживается версия о «прибытии» с Русского Севера по «Северному морю» семьями [1, с. 16], что, на наш взгляд, в достаточной степени должно было обусловить социальную среду межпоколенной трансмиссии самобытного языка и фольклора, в конечном счете, этнической идентичности арктических русских старожилов Якутии. В истории Сибири факты убедительно свидетельствуют, что смешанные браки казаков и промышленных людей с аборигенными женщинами приводили не только к метисации, но в большей степени к культурной ассимиляции. Противопоставление русской идентификации локального анклава иноязыковому ландшафту в условиях географической изоляции определило сохранность старорусской культуры.

В настоящее время нет исторических материалов для подтверждения или опровержения предания о прибытии на кочах русских мореходов в устье Индигирки. Однако мы можем отметить, что исторические факты позволяют допустить вероятность успешного морского похода по северным водам [7; 8]. Так, труд Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1692 г.) содержит сведения, что уже в XVI в. русские мореплаватели имели возможность выходить в северные морские воды, успешно плавали в XVII в.: «В Енисейске делают очень большие корабли, имеющие верхнюю палубу. На них плавают к Лене, причем плавание совершается с внешней стороны материка, вдоль берега» [9, с. 109].

В исторической традиции появление русских казаков на Индигирке связывают с отрядом Ивана Реброва в 1638 г., когда ими были заложены два острожка. Исторические источники фиксируют: в 1642 г. на Индигирке 142 чел. (устюжане, вягичи, усольцы, холмогорцы, новгородцы и чердынцы), в 1647 г. на Колыме уже 396 промышленных людей уплатили оброк в казну [6, с. 55]. В Российской империи административно русскоустинцы были отнесены к мещанам Верхоянского округа. Анклав Колымского округа русских старожилов формировался в большей степени за счет казаков, которые отвечали за общественный порядок на Анюйской ярмарке, обеспечивали сопровождение почты, грузов, ссыльных, собранной ясачной пушнины.

До XX в. на Индигирке и Колыме были дисперсно расселенные многочисленные русские населенные пункты, в каждом из них имелось от двух до семи дворов. На Станчике арктическими жителями была построена самая северная церковь. В период колхозного строительства были созданы центральные усадьбы сел Русское Устье и Походск. В 1960–1970-е гг. почти все северные административные центры совхозов приобрели современный вид, шло активное строительство благоустроенных школ, детских садов, многоквартирных жилых домов, в 1990-е гг. были введены Интернет, цифровое телевидение, на далеких рыболовных участках – дизельные генераторы (у всех ноутбуки) и газовые плитки.

Можно согласиться с тем, что прибывшим из Русского Севера были близки хозяйственные занятия местных жителей – охота и рыболовство. Огромная заслуга их в обогащении традиционных занятий промысловым инвентарем: для охоты – обметы на соболя, кулемы, плашки, зверовые собаки, на песка пасти, для добычи рыбы – невода, сети. Адаптация русских старожилов в условиях новой экосистемы и иноязыковой среды прошла не просто за счет восприятия традиционных форм хозяйствования местных жителей, но приспособления этих знаний и умений к стандартам русской материальной культуры XVI–XVII вв.

В условиях географической изоляции, вызванной транспортной недоступностью и дальностью расстояний, происходили постоянные контакты с местными юкагирскими племенами, при этом заключаемые брачные союзы приводили к растворению юкагирского компонента в русском населении. Уже к середине XVIII в. сформировалось смешанное потомство – особая общность, в жизни которой равнозначными доминантами стали русский язык, православие, русский фольклор и свойственный аборигенам края материально-хозяйственный быт рыболовов-охотников. Необходимо отметить взаимовлияние в области верований, у русских старожилов сформировалась сложная синкретическая картина мира, связанная не только с православными традициями, но и с язычеством в форме шаманизма, кормления огня, духа местности, для удачи в охоте и др. Так сформировался оригинальный русский анклав среди арктических народов, они называли себя «местные русские», отличая себя от приезжих «тамосных» русских. Исследователи Русского Устья отмечали в антропологическом портрете русскоустинцев некоторые монголоидные черты: разрез глаз, скуластость, черные прямые волосы, редкая растительность на лице, темная кожа, но подчеркивали, что у монголоидов не бывает голубых глаз, довольно часто встречающихся у русскоустинцев.

В годы активного промышленного освоения Севера регулярные еженедельные авиарейсы включили далекие арктические села в активную по внешним контактам жизнь. Это нашло отражение в семейно-брачных отношениях с приезжающими с «материка», в миграционном процессе покинувших свои села. Современные русскоустинцы лишь частично сохранили монголоидные этногенетические маркеры. Близость к Чукотке нашла свое отражение в антропологическом портрете походчан, их особенностью является включение в большей степени чукотского компонента.

С XVII в. арктическое комплексное хозяйство русских старожилов включало песцовый промысел, речное рыболовство, ездовое собаководство. Белый песец был основным промысловым видом пушных зверей, имевших товарную ценность, до 1990-х гг. составлявшим единственную доходную статью жизнеобеспечения. Ими использовались давящие конструкции с приманкой – пасти, которых ставили до 300 шт. Обезжали их с целью промысла и ремонта охотничьего снаряда в любую погоду, покрывая расстояния в 200–300 км². Переход к рыночной экономике уничтожил устоявшуюся хозяйственную стабильность арктической системы жизнеобеспечения. Белый песец перестал быть востребованным, рухнули торгово-посреднические связи с заготовительными организациями. Охота из основного бюджетоформирующего промысла перешла в разряд подсобного, сохранились традиционные формы охоты на диких оленей и пернатую дичь.

Непосредственно с охотой на белого песца было связано ездовое собаководство, которое представляло важное хозяйственное занятие в цепи арктического жизнеобеспечения. Для прокорма одной собачьей упряжки необходимо было заготовить 3 т рыбы – для восьми собак, 4 т – для 10 собак. Поэтому рыболовство имело важное значение. С прекращением охоты на белого песца и появлением снегоходов необходимость в собачьем транспорте отпала, и индигирские собаки как особая порода исчезли. Нарты – средство передвижения, также привнесенное русской старожильческой культурой и перенятое местными народами (кочевавшими верхом на оленях), до сих пор используются в хозяйстве наряду со снегоходами.

В прошлом особым занятием был сбор плавника, принесенного рекой. Он использовался для отопления, а также для строительства изб и подсобных строений. Весной баграми вылавливали плавник из реки, складировали и вывозили зимой на нартах. Дрова и строительный материал по-прежнему представляют значимую ценность.

Отдельной отраслью хозяйственной деятельности арктических русских являлось рыболовство. Рыба была основной пищей, при этом «для стола» традиционно рыбачили женщины. В настоящее время рыбодобыча является единственной основой материального благополучия жителей низовьев Индигирки и Колымы. Новые рыночные условия организации и регулирования рыболовства в Арктике создали чрезвычайно сложные условия для развития этого промысла. Без государственной поддержки по развитию и укреплению материально-технической базы рыбопромысла, а также по организации системы заготовки и реализации рыбодобычи традиционная отрасль испытывает огромные трудности. Экстремальные природно-климатические условия, труднодоступность

рыболовных участков, высокая стоимость хранения, доставки, переработки и сбыта рыбной продукции – это постоянные вопросы, которые приходится решать при промышленном вылове. Квотирование и лицензирование рыболовства на территориях традиционного природопользования лишают русских старожилов Арктики возможности потребительского рыболовства для «еды». По федеральному закону о землепользовании при промышленном лове рыболовные участки распределяются путем аукционов, условия которых выводят «арктическую провинцию» из числа участников.

Закон Республики Саха (Якутия) от 17 мая 2000 г. № 193-П «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» защищал равные права на традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей, русских старожилов). Однако приведение творчества субъектов в соответствие федеральному законодательству¹ на основании п. 1 ст. 1 ФЗ обнаружило, что «русские старожилы» отсутствуют в Перечне, и «к русским арктическим старожилам не могут быть адресованы нормы законодательства о малочисленных народах, предоставляющие им определенные права и обязанности».

Исходя из редакции Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 05.04.2009 № 40-ФЗ п. 3 ст. 3, «положения настоящего Федерального закона могут распространяться на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов», был принят Закон РС(Я) о приравнении русских арктических старожилов к статусу коренных малочисленных народов Севера по традиционному природопользованию².

В Русском Устье основная трудовая деятельность мужского населения связана с промышленным рыболовством. Руководителем рыболовческой бригады является Сергей Алексеевич Суздалов, потомственный русскоустинец, в его бригаде 29 рыбаков. С.А. Суздалов уверенно руководит трудовым процессом, контролирует техническое оснащение рыбаков, помогая в приобретении лодок, снегоходов и т. д. Выловленную рыбу хранят в специально построенном леднике, строительство которого профинансировало правительство. Финансовая стабильность бригады сказалась на материальном благополучии рыбаков, уже который год они получают ежемесячную зарплату. В селе один магазин принадлежит рыболовческой бригаде, где продукты реализуются по оптовым ценам.

В отличие от русскоустинцев, колымчане до сих пор испытывают трудности со сдачей рыбы, сдают посредникам по очень низким закупочным ценам. Имеющийся кооператив,

¹ Федеральный закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ.

² Закон Республики Саха (Якутия) «О распространении положений Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации «на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустинцев)»» (в ред. Закона РС(Я) от 15.10.2009 743-3 №377-IV).

восемь рыбаков, выдерживает конкуренцию только благодаря дотационной политике республиканского правительства. Остальные рыбаки по контракту, сдают и в кооператив, и посредникам, где закупочные цены чуть выше. Оплату своего труда, в отличие от Русского Устья, рыбаки получают по реализации рыбы, два раза в год.

В годы советской власти, которые вспоминаются старожилками как годы наибольшего благопроявления, высоко оценивался ударный труд охотников-промысловиков на белого песца, летом рыбаки сдавали улов приходившему два раза в неделю катеру, снабжение полярных сел осуществлялось напрямую из Москвы, с которой соединяли прямые рейсы Москва–Чокурдах, Москва–Черский. В настоящее время вопросы снабжения продуктами решают коммерческие доставки семейного бизнеса земляков, завозят по зимнику, цены на завозимый товар запредельные. Поэтому овощи закупают из планового северного завоза.

Язык и фольклор Русского Устья являются историческим памятником русской культуры XVI–XVII вв. В годы советской власти образовательная политика стандарта грамотности и литературного русского языка привела к тому, что поколения школьников Русского Устья начиная с 1940-х гг. подвергались интенсивной языковой ассимиляции современным русским языком. Так, выявленные в Нижнеколымском районном архиве протоколы заседаний бюро райисполкома свидетельствуют о жестком административном контроле «за чистотой и грамотностью речи учащихся, необходимости правильного произношения и ответственности родителей за домашние разговоры на своем диалекте»³. Веками бережно сохраняемый язык в настоящее время представляет «уходящую натуру».

Уникальность лингвокультурологического материала Русского Устья и Походска определяется сохранностью архаичной северорусской культуры, языка и фольклора. Интерес многочисленных экспедиций к ним объяснялся тем, что «путешественников и исследователей края всегда поражал неожиданный контраст между монголоидной внешностью местных жителей, северной бытовой атрибутикой... и их русским говором, вождением русских хороводов на вечерках, традиционно русским обрядом рождественского обхода домов с пением ритуального винограда и даже былинами, бытующими в их среде. И фольклористов, прежде всего, привлекал феномен бытования здесь русского фольклора и сохранения... жанров и видов утраченных или почти утраченных в метрополии».

В настоящее время, по данным статистики, численность населения с. Русское Устье – 148 чел., причем коренные местные русские составляют 85 %⁴. В с. Походске проживают 254 чел., из них коренные походчане составляют 2/3 населения⁵. В Походске и в Русском Устье трудоустройство обеспечивают: модульная электростанция, котельная, общеобразовательная школа, детский сад, сельский клуб, рыболовецкий кооператив. В сельской администрации штат из 2 чел.

³ Нижнеколымский улусный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 174–176. Нижнеколымский райисполком депутатов трудящихся ЯАССР. 1929–1940 гг.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 54–61. Отдел образования. 1931–1953 гг.

⁴ Текущий архив администрации МУ «с. Русское Устье». Статистика.

⁵ Текущий архив администрации МУ «с. Походск». Статистика.

в Русском Устье, 4 чел. в Походске, фельдшерский пункт – 1 чел. На селе функционируют частные магазины.

Как показали проведенные социо- и антропологические исследования экспедиции 2013 г., жители Русского Устья и их земляки, живущие в районном центре пос. Чокурдах, по самоидентификации дают довольно интересную картину. Люди старше 56 лет связывают свою национальность с местным происхождением, называются «русскоустинцами» либо «местнорусскими». Лица в возрасте от 40 до 56 лет определяют свою национальность как «русский», мотивируя: «говорю на чистом русском языке», при этом родители связывают с показателем «местный». В интервью некоторые из них рассказывали о случаях во время выездов в Центральную Россию, когда им приходилось доказывать, что они русские. Люди в возрасте до 40 лет, особенно молодые – от 17 до 35 лет, однозначно отвечают – «русский», один из родителей, как правило, оказывается с «материка».

Для русских старожилков Арктики в целом характерны положительные установки на межнациональное общение и активные этнокультурные контакты с другими народами. Наибольшее предпочтение отдается контактам с юкагирами, эвенками, приезжими русскими, якутами. О межэтнических контактах можно судить по уровню браков, заключенных с представителями разных национальностей. Так, в настоящее время в Русском Устье проживают из приезжих 19 эвенов, 16 якутов, 14 русских. Положительным явлением представляется сохранение высокой степени родственных связей, которые усиливаются в диаспорах пос. Чокурдах, Якутска, Нерюнгри, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, а также наличие традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Бережное отношение к памяти своих предков, к старшим в семье, родителям, детям является особой чертой характера русскоустинцев. Для жителей Русского Устья русскоустинцы все «наши», у них нет детей-сирот, брошенных стариков, обязательно их возьмут в семью, при разделе добычи и улова каждый принесет равную долю во вдовью семью. Эта особая ментальность близка нормам обычного права, но также может быть объяснена поведенческой культурой русскоустинцев, живущих немногочисленным анклавом в иноязычном окружении. В их лексике ласковое обращение друг к другу, к земле, окружающей природе, отсутствуют ругательные слова, а трезвость – норма повседневности, родителями в семьях с раннего возраста формируется уважение к местным народам.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы: около четырех столетий в географической изоляции от генерального этногенеза русского народа России в арктической зоне Северо-Востока Сибири произошло становление арктического субэтноса, приспособившего старорусскую материальную и духовную культуру к реалиям Севера и впитавшего достижения традиционной культуры аборигенов. В настоящее время наблюдается процесс утрачивания традиционных занятий, сложившейся системы жизнеобеспечения.

В течение XX в. происходили трансформации сложившегося образа жизни: насильственная коллективизация в единое хозяйство и административное поселкование; огосударствление экономической сферы их жизни; изменение транспортной и социальной инфраструктуры в связи с промышленным освоением Севера. Вектор советской системы

просвещения на унификацию культуры и языка, новые требования среднего профессионального и высшего образования отразились на выборе в качестве языка общения литературного русского языка. Развал экономики в 1990-е гг., возврат транспортной недоступности остро сказались на арктических территориях в целом, для русских арктических старожилов особо тяжелым был отказ от традиционной охоты на белого песца – промысла, практически определявшего их этнографическую культуру.

Высокий адаптационный потенциал русских старожилов Арктики нашел выход в многочисленных экспериментах с разведением птиц, коз, свиней, тепличным овощеводством, переориентации хозяйства на рыболовство. В настоящее время можно считать русских арктических старожилов отдельной этнографической группой, заселяющей определенный географический ареал – низовья Индигирки и Колымы на побережье Северного Ледовитого океана, занимающейся традиционными промыслами, их жизнеобеспечение полностью находится в зависимости от традиционных занятий. В данный момент этническая специфика стойко сохраняется в хозяйственной деятельности и в духовной сфере. Признание за «русскими арктическими старожилами», жизнеобеспечение которых всецело определяется традиционным природопользованием, правового статуса, включенного в Перечень... народов Севера, гарантирующего правовую защищенность с учетом традиционного природопользования, позволило бы им более успешно осуществлять свою экономическую деятельность в сфере рыболовства и охоты, пользоваться такими же льготами, как другие арктические этносы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914.
2. Богораз В.Г. Русское население на Колыме // Землеведение. 1899. Вып. 4. С. 42–123.

Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шилловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

В монографии доктора исторических наук О.Н. Шелегиной представлены новые результаты, актуальные для развития отечественной и мировой науки: впервые разработан адаптационный подход в музеологии, а также создана исследовательская модель «Музейный мир Сибири». Монография отражает многолетнюю работу автора в Институте истории СО РАН, Научном совете по музеям СО РАН, а в последние несколько лет – работу в Комитете музеологии, стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО (ASPAC).

Сегодня общепризнанным является тезис о том, что музей – это тысячелетний феномен мировой истории и культуры. В монографии отмечено, что при имеющихся бесспорных достижениях истории отечественного музейного дела

3. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. № 6. С. 103–125.
4. Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев. М., 1972.
5. Шуб Т.А. Старожилое русское население низовьев р. Индигирки // Тр. II Всесоюз. геогр. съезда. М., 1949. Т. 3. С. 315.
6. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
7. Окладников А.П. Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.; Л., 1945.
8. Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских Северным путем в XVII в. // Проблемы Арктики. 1943. № 2. С. 195–226.
9. Визе В.Ю. Успехи русских в исследовании Арктики // Тр. Второго Всесоюз. геогр. съезда. М., 1948. Т. 1. С. 109.

REFERENCES

1. Zenzinov V.M. Old-timers people in Cold ocean. The Russian Estuary of the Yakut region Verkhoyansk district. M., 1914. (In Russ.)
2. Bogoraz V.G. Russian population in Kolyma. *Zemlevedenie*. 1899, Is. 4, pp. 42–123. (In Russ.)
3. Bogoraz V.G. The Russian in Kolyma. *Zhizn*. 1899, no 6, pp. 103–125. (In Russ.)
4. Birkengof A.L. Descendants of the new land discoverers. M., 1972. (In Russ.)
5. Shub T.A. Old-timers Russian population of the Lower Indigirka. *Trudy II Vsesoyusnogo geograficheskogo siezda*. M., 1949, v. 3, pp. 315. (In Russ.)
6. Gurvich I.S. Ethnic history of northeast Siberia. M., 1966. (In Russ.)
7. Okladnikov A.P. Old-timers Russian polar sailors off the Taimyr coast. M.; L., 1945. (In Russ.)
8. Dolgih B.O. New data about the Russians Northern voyage by Sea in 17 c. *Problemy Arktiki*. 1943, no 2, pp. 195–226. (In Russ.)
9. Vize V.Yu. The Russian Advances in the study of Arctic. *Trudy II Vsesoyusnogo geograficheskogo siezda*. M., 1948, v. 1, pp. 109. (In Russ.)

Статья принята редакцией 07.02.2015

все же недостаточной является связь с мировой традицией. Существенное значение для российских музеев имеют проблемы корреляции современных социально-экономических практик и освоения регионального историко-культурного наследия.

Таким образом, О.Н. Шелегина подводит читателя к выводу, что исследование истории и современных тенденций в развитии музейного мира Сибири обусловлено актуальными научными, социокультурными, музеологическими проблемами глобального и регионального уровней и направлено на формирование современной музейной парадигмы. На основе эвристического потенциала подходов, введенных ранее в научный оборот, а также знаний и достижений в социально-гуманитарной области, релевантного эмпирического материала автором монографии предложен новый музеологический подход – адаптационный. Он базируется на ключевом общенаучном понятии «адаптация» и позволяет рассматривать в исторической динамике систему «музейный мир – музей –

социокультурное пространство» как многоуровневую адаптивно-адаптирующую систему.

Монография, вне всякого сомнения, носит междисциплинарный характер, автором осуществлена интеграция исторического и музееведческого уровней исследований. О.Н. Шелегина изучила литературу не только отечественных, но и зарубежных авторов, чтобы понять, в какой парадигме представить музейный мир Сибири. Благодаря привлечению разноплановых репрезентативных источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, ей удалось показать в исторической динамике тенденции в развитии музейного дела в Сибири в широком социокультурном контексте.

Книга имеет важное теоретическое и научно-практическое значение для изучения истории культуры Сибирского региона, создания новой музейной парадигмы, развития региональной историографии, модернизации музейного дела в России, научно-образовательной практики, инициирования международных проектов по социокультурной адаптации населения к условиям глобализации.

Применительно к Сибирскому региону О.Н. Шелегиной в данной монографии представлена и реализована новая концепция, синтезирующая теорию и практику музейного дела путем интеграции концепта «музейный мир», адаптационного подхода, изучения музейного мира Сибири в 1870-х – 2012 гг., обоснования проекта «Музей Сибири».

Комплексный анализ комплементарных и диффузных пространств музейного мира Сибири включал компоненты: *материальную* (историко-культурное и природное наследие, особо охраняемые территории, музеефицированные объекты, музеи и учреждения музейного типа); *интеллектуальную* (научные учреждения и учебные заведения, общественные организации, лица, занимающиеся музейной деятельностью и музееведением, музейные проекты); *коммуникационную* (средства массовой информации, экспозиционно-выставочная деятельность, информационно-телекоммуникационные сети). Это позволило выявить особенности эволюционного развития музейного мира в различные исторические периоды (1870–1920-е, 1960–1980-е гг.), его адаптации к кризисным явлениям и процессам глобализации в развитии социума XX в. (1930–1950-е, 1990–2000-е гг.).

Для первого периода эволюции музейного мира Сибири характерна организация преимущественно музеев местного края, а также появление педагогических, церковных, художественных коллекций, занявших достойные позиции в музейном мире России. Была создана основа для формирования региональной музейной сети. Существенную роль играло взаимодействие в музейной сфере Российской академии наук, сибирских отделов РГО, учебных заведений, общественных деятелей и организаций. Российскому и международному признанию сибирских музеев способствовало их участие в универсальных и тематических выставках, активная публикация материалов в периодических изданиях, первом в России музейном журнале «Ежегодник Тобольского музея» (1893–1918 гг.). Созданный в условиях общественного подъема музейный мир Сибири благодаря значительному адаптивному потенциалу сохранил устойчивость в период социальных катаклизмов, вызванных революциями и Гражданской войной.

Развитие музейного мира Сибири в 1960–1980-е гг. связано с диверсификацией музейной сети, организацией ведомственных и общественных музеев. На протяжении XX в. музейную политику и практику реализовывали в общероссийском контексте (с учетом региональной специфики) около 300 государственных музеев в рамках музейной сети. Важное значение для обеспечения эффективной деятельности музеев имели организация Сибирского филиала Научно-методического совета по работе музеев Министерства культуры России, представительство на международных выставках, личные инициативы ученых, представителей национальной интеллигенции.

В 1930–1950-е гг. адаптация музейного мира Сибири к новым социально-экономическим условиям и советской идеологической парадигме происходит путем государственной институционализации и регламентации музейного дела (нормативно-правовая база, бюджетное финансирование, научно-методические рекомендации пропагандистского характера), внедрения в региональную сеть значительного числа музеев историко-революционного профиля.

Период адаптации к условиям рыночной экономики, глобализации социума с начала 1990-х гг. отличается поиском, разработкой и реализацией адаптационных стратегий и тактик на внешнем и внутреннем уровнях музейной коммуникации, включая информационные телекоммуникационные сети, а также сочетанием традиционных и новационных адаптаций (опыт программной организации музейного дела в СО РАН, создание системы высшего музееведческого образования, интеграция музеев в региональные социокультурные инфраструктуры), появлением паллиативных форм – учреждений музейного типа.

Механизмы адаптации музейного мира Сибири в первой половине XX в. определялись доминированием институциональных и нормативно-регулятивных средств, с начала 1990-х гг. – приоритетностью интеграционных процессов в региональном социокультурном пространстве, с 2000-х гг. – внедрением в международное музейное сообщество. Причем наиболее эффективным оказалось создание специальных интернет-проектов, посвященных культуре населения Сибири. О.Н. Шелегина отмечает, что значительные успехи в этом направлении были достигнуты в Новосибирском областном краеведческом музее. Реализация проектов виртуальных экспозиций началась в 1997 г., когда музей благодаря Институту «Открытое общество» получил доступ в глобальную информационную сеть. Интернет-проект «Аборигены Сибири», выполненный под руководством А.В. Шаповалова, можно рассматривать как интеграционный проект в сфере науки, культуры и образования.

Как выясняется из монографии, период постадаптации с 2010-х гг. демонстрирует совершенствование механизмов, средств, моделей адаптации, приобретенной на предыдущих этапах, формирование адаптивной культуры, позволяющей переходить от адаптации и коадаптации к стратегии влияния музейного мира на социокультурное пространство региона. О.Н. Шелегина объясняет это тем, что музейный мир Сибири занимает общественно значимую позицию, связанную с адаптацией населения к условиям полиэтничной территории, формированием, сохранением и актуализацией материального и нематериального культурного и природного насле-

дия, его дигитализацией, включением в сферу российского и международного туризма.

В XXI в. проблема исторических экспозиций и их воздействия на общество чрезвычайно актуальна для всех музеев мира. Музей как связующее звено между наукой и социумом обладает колоссальным потенциалом воздействия на общество – информационным, воспитательным, эмоциональным. Музей становится мощным инструментом продвижения в мире положительного имиджа отдельных стран и регионов.

В условиях глобализации музейный мир Сибири может быть нацелен на реализацию адаптационной стратегии «От создания музеев Сибири к созданию Музея Сибири» – высокотехнологичного музея мирового уровня, развивающего актуальный имидж Сибирского региона. Идея создания Музея Сибири была инициирована Научным советом по музеям СО РАН, нашла поддержку музейщиков и музейных практиков.

Одну из ведущих тем музея можно обозначить как «Научное освоение Сибирского региона в исторической динамике: от первых академических экспедиций XVIII века до путей и результатов интеграции сибирской науки и культуры в российское и мировое научное пространство».

Другой значимой темой может стать демонстрация создания Транссиба – крупнейшей транспортной артерии России, связавшей восточные окраины Российской империи с ее европейской частью.

Костюм народов Поволжья: Каталог / сост. к.и.н М.А. Овчарова. Новосибирск, 2014. 98 с.: ил.)

В условиях глобализации возрастает стремление людей к индивидуализации, идентификации, а вместе с этим усиливается интерес к самобытной этнической культуре. Нигде так ярко не манифестирует себя этничность как в элементах материальной культуры, в том числе в костюме. В связи с этим издание каталога «Костюм народов Поволжья из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея» является весьма своевременным событием научной жизни.

Новосибирский государственный краеведческий музей хранит обширные этнографические коллекции, которые являются важным источником для изучения культуры народов Сибири, в том числе народов Поволжья. Для них, переселенцев из Европейской России, Сибирь стала родиной в XVIII–XIX вв.

Однако лишь в XX в. их жизнь и быт становятся предметом научного изучения. Центрами этнографического исследования являлись и музеи. К середине XX в. было создано несколько крупных музейных коллекций, отразивших различные аспекты материальной и духовной культуры народов Поволжья, а в начале XXI в. назрела необходимость в систематизации музейного материала, в том числе на региональном уровне.

В условиях глобализации возрастает стремление людей к индивидуализации, идентификации, а вместе с этим усиливается интерес к самобытной этнической культуре. Нигде так ярко не манифестирует себя этничность как в элементах материальной культуры, в том числе в костюме. В связи с этим издание каталога «Костюм народов Поволжья из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея» является весьма своевременным событием научной жизни.

Современные историко-этнографические и этносоциологические исследования Сибири и ее образа в значительной степени соотносятся с вопросами региональной идентичности. Именно в настоящее время необходимо обращение к региональной сибирской идентичности как к фактору культурной политики. Это, по мнению специалистов, актуализирует положительные социально-психологические черты, духовный настрой, который был всегда свойствен населению Сибири.

В Музее Сибири можно реализовать множество направлений социально-экономической, культурной, духовной жизни региона. И это не случайно. По мнению ведущих российских ученых, в Российской Федерации нет региона, сопоставимого с Сибирью по реальному и перспективному экономико-политическому значению. О.Н. Шелегина справедливо отмечает, что сибирскими гуманитариями накоплен значительный потенциал, который может быть активно востребован в деле создания Музея Сибири.

В заключение отметим, что результаты монографического исследования музейного мира Сибири, проведенного доктором исторических наук О.Н. Шелегиной, открывают новые перспективы в изучении музейного мира регионов, реализации междисциплинарных международных проектов.

Канд. ист. наук *Н.А. Купериха*,
Институт истории СО РАН

Пройдя длительный этап накопления источниковой базы по истории и культуре различных этносов, музей в современных условиях встает перед необходимостью анализа и публикации собранного материала. Это является обязательным атрибутом работы музея, делает его существование практически значимым.

Издание каталога «Костюм народов Поволжья из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея» расширяет возможности исследователей данных этносов как в области материальной, так и духовной культуры, позволяет работать дистанционно, экономия время и материальные средства. В свою очередь музей сможет привлечь новых посетителей, интересующихся этнической культурой народов Поволжья, а также предоставить исследователям необходимую информацию.

В данном издании в научный оборот вводятся ранее не опубликованные этнографические материалы по костюму народов Поволжья. В каталоге представлены предметы костюма мордвы, чувашей и марийцев, собранные преимущественно на территории Западной Сибири. Это позволяет восполнить информационные лакуны, сложившиеся на сегодняшний день в источниковой базе по этнографии данных этносов. Анализ трансформационных процессов, которым оказался подвержен комплекс одежды и украшений народов Поволжья в XIX–XX вв., а также локальных вариантов костюма различных этнографических

групп данных этносов вносит в проект элементы исследовательского характера.

Структура каталога содержит предисловие, три раздела – «Мордва», «Чуваши», «Марийцы» – с подразделами «Вступительная статья» и «Коллекция», терминологический словарь. Фотографии экспонатов сопровождаются подробным научным описанием. Составитель каталога М.А. Овчарова проделала большую работу не только по систематизации музейного материала, но и по его презентации как в визуальном, так и в информативном плане. Все разделы дополнены справочной информацией об особенностях переселенческих процессов народов Поволжья в Сибири. Ей удалось показать специфику этнического покрова одежды, формы головных уборов, украшений, на основе которой можно отнести предметы к локальным и субэтническим группам мордвы, чувашей, марийцев.

К бесспорным достоинствам работы следует отнести корректность атрибуции предметов, определение субэтнической или региональной принадлежности предмета из какого-либо комплекса. Положительным аспектом работы является также систематизация предметов коллекции и детальность их описания, что имеет особое значение для профессиональных этнографов. Благодаря историко-статистическим очеркам о мордве, чувашах, марийцах в Сибирском регионе и справке об истории бытования каждого предмета каталога к нему могут обращаться не только специалисты, но и более широкий круг интересующихся этнической культурой.

В каталоге полноценно представлены комплексы женской праздничной и повседневной одежды мордвы-мокша, мордвы-эрзя, с уникальными украшениями *сколгам*, ожерельем *крганят*, *комбоне* и др. В каталоге также отражена женская одежда низовых (*анатри*) и средненизовых (*ана-*

теничи) чувашей с *масмаком* и *сурпаном*. Систематизация позволила выявить недостаток мужских костюмов, элементов бытовой культуры, посуды, полотенец, предметов промысловой культуры. Возможно, это направление перспективной деятельности послужит ориентиром в будущей работе и в дальнейшем при доработке позволит расширить каталог за счет новых разделов или предпринять серию новых публикаций.

В целом в каталоге «Костюм народов Поволжья из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея» воплощены современные подходы к такого рода изданиям. Его структура выдержана в соответствии с выбранной типологией костюма, выводы обоснованы с точки зрения соотношения как с архивно-музейными источниками, так и с полевыми материалами.

Материалы и выводы, содержащиеся в каталоге, имеют определенное значение для понимания материальной и духовной культуры мордвы, чувашей и марийцев. Они могут быть использованы при написании обобщающих работ по традиционной культуре этносов Западной Сибири и России в целом, а также при разработке лекций и мероприятий по истории и краеведению в общеобразовательной школе, лекционных курсов по этнографии и истории материальной культуры в профессиональных учебных заведениях для историков и музееведов, а кроме того, могут быть востребованы в музейно-экспозиционной и туристско-экспозиционной деятельности.

О.Н. Шелегина,

Институт истории СО РАН

Е.А. Ерохина,

Институт философии и права СО РАН

Рынков В.М., Ильных В.А.
Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914 – 1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.

Историографическая ситуация последнего десятилетия характеризуется очевидной тенденцией к обобщению и теоретическому осмыслению процессов аграрного развития России. Очередной период переоценки исторического опыта и накопления эмпирических данных с учетом новых концептуальных подходов, начавшийся на волне перестройки и охвативший 1990-е гг., закономерно завершается серией обобщающих работ, в которых представлены результаты исследований по отдельным регионам России и всей стране в целом.

Оценивая публикации последних пятнадцати лет, сегодня можно говорить о формировании «новой» аграрной истории. Она выступает преемницей фундаментального направления исторической науки, сложившегося еще в советский период, но вместе с тем заметно отличается от него. Характерными чертами новой аграрной истории выступают

методологический плюрализм, внимание к источниковедческим аспектам исследования, стремление к расширению и комплексному использованию источниковой базы.

Историографическая ревизия затронула всю хронологическую шкалу российской аграрной истории, но в фокусе особого внимания исследователей оказался период «аграрной революции», охвативший конец XIX в. – первую четверть XX в. И это не случайно: трудно найти еще один такой этап российской истории, когда на фоне произошедших политических сдвигов сложилась карта реализованных и нереализованных возможностей исторического развития страны. Здесь есть простор для широких интерпретаций, построенных на суждениях о влиянии объективных и субъективных факторов, случайности и закономерности и возможность приблизиться к пониманию механизмов истории.

По периоду «аграрной революции» в целом и отдельным его этапам за последние годы вышел ряд интересных и значимых с научной точки зрения работ, среди которых следует отметить монографии С.А. Есикова, Д.В. Ковалева,

А. В. Лабузова, М.И. Роднова, В.А. Саблина, Д.А. Сафонова и др. Обобщив региональный опыт аграрного развития, они подготовили базу для проведения межрегиональных исследований.

Особое место в отечественной историографии аграрной истории занимает новосибирская школа, созданная Н.Я. Гуциным. Сложившись еще в советский период, сегодня она является лидером в изучении проблем аграрной истории. За последние десятилетия в секторе аграрной истории Института истории СО РАН, возглавляемом д.и.н. В.А. Ильиных, был реализован ряд проектов, последовательно раскрывающих основные этапы и направления аграрного развития Сибири в XX в. В наше сложное время это, пожалуй, единственный пример систематической, масштабной работы по изучению аграрной сферы крупного региона России, включающей все ее основные аспекты – экономические, социальные, политические, демографические, расселенческие. Следует отметить также стремление отойти от устоявшейся периодизации и проследить аграрные процессы в контексте более широких временных границ, что позволяет выйти на новый уровень понимания исторических закономерностей.

Все эти качества свойственны монографии В.М. Рышкова и В.А. Ильиных «Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири. 1914 – 1924 гг.». Монография носит обобщающий характер, подводя итог многолетней работе авторов, и одновременно открывает перспективы дальнейшего изучения, казалось бы, достаточно хорошо изученного исторического периода.

Объектом исследования авторов выступает «аграрный строй» Сибири – понятие, интегрирующее все аспекты производственных отношений, в том числе «систему земледелия и землепользования, организационно-производственную структуру сельского хозяйства, агротехнологии и методы отчуждения сельхозпродукции, конкретно-исторические модели стратификации и социальной мобильности крестьянства» (с. 4). Преимуществом данной категории, введенной В.А. Ильиных еще в начале 2000-х гг., является возможность выйти за пределы социально-экономического толкования аграрных явлений и процессов, включить сельскохозяйственную производственную систему в природную среду, которая, в конечном счете, определяет все характеристики аграрного развития. В этом смысле концепция аграрного строя выступает примером творческого развития идей Л.В. Милова, поднявшего вопрос о влиянии природно-географического фактора на аграрную экономику и весь общественный строй России.

В рассматриваемой монографии концепция аграрного строя получила дальнейшее развитие на примере изучения сельского хозяйства Сибири с учетом его природных особенностей и политических факторов, под влиянием которых в течение «десятилетия потрясений» шла трансформация аграрного производства. В главах монографии последовательно, с опорой на обширную статистику, раскрываются основные структурные элементы аграрного строя, начиная с характеристики землевладения и землепользования и заканчивая анализом организационных форм аграрного производства – крестьянского хозяйства, кооперации, колхозного и совхозного производства.

Особенностью аграрного строя Сибири, по мнению авторов, является сохранение ведущей роли общины не только в вопросах землевладения и землепользования, но и местном управлении, а также влияние на характер поземельных отношений переселенческого движения. Особое внимание авторы уделяют сложной диалектике взаимоотношений власти и крестьянства в земельных вопросах. Эти два фактора (община и массовое крестьянское переселение), в конечном счете, свели на «нет» не только усилия столыпинской администрации по реализации аграрной реформы, но и советской власти, запустившей земельный передел и программу национализации земли.

Авторами вводится еще одно теоретическое понятие, необходимое для анализа исторического материала, – это категория *аграрного кризиса*. Собственно, хронологические рамки монографии определяются данным понятием: здесь прослежен полный сельскохозяйственный цикл от неурожая 1910–1911 гг. до кризиса 1922–1924 гг., начало которому положили неурожай 1920–1921 гг. Аграрный кризис рассматривается как составная часть и результат тех потрясений, которые пережило российское общество. Как отмечают авторы, в отечественной историографии в качестве основных причин аграрного кризиса обычно указываются политические: в советской историографии – война; в постсоветской – политика большевиков. И совсем не уделяется внимание объективным причинам, прежде всего климатическим циклам, которые были и остаются наиболее значимыми для сельскохозяйственной деятельности, задавая динамику сельскохозяйственных циклов.

Таким образом, в представленной монографии реализуется задача отхода от распространенной в историографии точки зрения о политически заданном характере аграрного кризиса 1910–1920-х гг. и сделана попытка оценить роль природно-климатического фактора. Это блестяще удалось применительно к анализу зернового производства и животноводства. Авторы отмечают, что политически сложные, но климатически благоприятные годы Первой мировой и Гражданской войн для Сибири были не так тяжелы, как неурожайные 1921–1922 гг., а основной причиной аграрного кризиса, в том числе массового голода 1922 г., были природно-климатические факторы, усиленные непродуманной политикой, в частности «сверхнормативным изъятием зерна государством в рамках продразверстки и продналога» (с. 93).

По оценке авторов монографии, в рейтинге причин аграрного кризиса политика отходит на второй план. Она не играет роль базового фактора, но способна амортизировать или, напротив, усиливать кризисные явления, т.е. выступает в качестве катализатора/ингибитора объективных экономических процессов. Интересны наблюдения авторов о том, что замена продразверстки продналогом не изменила кризисной ситуации, в которой находились крестьянские хозяйства. Вопреки общепринятой точке зрения было показано, что «драконовские» меры по сбору продналога оставались прежними и опирались на репрессивный аппарат (аресты, лишение крестьян свободы, привлечение ревтрибуналов) (с. 112).

Выделяя особенности аграрного развития Сибири в эпоху «потрясений», авторы отмечают, что географическое

положение Сибири, ее отдаленность от центра повлияли на хронологические границы аграрного кризиса: он начался позднее (к 1920-му году) и продолжался вплоть до 1924 г., т.е. восстановление аграрного производства также началось позже, чем в большинстве регионов России. В Сибири хозяйственная ситуация улучшается к 1923 г., а острая фаза кризиса была преодолена только к 1925 г.

Сопоставление динамических рядов зернового производства, животноводства и других отраслей аграрной экономики позволило сделать вывод о разнонаправленности производственных процессов в различных секторах аграрной экономики. Если зерновое производство максимально зависело от природных условий и соответствовало климатическим циклам, то в животноводстве прослеживается совсем другая картина. Здесь спад наблюдается задолго до кризиса зернового производства. В целом до 1920 г. обе отрасли развивались в противофазе. Производство в товарных отраслях (маслоделии) также имело свою динамику и сокращалось сильнее, чем общие объемы сельскохозяйственного производства.

В целом несовпадение динамики производства отдельных отраслей и внутри них свидетельствует о сохранении в изучаемый период механизмы саморегулирования, опирающихся на существующие организационные формы аграрного производства и внутренний потенциал крестьянского хозяйства, функционирующего по законам самообеспечения и выживания. Эти внутренние механизмы аграрной экономики были рассмотрены в отдельной главе монографии.

Ослабление крестьянского хозяйства, подрыв его демографического потенциала в результате мобилизаций, повышения смертности населения, нехватка трудовых ресурсов стали факторами, ограничивающими темпы развития сельского хозяйства. И, несмотря на различные мероприятия власти (использование труда военнопленных, привлечение к сельскохозяйственным работам учащих, женщин, а позднее создание уборочных и молотильных дружин), компенсировать убыль трудовых ресурсов так не удалось. Тем не менее, пока крестьянское хозяйство выступало основной организационной формой аграрной экономики, работали механизмы саморегулирования.

Изучение стратегий выживания крестьянского хозяйства в условиях войны и кризиса, без сомнения, требует дальнейшего, более тщательного исследования. К решению этой задачи авторы подошли вплотную. В заключительной

главе монографии имеется много ценных наблюдений: внимание заслуживают выводы об отсутствии качественных сдвигов в социальной структуре крестьянства, которая определялась демографическими показателями. Основные изменения были вызваны появлением новых организационных форм (коммун, артелей, совхозов), в которых участвовали не только бедняки, но и зажиточные хозяйства. Собственно, все колебания различных социальных категорий крестьянства по отношению к коммуна, кооперации, советам, налоговой политике и другим факторам внешней среды являются проявлением стратегий выживания. Их выявление и описание позволят «оживить» строгий историко-экономический дискурс, придать ему новые черты.

Таким образом, в монографии представлена комплексная картина развития аграрной сферы Сибири в условиях войны и революции, завершившаяся общим восстановлением того аграрного строя, основы которого были заложены еще в XIX в. Показав особенности аграрного строя Сибири в целом, авторы все же не дали описание *моделей аграрного строя*, сложившихся на территории региона. Хотя основа для этого создана: были выделены шесть географических зон (Северо-Западная, Центральная, Юго-Западная, Южная, Среднесибирская, Восточная), по ним собрана необходимая сельскохозяйственная статистика (см. приложения), позволяющая проследить отличия. Анализ и сравнение географических зон систематически встречается при характеристике отдельных сюжетов, но моделирование в целом завершено не было. Думается, что методы экономического зонирования позволят авторам в дальнейшем более четко выделить и описать специфические сельскохозяйственные модели, характерные для степной, лесостепной, таежной и горной природной зоны. В этом также видятся перспективы дальнейшего развития понятия аграрного строя, поскольку данные модели могут быть интересны и востребованы при анализе аграрных процессов в других регионах.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая монография представляет собой исследование, включающее ценные теоретические выводы, конкретно-исторические наблюдения и обобщения. Особо нужно отметить очень тщательную, скрупулезную работу авторов с источниками, прежде всего со статистическими показателями.

д-р ист. наук Л.Н. Мазур,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;

- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm
и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.